

Р о с с и й с к а я а к а д е м и я н а у к
И н с т и т у т с л а в я н о в е д е н и я

Российская филологическая наука и зарубежное славянство

**Ученое путешествие
Ю.И. Венелина
в Болгарию
(1830–1831)**

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ**

**УЧЕНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ Ю. И. ВЕНЕЛИНА
В БОЛГАРИЮ
(1830–1831)**

Публикация подготовлена Г. К. Венедиковым

**Москва
2005**

Публикация «Ученое путешествие Ю. И. Венелина в Болгарию» содержит документы, касающиеся путешествия Ю. И. Венелина в Болгарию, совершенного им в 1830–1831 гг. Он был командирован туда на средства Российской академии, и это было первое ученое путешествие, организованное этой Академией на ее средства на Балканы. Публикация включает официальное бумаги (переписка Академии с Ю. И. Венелиным и государственными учреждениями и чиновниками, решавшими вопрос о его поездке) и письма частного характера, адресованные Ю. И. Венелиним М. П. Погодину, С. Т. Аксакову и др. Документы выявлены в разных архивах Москвы и Петербурга. Все они, за единичными исключениями, впервые публикуются здесь в полном объеме. Публикация представляет интерес для специалистов в области истории отечественного славяноведения и особенно болгаристов.

Ответственный редактор:

кандидат филологических наук В. С. Ефимова

Рецензенты:

доктор филологических наук Т. В. Попова

кандидат филологических наук Ф. Б. Людоговский

ISBN 5-7576-0185-X

© Институт славяноведения

РАН, 2005

© Г. К. Венедиктов

О ПУТЕШЕСТВИИ Ю. И. ВЕНЕЛИНА В БОЛГАРИЮ

В начале 80-х гг. минувшего столетия в журнале «Известия Всесоюзного Географического общества» была опубликована статья «Забытые экспедиции Российской академии» В. В. Коломинова, в которой речь идет о двух забытых теперь в наше время, по его мнению, экспедициях, организованных в свое время Российской академией в начале XIX в.¹. Судить об одной из них, совершенной в 1810 г. членом Академии В. Б. Броневским от Триеста до Петербурга, насколько она сейчас забыта, мы не беремся. Отметим только, что утверждение автора статьи, будто В. Б. Броневский «посетил практически все населенные славянами территории Европы», более чем спорно хотя бы потому, что путешественник этот на землях, населенных болгарами, не побывал. Что же касается совершенного в 1830–1831 гг. Ю. И. Венелиным путешествия или экспедиции в Болгарию, как называет его автор статьи, то характеризовать его как путешествие забытое еще четверть века назад, совершенно неверно. В. В. Коломинов сообщает об этом путешествии краткие сведения, известные ему только из статьи непременного секретаря Российской академии Д. И. Языкова (1840) и статьи П. А. Бессонова — первого биографа Ю. И. Венелина (1856). Он отмечает также, ссылаясь на «анализ переписки ученого», что Ю. И. Венелин «цели своей экспедиции» представлял «значительно шире», чем те, которые ему поставила Академия. В подтверждение этого автор приводит небольшой фрагмент известного письма Ю. И. Венелина (точнее — его приписки к письму М. П. Погодина от 29 апреля 1830 г.) к неназванному ihm С. П. Шевыреву, где перечисляется ряд задач, которые якобы

¹ В. В. Коломинов. Забытые экспедиции Российской академии // Известия Всесоюзного Географического общества. Т. 113. Вып. 2. 1981, с. 169–170.

Ю. И. Венелин сам себе дополнительно ставил в путешествии². На самом деле Ю. И. Венелин в своей приписке ставил задачи не себе, а С. П. Шевыреву, который находился в то время в Италии и которому он советовал посетить славянские земли и народы, описать «пространство их жилищ», «оттенки их наречия», «нравы, обыкновения, костюмы», «домоводство». В. В. Коломинов, как впрочем и некоторые другие авторы, касавшиеся данной приписки Ю. И. Венелина³, не разобрался в ее содержании⁴. Характеристика путешествия Ю. И. Венелина в Болгарию, которая дана в его статье, очень далека от современного представления об этом важнейшем событии в жизни и ученой деятельности безвременно скончавшегося зачинателя отечественной болгаристики. В. В. Коломинову, перу которого принадлежат и другие статьи о Ю. И. Венелине⁵, случайно или неслучайно, к сожалению, оказались не известны работы ученых второй половины XIX в. и новейшего времени, в которых с разной степенью подробности и новизны данных освещается путешествие Ю. И. Венелина в Болгарию и которые свидетельствуют о неизменном к нему интересе ученых разных поколений. К сожалению, в существующей обширной литературе об этом русском славяноведе, которую можно было бы не без оснований называть венелианой, накопилось много неточных, ошибочных и просто вымыщленных суждений, в том числе и таких, которые касаются его путешествия в Болгарию. Некоторые из них, кроме уже отмеченного здесь утверждения о его «забытости» в наше время, будут рассмотрены ниже.

Поездка Ю. И. Венелина на Балканы в историографии издавна известна главным образом как ученое путешествие в Болгарию. С самого начала, когда встал вопрос об этой поездке, именно Болгария

² Там же, с. 169.

³ См., например, утверждение Ф. Я. Приймы о том, что в упомянутом выше письме М. П. Погодина к С. П. Шевыреву и приписке к нему Ю. И. Венелина «находим подробный план научной поездки Венелина в Болгарию» (Ф. Я. Прийма. Из истории создания «Песен западных славян» А. С. Пушкина // Из истории русско-славянских литературных связей XIX в. М.; Л., 1963, с. 105).

⁴ См. эту приписку в: Русский архив. 1882. № 6, с. 145.

⁵ См.: В. Коломинов. Твій син, Верховино // Вітчизна. 1982. № 9; В. Коломинов. «Тебе, Юрий Венелин...» // Альманах библиофила. Вып. 17. М., 1982.

была ее единственной и конечной целью. Это видно из публикуемой здесь начальной переписки между Российской академией и Ю. И. Венелиным. Но почти сразу же, как это следует из составленного Ю. И. Венелиным еще в Москве предварительного плана путешествия, его рамки расширились и охватили Молдавию, Валахию и Румелию. В самой Академии, когда разрабатывался с участием Ю. И. Венелина план и задачи его путешествия, ставился вопрос и о желательности посещении им Афонской горы, однако в окончательный план путешествия оно включено не было. Данной Ю. И. Венелину «Инструкцией» предписывалось путешествие по Княжествам Молдавии и Валахии, по турецким областям Болгарии и части Румелии. Именно эти страны назывались целью его путешествия и в первых сообщениях о нем в русской печати⁶. Впоследствии, однако, авторы работ, говоря о путешествии Ю. И. Венелина, имели в виду прежде всего Болгарию и называли обычно его путешествием в эту страну, хотя и знали хорошо, что на обратном пути из Болгарии он работал и в Бухаресте, и в Кишиневе. Это закрепилось даже в названиях некоторых трудов или их разделов, посвященных поездке Ю. И. Венелина на Балканы. Так, известная статья П. А. Бессонова, первого биографа Ю. И. Венелина, о ней называется «Некоторые черты путешествия Ю. И. Венелина в Болгарию»⁷, одна из глав статьи А. Н. Пыпина «Новые данные о славянских делах» — «Путешествие Венелина в Болгарию»⁸. Только Болгария названа в заглавии недавно опубликованной статьи М. В. Никулиной, специально посвященной этому путешествию, — «Путешествие Ю. И. Венелина в Болгарию и его место в начальной истории болгаристики в России»⁹. Можно сказать, что в историографии уже давно сложилась своего рода традиция совершенное Ю. И. Венелиным в 1830–1831 гг. путешествие на Балканы кратко называть путешествием в Болгарию. Следуя этой традиции, автор данной публикации назвал ее «Ученым путешествием Ю. И. Венелина в Болгарию», хотя и отдает себе отчет в некоторой

⁶ См., например: *Московский вестник*. 1830. Ч. II. № 8, с. 391; *Ю. Венелин. Влахо-болгарские или дако-славянские грамоты*. СПб., 1840, с. [1].

⁷ *Москвитянин*. Т. 3. 1856. № 10, с. 95.

⁸ *Вестник Европы*. 1893. № 6, с. 724.

⁹ См. сб.: Ю. И. Венелин в Болгарском возрождении. М., 1998, с. 122.

условности такого названия и его несоответствии с тем, что было предшано решением Российской академии. Сам Ю. И. Венелин, прекрасно зная, конечно, о предписанном ему Российской Академией путешествии по Молдавии, Валахии, Болгарии (современной Северной Болгарии) и части Румелии (современной Южной Болгарии), главной его целью считал Болгарию. За два дня до отъезда из Москвы на далекие Балканы он писал находившемуся в Италии С. П. Шевыреву: «Послезавтра еду и я в страну классическую для Руси, Литвы и Венгрии — в Болгарию, отчество Бояна, славянского Осспана, отчество священного для нас языка и т. д. Еду за счет Российской Академии. Цель великая, позволили бы только местные обстоятельства» (Курсив наш. — Г.В.)¹⁰. Надо отметить также, что такой традиции в наше время придерживаются не все исследователи. Так, Т. Байцура соответствующий раздел в монографии о жизни и научной деятельности Ю. И. Венелина назвала «Путешествие Ю. И. Венелина по Болгарии, Валахии и Молдавии»¹¹.

В существующей литературе, как уже сказано выше, к сожалению, содержится немало ошибочных утверждений, касающихся обсуждаемого здесь путешествия. Укажем некоторые из такого рода утверждений.

Прежде всего следует отметить, что во многих работах ошибочно указывается, что Ю. И. Венелин был командирован на Балканы Российской академией наук. С такой досадной ошибкой встречаемся даже в трудах авторов, которые специально изучали его биографию, научное творчество и материалы его архива. Так, в монографии Т. Байцуры «Закарпатоукраинская интеллигенция в России в первой половине XIX века» читаем: «В 1830–1831 годах Ю. И. Венелин по поручению Академии наук совершил путешествие по территории Болгарии, Валахии и Молдавии»¹². О путешествии, совершенном Ю. И. Венелиным «на средства Российской Академии наук», пишет Т. А. Медовичева, издавшая несколько лет назад «Путевые записки» — один

¹⁰ Русский архив. 1882. № 6, с. 145.

¹¹ Т. Байцура. Юрій Іванович Венелін. Братіслава, 1968, с. 87.

¹² Т. Байцура. Закарпатоукраинская интеллигенция в России в первой половине XIX века. Братислава, 1971, с. 170.

из ценнейших материалов архива ученого¹³. Такого же мнения придерживается и Д. Райков, в изданной десять лет назад монографии «Юрий Венелин и Болгарское возрождение» которого в частности сказано: «Решение Российской академии наук о путешествии Венелина на Балканы утверждено 14 декабря 1829 года»¹⁴. Это же утверждается и в научных статьях о Ю. И. Венелине¹⁵, в библиографических справочниках и энциклопедиях¹⁶, популярных изданиях¹⁷. Между тем хорошо известно, что Ю. И. Венелин был командирован на Балканы не Российской академией наук (Императорской Санктпетербургской академией), а Российской академией. Уже в первом по времени публичном сообщении о его путешествии было сказано, что оно совершается на средства Российской академии¹⁸. Позднее сам Венелин в известной работе «О зародыше новой болгарской литературы» тоже писал, что он был командирован в

¹³ Т. А. Медовическая. О путевых записках Ю. И. Венелина // Записки Отдела рукописей Российской государственной библиотеки. Вып. 51. М., 2000, с. 194.

¹⁴ Д. Райков. Юрий Венелин и Българското възраждане. София, 1994, с. 64–65.

¹⁵ Б. Ангелов. Из архива на Юрий Иванович Венелин // Известия на държавните архиви. Т. XI. София, 1966, с. 183, 187; Д. Г. Песчани. Юрий Иванович Венелин в национално-культурното възраждане на България // Исторически преглед. 1969, № 1, с. 97; Е. К. Потапенко. Юрий Иванович Венелин и българският народ // Исторически преглед. 1978, № 6, с. 104; Б. Вълчев. Юрий Иванович Венелин (1802–1839) // Съпоставително езикознание. 1989, № 2, с. 115; И. Грек. Ю. И. Венелин и бесарабските българи // България в сърцето ми. София, 1996, с. 106; И. Снегаров. Юрий Иванович Венелин за българите // И. Снегаров. Българските земи през погледа на чужди пътешественици. 1828–1853. София, 1997, с. 33 и мн. др.

¹⁶ См., например: С. А. Никитин. Славяноведение // История исторической науки в СССР. Т. I. М., 1955, с. 496; Венелин Ю. И. // Енциклопедия «България». Т. I. София, 1978, с. 640; К. Мечев. Венелин Ю. И. // Кирилло-методиевска енциклопедия. Т. I. София, 1985, с. 360.

¹⁷ С. Тихомирова. Под именем Венелина // Дружба (Москва–София), 1982, № 2; Россия и Болгария. По страницам русской литературы XIX – начала XX вв. М., 2003, с. 72–73, сноска 4.

¹⁸ См.: Московский вестник. 1830. Ч. II. № 8, с. 391.

Болгарию этой академией¹⁹, а через несколько лет на первой же странице изданного уже после смерти Венелина его труда «Влахоболгарские или дако-славянские грамоты» сказано: «Императорская Российская академия, с высочайшего Государя Императора дозволения, отправила, в 1830 году, лекаря Венелина, в ученое путешествие по Молдавии, Валахии, Булгарии и частию Румелии»²⁰. В то время в России существовали две Академии, и ученые их не путали. Мнение же многих современных исследователей, считающих, что Венелин был командирован Российской академией наук, объясняется или незнанием самого факта существования двух самостоятельных Академий или отождествлением двух наименований: Российской академия как сокращенное название Российской академии наук²¹.

Большие расхождения находим в существующей литературе в отношении даты отъезда Ю. И. Венелина из Москвы на Балканы — даты начала его путешествия. Долгое время считалось, что Ю. И. Венелин отправился из Москвы в пятницу 18 апреля 1830 г. Эта дата, насколько нам известно, впервые была указана П. А. Бессоновым в его статье «Некоторые черты путешествия Ю. И. Венелина в Болгарию»²², а позднее и в другой его статье о Ю. И. Венелине²³. Источниками этих статей, по словам их автора, служили собственные донесения Ю. И. Венелина, его письма и путевой дневник. Поэтому указываемая им дата отъезда ученого из Москвы на Балканы внушала у последующих исследователей доверие, хотя, как увидим ниже, и не у

¹⁹ Ю. Венелин. О зародыше новой болгарской литературы. М., 1838, с. 6.

²⁰ Ю. Венелин. Влахоболгарские или дако-славянские грамоты. М., 1840, с. [I].

²¹ Российская (Санктпетербургская) академия наук была основана Петром I в 1725 г. в Петербурге (указ о ее учреждении был издан годом ранее). Российская же академия была создана Екатериной II в 1783 г. для изучения русского языка и словесности и она просуществовала до 1841 г., когда после смерти ее последнего президента А. С. Шишкова была слита с Российской академией наук и функционировала в ее рамках как ее Второе отделение или Отделение русского языка и словесности.

²² П. Бессонов. Некоторые черты путешествия Ю. И. Венелина в Болгарию // Москвитянин. 1856. Т. 3. № 10, с. 96.

²³ П. Бессонов. Юрий Иванович Венелин // Журнал Министерства народного просвещения. 1882. № 6. Отдел наук, с. 169.

всех. Эта же дата, т. е. 18 апреля 1830 г., называется и в трудах других ученых, например, В. Златарского, следовавшего в этом за П. А. Бессоновым²⁴, а из современных ученых — у Т. Байцуры²⁵, которая в описании путешествия Ю. И. Венелина, как и П. А. Бессонов, опиралась на сохранившиеся архивные материалы.

Другую дату — 8 апреля 1830 г. — приводит Н. П. Барсуков в одном из томов «Жизнь и труды М. П. Погодина»²⁶, в котором в рамках характеристики отношений Ю. И. Венелина и М. П. Погодина по материалам их переписки и дневника М. П. Погодина освещаются и некоторые моменты путешествия Ю. И. Венелина. На чем основывался Н. П. Барсуков, указывая эту дату, сказать трудно, как трудно и допустить, что, цитируя в другом месте своего труда слова П. А. Бессонова о «грустном предчувствии» и «безотчетном страхе», с которыми Ю. И. Венелин отправлялся в далекое путешествие, он не знал даты 18 апреля, приведенной в статьях П. А. Бессонова. Этую же дату — 8 апреля 1830 г. — вслед за Н. П. Барсуковым приводит А. Н. Пыпин²⁷.

В монографии Д. Райкова «Юрий Венелин и Болгарское возрождение» дана другая датировка — 18 мая 1830 г.²⁸. Автору данной книги, не раз ссылающемуся здесь на первую из указанных выше статей П. А. Бессонова, очевидно, была известна и его датировка — 18 апреля.

Сопоставляя приведенные три даты в цифровом обозначении — 18. IV, 8. IV и 18. V, нетрудно заметить, что общим в них во всех случаях в днях есть цифра «8», а в месяцах — латинская цифра «V» (пять) и что отличаются они отсутвием цифры «1»: в одном случае арабской — 8. IV, в другом случае латинской — 18. V. Не являются

²⁴ В. Златарски. Юрий Иванович Венелин и значението му за българите // Летопис на Българското книжовно дружество в София. III. 1901–1902. София, 1903, с. 107.

²⁵ Т. Байцура. Юрій Іванович Венедін, с. 94.

²⁶ Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 3. СПб., 1890, с. 134.

²⁷ А. Н. Пыпин. Новые данные о славянских делах // Вестник Европы. 1893, № 6, с. 728.

²⁸ Д. Райков. Юрий Венелин и Българското възраждане, с. 65.

ли указываемые после П. А. Бессонова даты 8 апреля и 18 мая — случайными описками при передаче цифрами его даты 18.IV?

«Небольшую поправку» к датировке отъезда Ю. И. Венелина из Москвы на Балканы недавно внесла М. В. Никулина, которая впервые в литературе прямо указала на ошибочность даты 18 апреля, принятой П. А. Бессоновым и другими исследователями. В «Путевых записках» (дневнике) ученого она обнаружила его запись, из которой следует, что он отправился в далекое путешествие не в пятницу 18, а в субботу 19 апреля²⁹. Теперь, когда этот дневник стараниями Т. А. Медовигчевой опубликован и стал доступен широкому кругу исследователей, каждый может легко убедиться в правильности установленного М. В. Никулиной одного из важнейших фактов биографии Ю. И. Венелина. В «Путевых записках» в записи от 14–19 апреля 1830 г., следующей за записью от 13 апреля, которое приходилось на воскресенье, читаем: «В пятницу (т. е. 18 апреля. — Г.В.) взял подорожнюю..., был у Аксаковых... В субботу (т. е. 19 апреля. — Г.В.) ходил с Юризовским менять деньги на червонцы; воротясь, ходил с Погодиным в церковь, но поздно было; в 11 часу надлежало вкладывать..., в IV часу собрались и выехали»³⁰. На субботу 19, а не на пятницу 18 апреля косвенно указывает и сообщение, опубликованное «по горячим следам» в журнале «Московский вестник»: «Г. Венелин отправился из Москвы в предпрошедшую субботу»³¹. Неизвестный автор цитируемой заметки, правда, не указывает даты этой «предпрошедшей субботы».

В свете сказанного труднообъяснимой и даже загадочной представляется дата отъезда Ю. И. Венелина из Москвы, которая следует из упомянутого выше письма М. П. Погодина от 29 апреля 1830 г. с приписками к нему гостей, собравшихся у него по случаю новоселья и написавших своего рода коллективное письмо находившемуся в

²⁹ М. В. Никулина. Путешествие Ю. И. Венелина в Болгарию и его место в начальной истории болгаристики в России // Ю. И. Венелин в Болгарском возрождении. М., 1998, с. 128. — Без каких-либо комментариев эта же дата ранее указана в статье: М. В. Никулина. Ю. И. Венелин (к 150-летию со дня смерти) // Советское славяноведение. 1989. № 3, с. 73.

³⁰ Ю. И. Венелин. Путевые записки. Публикация Т. А. Медовигчевой // Записки Отдела рукописей Российской государственной библиотеки. Вып. 51. М., 2000, с. 199.

³¹ См.: Московский вестник. 1830. Ч. II. № 8, с. 391.

Италии С. П. Шевыреву. В одной из своих двух приписок, в литературе часто цитируемой, Ю. И. Венелин сообщает С. П. Шевыреву, что «послезавтра» он уезжает в Болгарию — страну классическую для Руси, Литвы и Венгрии. Получается, таким образом, что Ю. И. Венелин 29 апреля 1830 г. еще был в Москве, а не в Курске, как это следует из его «Путевых записок»³², и что из Москвы он собирался выехать только 1 мая — в день, когда, согласно «Путевым запискам» и его письму к М. П. Погодину от 2 мая, он находился уже в Харькове. В чем причина такого несоответствия, мы объяснить не можем. Сомнений в точности дат, которые указывает в дневнике М. П. Погодин своему новоселью (29 апреля), а Ю. И. Венелин в «Путевых записках» отъезду из Москвы (суббота 19 апреля), как будто не должно быть. Можно было бы подумать, что Ю. И. Венелин в своем дневнике и в письмах указывает дату по старому стилю, а М. П. Погодин дату новоселья по новому стилю, и в таком случае эти даты почти «стыкуются».

В качестве очевидного курьеза отметим утверждение Г. В. Павленко о том, что «еще находясь в Кишиневе, он (Венелин. — Г.В.) совершил первую свою поездку в Болгарию (13 марта 1830 года по 12 ноября 1831 года) и собрал материал по истории, культуре и языку болгарского народа»³³. Тут сплошная путаница. В Кишиневе Ю. И. Венелин жил в 1823–1825 гг. и совершить поездку в Болгарию в указанные автором статьи в скобках годы он никак не мог. Сообщая здесь о его *первой* поездке в Болгарию, автор статьи, надо полагать, считает, что Ю. И. Венелин совершил и другую (другие) поездку в эту страну. Совершенно непонятно, чем руководствовался автор статьи, утверждая, что в «первую свою поездку в Болгарию» Ю. И. Венелин отправился из Кишинева (!) в указываемый им день 13 марта.

В существующей литературе нет единого мнения и относительно времени возвращения Ю. И. Венелина в Москву. Здесь встречаются и поразительные недоразумения. В. Коломинов, например, утверждает,

³² Ю. И. Венелин. Путевые записки, с. 201.

³³ Г. В. Павленко. Ю. Гуца-Венелин в контексте развития славистической науки своего времени // Ю. И. Гуца-Венелін і слов'янський світ. Ужгород, 1992, с. 88.

что Ю. И. Венелин вернулся в Москву и приступил к работе над экспедиционными материалами уже в конце ноября 1830 г. — через два месяца после приезда в Бухарест, куда он прибыл 25 сентября 1830 г.³⁴. Обычно же время возвращения Ю. И. Венелина относят к осени следующего, 1831 г. Так, в упомянутом выше посмертно изданном труде Ю. И. Венелина «Влахо-болгарские или дако-славянские грамоты» Российская академия сообщает, что автор этого труда возвратился из путешествия «в исходе 1831 года»³⁵. Называется также середина 1831 г.³⁶. В других работах время возвращения Ю. И. Венелина указано определенное — в сентябре³⁷, октябре³⁸ и еще определенное — в первой половине октября 1831 г.³⁹. Указывается иногда и точная дата возвращения в Москву — 12 ноября 1831 г.⁴⁰. В известных нам бумагах Ю. И. Венелина точная дата его приезда в Москву не называется. В сохранившемся черновом письме к непременному секретарю Российской академии П. И. Соколову, написанном (без даты) через несколько месяцев по завершении путешествия, во исполнение требования Академии он представляет отчет о финансовых расходах во время своего путешествия начиная с 13 марта 1830 г., т. е. со дня отъезда из Петербурга в Москву, и «до возвращения из путешествия

³⁴ В. Коломінов. Твій син, Верховино, с. 207.

³⁵ Ю. Венелин. Влахо-болгарские или дако-славянские грамоты, с. [III].

³⁶ М. И. Лунина. Грамматика нынешнего болгарского наречия Ю. И. Венелина // Славянская филология. Сб. статей. М., 1951, с. 108.

³⁷ Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина. Т. 3. СПб., 1890, с. 363; А. Н. Пытин. Указ. соч. с. 735.

³⁸ В. Златарски. Указ. соч., с. 109; Б. Пенев. История на новата българска литература. Т. 3. София, 1933, с. 606; Д. Райков. Указ. соч., с. 86; Л. П. Лаптева. Творчество Ю. И. Венелина и его оценка современниками и потомками // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2003. № 6, с. 61.

³⁹ М. В. Никулина. Ю. И. Венелин (к 150-летию со дня смерти), с. 75; М. В. Никулина. Путешествие Ю. И. Венелина в Болгарию, с. 134.

⁴⁰ Т. Байцура. Ю. И. Венелин, с. 112. — Здесь сказано: «Венелін повернувшись 12 листопада 1831 р. в Москву». М. В. Никулина «12 листопада» переводит неправильно как «13 октября», отмечая, что Т. Байцура эту дату указывает без ссылки на источник (М. В. Никулина. Путешествие Ю. И. Венелина в Болгарию, с. 134).

и устроения в Москве, по 11 ноября»⁴¹. В исправленном варианте этого места письма об окончании путешествия сказано несколько иначе: «по возвращении своем в Москву в конце ноября по совершении путешествия»⁴². Очевидно, что «конец ноября» и «11 ноября» Ю. И. Венелин считал сроком конца своей командировки, включавшей и его устройство в Москве, до которого Российской академия должна была оплатить его расходы, а не конкретный день его возвращения в Москву. В опубликованной через шесть лет брошюре «О зародыше новой болгарской литературы» указывается, что в Москву он возвратился «в октябре 1831 года»⁴³. Ясность в этот запутанный в литературе вопрос вносит последний из публикуемых ниже материалов — записка Ю. И. Венелина к М. П. Погодину, написанная им сразу же по возвращении в Москву, датирована 16 октября. Из этого следует, что Ю. И. Венелин вернулся в Москву не позднее этого дня.

Имеется в литературе и немало досадных ошибок, касающихся пребывания Ю. И. Венелина в Болгарии. Отметим прежде всего мнение П. Драганова о том, что якобы Ю. И. Венелин «по его собственным словам, в самой Болгарии Задунайской не был, ибо кампания 1828–1829 уже кончилась»⁴⁴. Согласно другим утверждениям, Ю. И. Венелин на болгарских землях, кроме Варны и ее окрестностей, посетил Тырново⁴⁵, Румеллю⁴⁶, где на самом деле он не был, а в саму Варну

⁴¹ Б. Ангелов. Непозвестни писма на Юрий Ив. Венелин // Литературна история. Кн. 15. София, 1986, с. 90.

⁴² Там же.

⁴³ Ю. Венелин. О зародыше новой болгарской литературы. М., 1838, с. 23.

⁴⁴ П. Д. Драганов. Bessarabiana. Кишинев, 1911, с. 37.

⁴⁵ Ж. Въжарова. Руските учени и българските старши. Изследване, материали и документи. София, 1960, с. 9; З. Радонов. Помощта на Русия при зараждането на музейното дело у нас // Археология. 1972. Кн.4, с. 65.

⁴⁶ Д. Д. Данилюк пишет, что Ю. И. Венелин «жил и работал не только собственно в Болгарии, но и в Молдавии, Валахии, Румынии» (Д. Д. Данилюк. Оцінка творчої спадщини Ю. І. Гуци-Венеліна у вітчизняній історіографії // Ю. І. Гуца-Венелін і слов'янський світ. Ужгород, 1992, с. 43). Здесь, очевидно, осталась не исправленной описка или опечатка: *Румынии*

он прибыл 27 июня⁴⁷. Есть также мнение, что Венелин должен был посетить болгарские земли и Афон⁴⁸ и что во время путешествия по Болгарии ему не удалось посетить Македонию, хотя «это официально входило в его программу»⁴⁹.

Приведенные неточности и очевидные ошибки, касающиеся фактической стороны путешествия Ю. И. Венелина (время отъезда и прибытия, сроки и места пребывания и др.), свидетельствуют, с одной стороны, о невнимательности немалого числа авторов к уже имеющимся в литературе сведениям об этом путешествии, а с другой — безусловно об их неполноте и малодоступности некоторых работ. Представляется, что настоящая публикация существенно восполнит дефицит сведений о самом путешествии и вместе с недавно опубликованными Т. А. Медовицевой «Путевыми записками» Ю. И. Венелина составит базу надежных фактических данных об этом важнейшем событии в его ученой биографии.

В литературе о Ю. И. Венелине накопилось немало неточностей и другого характера, имеющих отношение к его путешествию. Например, есть досадные ошибки в прочтении некоторых мест в опубликованных письмах Ю. И. Венелина к М. П. Погодину и их фрагментах. Перечень всех замеченных нами недостатков такого рода занял бы очень много места.

Что касается содержательной части официальных документов и писем Ю. И. Венелина, связанных с путешествием, то это подробно освещено в названных выше трудах Т. Байцуры и особенно М. В. Никулиной, изучавших — в разном объеме — публикуемые ниже материалы. Естественно, их изучение должно быть продолжено, ибо они позволяют полнее осветить и другие вопросы ученой деятельности

вместо *Румелии*. В начале 30-х гг. XIX в. Румыния как государства еще не было, а были составившие его впоследствии княжества Молдавия и Валахия.

⁴⁷ С. Фомин. Ю. И. Венелин — историк, этнограф, языковед // Дружба народов. 1982. № 4, с. 268. — В заглавии статьи ошибочно указана фамилия — Веленин.

⁴⁸ В. Хаджиниколов. Юрий Венелин и българите в Македония // Македонски преглед. Т. XV. 1992. Кн.4, с. 10.

⁴⁹ Там же, с. 16.

ности и разностороннее охарактеризовать личность Ю. И. Венелина. Следует особо подчеркнуть, что публикуемые здесь архивные материалы значительно богаче и разнообразнее сведениями, чем его «Путевые записки». Обращает, однако, на себя внимание тот факт, что как «Путевые записки», так и публикуемая здесь переписка Ю. И. Венелина не содержат материалов, которые освещали бы его пребывание и работу в Валахии после отъезда из Бухареста и до прибытия в Кишинев. Вероятно, причина этого — нездоровье Ю. И. Венелина, на которое он жалуется М. П. Погодину в письме от 3 мая 1831 г. из Кишинева.

Настоящая публикация содержит официальные документы и письма частного характера, относящиеся к поездке Ю. И. Венелина на Балканы. Включены здесь и несколько писем Ю. И. Венелина к М. П. Погодину и П. И. Соколову, уже ранее опубликованных Б. Ангеловым⁵⁰. Все они выявлены в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (архивные фонды Ю. И. Венелина и М. П. Погодина) — ОР РГБ, в Петербургском филиале Архива Академии наук — ПФ ААН, Российском государственном архиве литературы и искусства — РГАЛИ, Институте русской литературы РАН (Пушкинский дом) — ИРЛИ (П.Д.), Центральном государственном военно-историческом архиве — ЦГВИА. Документы печатаются в соответствии с правилами современной русской орфографии и пунктуации с сохранением некоторых особенностей их языка. Наши пояснения в тексте даются в квадратных скобках.

К сожалению, здесь нет официальных (беловых) писем Ю. И. Венелина к непременному секретарю Российской академии П. И. Соколову, которые ко времени сдачи публикации в печать нам не удалось найти в архивных фондах этой Академии, хранящихся в Петербургском филиале Архива Российской академии наук. Вместо них здесь публикуются их черновые варианты. Нет здесь и переписки Ю. И. Венелина с П. И. Соколовым после возвращения его в Москву, касающейся отчета Ю. И. Венелина о результатах поездки и расходах во

⁵⁰ Б. Ангелов. Венелинови писма до М. П. Погодин // Векове. 1984. № 3, с. 88–92; Б. Ангелов. Неизвестни писма на Юрий Ив. Венелин // Литературна история. Кн. 15. 1986, с. 74–89.

время путешествия. Одно из таких писем Ю. И. Венелина после 1831 г. опубликовано Б. Ангеловым⁵¹.

Выражаю искреннюю благодарность М. В. Никулиной и В. В. Ишутину за предоставленную мне возможность включить в настоящую публикацию ряд документов, обнаруженных ими в ПФ Архива РАН и ЦГВИА. Я признателен также А. Н. Горяинову за проявленную им готовность навести необходимые мне справки о некоторых документах в Архиве РАН. Особенно благодарен я В. С. Ефимовой за все сделанное ею по подготовке настоящего издания.

Г. К. Венедиктов

⁵¹ Б. Ангелов. Незвестные письма на Юрий Ив. Венелин, с. 89–91.

**ОФИЦИАЛЬНЫЕ БУМАГИ,
КАСАЮЩИЕСЯ ПОДГОТОВКИ ПУТЕШЕСТВИЯ
Ю. В. ВЕНЕЛИНА В БОЛГАРИЮ**

1

**Письмо П. А. Ширинского-Шихматова¹ к С. Т. Аксакову²
о намерении Российской Академии
командировать Ю. И. Венелина в Болгарию
(9 сентября 1829 г.)**

Милостивый государь
Сергей Тимофеевич,

Императорская Российская Академия, обратив внимание на первый отпечатанный том сочинения г. Венелина, под заглавием *Древние и нынешние болгаре в отношении к россиянам*³, и известившись о желании его предпринять путешествие в Болгарию для филологических и исторических изысканий⁴, изъявила готовность оказать ему в сем полезном для наук и языка славянского намерения свое содействие, с пожертвованием 6 000 рублей на издержки путешествия. Но прежде окончательного по сему делу заключения Академия желает иметь в виду письменное со стороны г. Венелина уведомление о вышеизъясненном намерении его и проект наставления, которым он должен быть снабжен по сему случаю.

По поручению г. Президента Академии я покорнейше прошу Вас принять на себя труд объявить о сем г. Венелину с тем, не почетет ли он за нужное ускорить доставлением вышеупомянутых бумаг, дабы можно было приступить к делу не теряя времени.

Примите уверение в отличном почтении и совершенной преданности, с коими имею честь быть Вашим, милостивый государь, покорнейшим слугою.

Кн. Ширинский-Шихматов.

9 сентября 1829.

РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 68. Л. 1.

Оригинал, писарское; подпись — автограф.

¹ Ширинский-Шихматов Платон Александрович (1790–1853) — князь, член Российской Академии, директор департамента Министерства народного просвещения.

² Аксаков Сергей Тимофеевич (1791–1859) — писатель.

³ Имеется в виду книга: Древние и нынешние болгаре в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам. Историко-критические изыскания Юрия Венелина. Т. I. Москва, 1829. На это сочинение Ю. И. Венелина внимание президента Российской Академии обратили С. Т. Аксаков и М. Н. Погодин во время его пребывания в Москве летом 1829 г.

⁴ О желании Ю. И. Венелина посетить Болгарию А. С. Шишкову стало известно из его бесед с С. Т. Аксаковым и П. М. Погодиным во время его пребывания в Москве.

⁵ Президент Академии — Шишков Александр Семенович (1754–1841), адмирал, филолог, писатель.

2

**Письмо Ю. И. Венелина в Российскую Академию
с предложением совершить ученое путешествие в Болгарию
(не позднее 17 сентября 1829 г.)**

В Императорскую Российскую Академию

С чувством глубочайшего почтения представляю Императорской Российской Академии экземпляр моего сочинения о Болгарах¹, кото-

рое по заключающимся в нем изысканиям о древностях народа и языка славянского имеет близкое отношение к предмету ее занятий.

Желая продолжить и распространить свои изыскания, я осмеливаюсь предложить Академии, не угодно ли ей будет, пользуясь нынешними благоприятными обстоятельствами², возложить на меня совершение ученого путешествия по Болгарии, стране классической для историков и филологов славянских, населенной некогда могущественнейшим и образованнейшим племенем.

Я почту себя счастливым, если удостоюсь сего важного для пользы наук и лестного для меня поручения и вместе получу средства, необходимые для его исполнения, то есть денежное пособие в шесть тысяч рублей и покровительство местных русских начальств. Своим усердием я постараюсь оправдать благосклонное внимание Академии к посыльным трудам моим.

Лекарь Юрий Иванов сын Венелин

1829 года сентября дня³
Москва

*ПФ ААН. Ф. 8. Оп. 1 (1829). Д. 34. Л. 444.
Беловое. Автограф.*

¹ «Мое сочинение о Болгарах» — книга Ю. И. Венелина «Древние и нынешние болгары» (полное название см. в примечании 3 к письму № 1).

² «Нынешние благоприятные обстоятельства» — нахождение частей русской армии на болгарских землях в ходе русско-турецкой кампании 1828–1829 гг.

³ День написания письма не указан. Датируется на основании записи от 17 сентября 1829 г. в «Дневнике» Ю. И. Венелина: «Отправлено два экземпляра Болгар Академии и Шишкову, письма и проект путешествия» (ОР РГБ. Ф. 49. Папка V. Д. 136. Л. 1). Одно из упоминаемых в записи писем — приведенное письмо Ю. И. Венелина в Российскую Академию, второе — ее президенту А. С. Шишкову (см. ниже письмо № 3). «Проект путешествия» — см. ниже, документ № 4.

3

**Письмо Ю. И. Венелина к А. С. Шишкову
с выражением готовности
исполнить поручение Российской Академии
(18 сентября 1829 г.)**

Милостивый государь

Александр Семенович!

С чувством глубочайшего почитания и живейшей благодарности представляю Вашему Высокопревосходительству свой опыт о Болгарах¹. Внимание, которым Вы его удостоили, вменяю себе в самую лестную награду, превзошедшую все мои ожидания.

Счастлив я буду, если исполнением важного поручения, на меня возлагаемого Академией, сумею принести какую-либо пользу истории и языку славянскому, который имеет в Вас достойнейшего покровителя и оберегателя, и тем докажу торжественно пред всеми, что я не совсем недостоин Вашего высокого покровительства.

Повторяя перед Вами изъявление моего глубочайшего почитания и живейшей благодарности, пребыть честь имею, милостивый государь, Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугою

Юрий Венелин

Москва

сентября 18 числа 1829 года

*ПФ ААН. Ф. 101. Оп. 1 (1829). Д. 3. Л. 445.
Беловое. Автограф.*

¹ «Опыт о Болгарах» — см. примечание 3 к письму № 1.

4

**Проект плана путешествия,
представленный Ю. И. Велиным в Российскую Академию
(не позднее 17 сентября 1829 г.¹)**

**Путешествие по Болгарии, Валахии и Молдавии
препринимается для исследований**

A. О древностях

1-о. Филолого-литературных. Путешественник должен стараться об отыскании и описании оставшихся памятников древнего языка сих стран, а преимущественно болгарского, исторических и церковных. Сюда принадлежат древние списки книг Св. Писания и сочинений святых отцов, богослужебные книги, летописи, сказания, надписи.

2-о. Историко-географических. Путешественник должен отыскивать по возможности и объяснить положение всех мест, о коих упоминает история, преимущественно русские летописи, в предполагаемых для осмотра странах; собрать разные полезные сведения, могущие объяснить их историю и русские летописи, народные предания, старинные названия местностей, рек и проч.

3-о. Обратить внимание на все, что может объяснить забытую болгарскую, т. е. первоначальную славянскую, церковь, болгарскую перархию и главнейшие черты ее истории.

4-о. Стремиться изобразить разные перемены в состоянии жителей сих стран и их языка, преимущественно болгар, во все время турецкого правления.

5-о. Все открытое должно быть обработано вообще систематически и представлено Академии, в виде отчета, по совершении путешествия.

B. О настоящем времени

1-о. Путешественник должен исследовать болгарский язык в синтетическом и аналитическом отношении, т. е. обозреть его грамматику, свойства, слог, связь и отношения его к малорусскому, карпаторусскому и великорусскому наречиям, он должен также стараться о собрании народных песен.

2-о. Изложить главные начала болгарского языка.

3-о. Путешественник не оставит без внимания как политического, так и нравственного состояния жителей сих стран и составит свои

замечания о промышленности, торговле, повериях, обычаях, одежде и степени просвещения жителей, произведений природы и проч.

Предполагающий совершить сие путешествие намерен осмотреть все места в Молдавии, Валахии и те в Болгарии и Румелии, которые позволяют военные обстоятельства. Определить подробного маршрута не может, ибо это более зависит будет от местных обстоятельств.

Для вернейшего изображения сих стран в художественном отношении путешественник желал бы, чтоб к нему пропущен был какой-либо воспитаник Академии художеств, на ее пожертвовании, который бы, по его назначению, снял виды местностей, городов, крепостей, монастырей, развалин и проч[их] достопримечательностей. Впрочем главная цель путешествия может быть достигнута и без этой меры.

*ПФ ААН. Ф. 8. Д. 34 (1829). Л. 446–447.
Белое. Автограф Ю. И. Венелина.*

5

**Проект статьи
в протокол заседания Российской Академии
от 28 сентября 1829 г., обсуждавшей вопрос
о командировании Ю. И. Венелина в Болгию**

**Проект статьи для помещения в записку
заседания Академии Российской 28-го сентября 1829 г.**

Собрание, рассуждая, что таковое путешествие, предпринятое человеком, уже с давнего времени занимавшимся тщательнейшим исследованием истории о болгарах и недавно издавшим в свет 1-й том о древних и нынешних болгарах в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам¹, озарит ярчайшим светом бытописание болгаро-славян, а приобретением списков книг священного писания и творений святых отцов, также богослужебных книг, летописей, сказаний, писанных на языке славяно-болгарском, откроются новые способы к вящему раскрытию свойств и обогащение языка славяно-российского, полагает:

1-е. Просить г. Президента Академии об исходатайствовании Высочайшего соизволения поручить Юрию Венелину совершение ученого

путешествия по Булгарии, Валахии и Молдавии с выдачею ему единовременно шести тысяч рублей из сумм Императорской Российской Академии;

2-е. К вышеозначенному начертанию преднамереваемого путешествия присовокупить желание Академии, чтобы г. Венелин, если не откроется никаких особенных к тому препятствий, принял на себя труд посетить, находящийся на Афонской горе, монастырь Хиландарский, построенный королями сербскими, где, по словам Рагча, хранятся в великом множестве рукописи и древности славянские, собранные и туда перевезенные во время покорения турками славянских народов. Но как на таковое предприятие потребуются новые издержки, ибо Афонская гора находится не в Болгарии, а в Македонии, то и испросить Высочайшее позволение сверх вышеупомянутых шести тысяч рублей выдать г. Венелину от Академии нужную по усмотрению ее сумму на совершение путешествия на Афонскую гору.

ПФ ААН. Ф. 8. Оп. 1 (1829). Д. 34. Л. 448.

¹ Точное название труда Ю. И. Венелина см. в примечании 3 к письму № 1.

6

**Письмо А. С. Шишкова к К. А. Ливену¹
с просьбой обратиться за высочайшим соизволением
на путешествие Ю. И. Венелина
(6 ноября 1829 г.)**

Милостивый государь, князь Карл Андреевич,

Пребывающий в Москве лекарь Юрий Венелин, представив Императорской Российской Академии экземпляр 1-й части сочинения своего о болгарах², изъявил желание, для распространения изысканий о сем народе, совершить ученое *путешествие по Болгарии*, стране классической для историков и филологов славянских, населен-

* Далее следует зачеркнутый текст: «для обозрения хранящихся в тамошних монастырях древних ре[д]костей, относящихся до истории и словесности славянских народов».

ной некогда могущественным и образованным племенем. План сего путешествия должен заключаться в следующем: 1) Отыскать и описать оставшиеся исторические и церковные памятники древнего языка Молдавии, Валахии и в особенности Болгарии, как то: древние списки книг Священного Писания и сочинений святых отцов, богослужебные книги, летописи, сказания и надписи; 2) Отыскивать по возможности и объяснять географическое положение мест, упоминаемых в истории и преимущественно российских летописцах, которые остаются под сомнением; собрать разные полезные сведения, к объяснению истории вышеозначенных стран и русских летописей относящиеся, как то: народные предания, песни, старинные названия местностей, рек и пр.; 3) Обратить внимание на все, что может служить к дополнению немногих имеющихся ныне сведений о болгарской, т. е. первоначальной славянской, церкви, на болгарскую перархию и главнейшие черты ее истории; 4) Стремиться изобразить разные перемены в состоянии жителей Молдавии и Валахии и их языка, в особенности же болгар во все время турецкого правления; 5) Исследовать нынешний болгарский язык в синтетическом и аналитическом отношении, то есть обозреть его грамматику, свойства, слог, связь и отношения его к малорусскому, карпаторусскому и великорусскому наречиям; 6) Изложить главные начала воловского языка; 7) Обратить надлежащее внимание на промышленность, торговлю, поверия, обычай и степень просвещения жителей помянутых стран, произведения природы, и пр. Г. Венелин, намереваясь таким образом осмотреть все места в Молдавии и Валахии и те в Болгарии и Румелии, которые заняты войсками нашими, просит покровительства тамошних русских начальств и единовременного пособия 6 000 рублей, обязуясь путешествие свое, по всем вышеозначенным статьям, написать систематически и представить оное Академии в виде отчета.

Императорская Российская Академия, находя таковое предположение г. Венелина весьма основательным и заключая по изданной им книге, что он в состоянии привести оное в исполнение с желаемою пользою, определила представить о сем высочайшее благоустройство, и как на самое путешествие, так и на употребление на сей конец 6 000 рублей из сумм Академии, испросить сонзывление Государя Императора, с таким притом присовокуплением, что, по ее мнению, весьма было полезно также поручить г. Венелину, в случае если

не откроется никаких особых препятствий, посетить находящийся на Афонской горе монастырь Хилендарский, построенный королями сербскими, где в значительном числе хранятся рукописи и древности славянские. Но как гора Афонская находится не в Болгарии, а Македонии, то, если и на сие новое предположение последует всемилостивейшее Государя Императора созволение, Академия испрашивает разрешения, сверх вышепомянутых 6 000 рублей, выдать нужную по ее усмотрению сумму на совершение сего последнего путешествия.

Соглашаясь с Императорской Российской Академией и находя с своей стороны, что предполагаемое на вышепомянутом основании путешествие принесет важную пользу языку славяно-русскому и вообще наукам, я обращаюсь к Вашей светлости с покорнейшею просьбою: на приведение в исполнение определения о сем Академии испросить высочайшее созволение.

С отличным почтением и совершенной преданностью имею честь быть Вашей светлости покорнейший слуга

Александр Шишков

6 ноября 1829

ПФ ААН. Ф. 101. Оп. 1. Д. 115. Л. 5–6.

¹ Ливен Карл Андреевич — князь, генерал от инфантерии, министр народного просвещения.

² 1-я часть сочинения о болгарах — т. I труда Ю. И. Венелина «Древние и нынешние болгаре» (полное название см. в примечании 3 к письму № 1).

7

**Письмо К. А. Ливена к А. С. Шишкову
(17 декабря 1829 г.)**

Господину Президенту
Императорской Российской Академии

Комитет гг. министров выпискою из журналов своих дал знать мне, что по записке моей, о предполагаемом ученом путешествии лекаря Венелина на счет Российской Академии, внесенной в Комитет, по отношению о том ко мне Вашего Высокопревосходительства от

6 минувшего ноября¹, онъѣ признал и с своей стороны предполагаемое путешествие Венелина в ученом отношении полезным, а потому и полагал предоставить мне учинить по сему предмету надлежащие распоряжения и разрешить употребить из сумм Российской Академии как те 6 000 рублей, которые испрашивал Венелин на путешествие по Молдавии и Валахии и части Булгарии и Румелии, так и особо, по усмотрению Академии, некоторую сумму на поездку его в Македонию для посещения Хилендарского монастыря, находящего[ся] на Афонской горе. В заседании же 14 сего декабря объявлено Комитету, что Государь Император сне положение оного Высочайше утвердить созволил.

Сообщая о сей Высочайшей воле Вашему Высокопревосходительству, покорнейше прошу сделать распоряжение о приведении к исполнению путешествия лекаря Венелина, на изложенном в упомянутом отношении ко мне Вашем основании, с употреблением из сумм Академии как шести тысяч рублей на путешествие его по Молдавии, Валахии и части Булгарии и Румелии, так и особой суммы, по усмотрению Академии, на посещение монастыря Хилендарского.

Министр народного просвещения
генерал от инфантерии кн. Карл Ливен.
Директор ... [Подпись неразборчива].

*ПФ ААН. Ф. 8. Оп. 1. Д. 34. Л. 556.
Писарское. Бланк: Министерство
народного просвещения. Департамент.
17 декабря 1829 г.*

¹ См. предыдущее письмо № 6.

8

Письмо А. С. Шишкова к К. В. Нессельроде¹ (15 февраля 1830 г.)

Милостивый государь
граф Карл Васильевич!

Императорская Российская Академия удостоплась получить Высочайшее созволение Государя Императора отправить лекаря Юрия

Венелина в ученое путешествие по княжествам Молдавии и Валахии и по турецким областям Булгарии и частю Румелии для исторических и филологических изысканий, как для обогащения языка российского, так и для вящего пояснения истории Российского государства весьма полезных и даже необходимых.

Для доставления г. Венелину способов к беспрепятственному и удобнейшему совершению сего путешествия и исследований историко-филологических в упомянутых странах я в обязанность себе вменяю обратиться к Вашему Сиятельству с покорнейшею просьбою снабдить его паспортом и рекомендательными письмами. Вместе с сим не угодно ли будет Вам, милостивый государь, отнестись, к кому Вы заблагорассудите изволите, чтобы г. Венелин мог иметь свободный доступ в архивы княжеств Молдавии и Валахии, чтобы от тамошних епархиальных начальств даны были предписания монастырям открыть сему путешественнику монастырские библиотеки или архивы, поветовым же исправникам предписано было оказывать ему всякое пособие и защиту при объезде округов обоих княжеств, и чтобы в путешествии его по Булгарии и Румелии доставлены ему были все возможные средства к исполнению сделанного ему поручения.

В ожидании благосклонного на сие уведомления Вашего Сиятельства имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства покорнейший слуга

Александр Шишков^{*}

15 февраля 1830 г.

ИРЛИ (П.Д.). Ф. 265. Оп. 2. Д. 3310.
Копия.

¹ Нессельроде Карл Васильевич (1780–1862) – граф, вице-канцлер, министр иностранных дел.

* Под текстом письма имеется следующая запись: «О сем писано Киселеву и Дибичу Забалканскому». Письмо к И. И. Дибичу-Забалканскому см. ниже № 9.

9

**Письмо К. В. Нессельроде к И. И. Дибичу-Забалканскому¹
(18 февраля 1830 г.)**

Милостивый государь
граф Иван Иванович!

Лекарь г. Венелин, который будет иметь честь вручить спе Вашему Сиятельству, отправлен с Высочайшего соизволения от Императорской Российской Академии в ученое путешествие по Молдавии и Валахии и частично по Булгарии и Румелии для историко-филологических наблюдений, клонящихся к обогащению российского языка и к пояснению истории Российского государства.

Получив по сему предмету сообщение от г. Президента Императорской Российской Академии, я долгом поставил предписать консулам нашим в Яссах и Бухаресте открыть г. Венелину архивы консульств наших, а к г. Полномочному председателю Диванов отнесся о доставлении ему свободного доступа в библиотеки и архивы молдавских и валахских монастырей.

Уведомляя о сем Вас, милостивый государь, я покорнейше прошу предписать доставить г-ну Венелину во время путешествия его по Булгарии и Румелии в местах, занимаемых нашими войсками, всевозможные средства к собранию нужных ему сведений и вообще к спешному и легчайшему достижению цели возложенного на него общеполезного поручения; в пути же оказывать ему в потребных случаях всякое пособие и защиту.

Пребываю с совершенным почтением и преданностью Вашего Сиятельства покорнейшим слугою

К. В. Нессельроде (Подпись — автограф)

С.Петербург

18 февраля 1830 года

ЦГВИА. Ф. 14057. Оп. 16/183. Св. 967. Д. 164. Л. 1.
Писарское.

¹ Дибич-Забалканский Иван Иванович (1785–1831) — граф, генерал-фельдмаршал, главнокомандующий 2-й русской армией во время русско-турецкой войны 1828–1829 гг.

10

**Письмо К. В. Нессельроде к А. С. Шишкову
(19 февраля 1830 г.)**

Милостивый государь Александр Семенович!

Желая в полной мере содействовать успеху общеполезного поручения, возложенного на г. Венелина, отправляющегося для историко-филологических изысканий в княжества Молдавию и Валахию и частично в Булгарию и Румелию, я имею честь препроводить к Вашему Высокопревосходительству для вручения ему заграничный паспорт и рекомендательные письма к управляющим консульствами нашими в Молдавии и Валахии, к вице-председателю Молдавского Дивана и к генерал-фельдмаршалу графу Дибичу Забалканскому. Первым двум поставлено в обязанность открыть г. Венелину архивы наших консульств, а генерал-майора Мирковича прошу я предписать доставить ему, во время путешествия по Молдавии, Булгарии и Румелии, все возможные средства к собранию нужных ему сведений и к оказанию ему в пути в потребных случаях всякого пособия и защиты. Сверх того отнесся я к Полномочному председателю Диванов г. генерал-адъютанту Киселеву², о доставлении г. Венелину свободного доступа в библиотеки и архивы молдавских и валахских монастырей и о предписании оказывать ему во время объезда округов должные со стороны исправников пособия.

Сообщая о сем Вам, милостивый государь, пребываю с совершенным почтением и преданностью Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугою

гр. Нессельроде (Подпись — автограф).

19 февраля 1830.

*ПФ ААН. Ф. 8. Оп. 1 (1830). Д. 35. Л. 238.
Писарское.*

¹ Миркович Федор Яковлевич — генерал-майор, вице-председатель Дивана Княжества Молдавии.

² Киселев Павел Дмитриевич (1788–1872) — генерал-адъютант, полномочный председатель диванов Молдавии и Валахии.

11

**Запись в протоколе заседания Российской Академии
от 22 февраля 1830 г.**

«Слушаны: Первое. Письмо г. Вице-канцлера графа Карла Васильевича Нессельроде от 19 февраля за № 644, к г. Президенту Академии следующего содержания: «Желая в полной мере содействовать успеху общеполезного поручения возложенного на г. Венелина, отправляющемся для историко-филологических изысканий в княжества Молдавию и Валахию и частично в Булгарию и Румелию, я имею честь препроводить к вашему высокопреосвященнейшему для вручения ему заграничный паспорт и рекомендательные письма к управляющим консульствами нашими в Молдавии и Валахии, к г. вице-канцлеру Молдавского Дивана и к г. генерал-фельдмаршалу графу Дибичу Забалканскому. Первым двум поставлено в обязанность открыть г. Венелину архивы наших консульств, а генерал-майора Мирковича и графа Ивана Ивановича прошу предписать доставить ему во время путешествия по Молдавии, Булгарии и Румелии все возможные средства к собранию нужных ему сведений и к оказанию ему в пути в потребных случаях всякого пособия и защиты. Сверх того отнесся я к полномочному председателю диванов г. генерал-адъютанту Киселеву о доставлении Венелину доступа в библиотеки и архивы молдавских и валахских монастырей и о предписании оказывать ему во время объезда округов должных со стороны исправников пособий».

*ПФ ААН. Ф. 8. Оп. 1. Д. 35. Л. 26.
Писарское.*

12

Инструкция Российской Академии о путешествии Ю. И. Венелина на Балканы

Инструкция

данныя Императорскою Российской Академиею г-ну лекарю Юрию Венелину, отправляемому, с Высочайшего соизволения, на иждивении оной Академии в филологическо-археографическое путешествие по княжествам Молдавии и Валахии и по турецким областям Булгарии и частию Румелии

§ 1

Цель путешествия по Княжествам Молдавии и Валахии и по турецким областям Булгарии и частию Румелии есть обстоятельное обозрение всех сколько возможно как на славянских наречиях, так и на молдавском, волошском и греческом языках печатных книг и рукописей, которые хранятся в тамошних монастырских и других библиотеках, в старых архивах и проч. и могут служить к обогащению языка российского, к заменению вошедших в язык наш иностранных слов равносильными им речениями славянскими и к вящему пояснению истории Российского государства.

§ 2

Определительного времени для совершения сего путешествия не назначается. Оно зависит будет от свойств изысканий предпринимаемых путешествующим и от других обстоятельств, которых предвидеть невозможно.

§ 3

Главная обязанность путешествующего есть: посетить все книгохранилища княжеские и монастырские, старые архивы и даже частные собрания книг и древностей, если владельцы их позволят обозреть оные.

§ 4

При обозрении старых архивов, находящихся в городах, монастырях и пр., путешественник будет руководствоваться собственным

своим стремлением к повсеместному открытию предметов, относящихся к настоящей цели его путешествия. Ибо ревностное трудолюбие откроет ему более, нежели все предварительные наставления.

§ 5

Для совершения, сколько возможно, более систематического обозрения означенных выше княжеств и областей, путешественник направит свои поездки на главные и в географическом отношении известнейшие места, а оттуда в прилегающие к ним стороны. Таковые места суть города: *Яссы, Букареcт, Силистрия, Варна и Бургас.*

§ 6

Посему порядок мест и поездок назначается следующий:

§ 7

I. В Молдавии. По обозрении в Яссах Княжеского и Митрополитского, также и прочих монастырских архивов путешественник разделит путешествие свое по Молдавии на три поездки.

1) На Северную: в округи Дорогое, Ботушанский и Гарлевский. В Гарлеве осмотрит Епископский архив и монастырские в Ботушани, Дорогом, Добернавце, Григориш, Фалтичани и Котнаре.

2) На Западную: В Немецкой епархии, осмотрев знаменитый монастырь в Немцах, путешественник отправится по реке Молдаве в город Байю, что в Карпатских горах, и на возвратном пути обозрит Пахлань, Галонешти, Шиеню. Оттуда отправится в Романскую епископию, где в Романе осмотрит Архперейский монастырь, а потом и прочие подведомственные сей епархии.

3) На Южную: Из Ясс поедет в округи: Фальчский, Текучский, Тутовский, Путнинский, Когурлунский, а именно: по реке Бахлуе отправится в Гушскую епархию. В Гуши осмотрит Архперейский монастырь, оттуда через реку Красну посетит город Васлуй, Токатину, Тепелец и поветовой Фальчи и находящийся в нем монастырь. Из Фальчи через Кирью, Галбину, Ивичу и Галац для обозрения тамошнего монастырского архива. Из Галаца направит путь вверх по рекам Текучей, Серету, Сушице и Путне; через Тотруш, Окну, Лонгамару, переправясь вторично через реку Серет, по окрестностям Раковой и Берлады возвратится в Яссы.

§ 8

II. В Валахии. В Букареcте путешественник осмотрит тамошний княжеский архив, равно и митрополитский и все монастыри, коих в сей столице до двенадцати; обратит внимание на все древности и достопамятности сего города как исторические, так и филологические, могущие чем-либо объяснить древности владычествовавших здесь болгар, и отношения к ним россиян. После осмотра Букареcта отправится по всей епархии, обозревая каждый повет оной порознь, а именно: Ильфовский, со всеми его монастырями, в Слам-Рымникском монастыри: Фокшанский, Максинянский, Бамбенский и Рымникский. В Теморманском, Влашском, Дубовицком, Праховском, всего одиннадцать монастырей. Наконец тщательно рассмотрит монастырскую библиотеку в Тирговище.

Обозрев Букареcтскую епархию отправится в Бузевскую. В Бузеве обратит внимание на Кафедральный собор и Архив, также и на монастыри в Бапуле, Нутете, Валени де Монте, Браде, Марженяни и Калепине. Объехав таким образом всю Великую Валахию, путешественник отправится в Малую, избрав средоточием своих поездок город Крайову. Там осмотрит он монастыри Обедянский, св. Георгия, св. Димитрия, Владанский, св. Николая и пророка Илии, также находящиеся в повете Буковецкий и Житнянский. Потом переедет в Вульчевский округ, где в Рымнике Ольтском осмотрит Епископскую библиотеку и находящиеся в сем уезде монастыри Козийский, Быстрицкий, Говорский, Хорезский и Окнамарский. В уезде Горском: Тыргошульский, Красненский, Стримбский и Тисманский; в Мехединском: Чернецкий, Стреховский, Топольницкий. Из сего повета обратится в южную часть Должевского для осмотра Буковецкого метоха и через Житнянь возвратится в Крайову. Вообще путешественник обратит внимание на все, могущее объяснить историю славянской литературы. Редкие сочинения или рукописи, коих приобретение было бы невозможно, опишет, сделает из них выписки для образца слога и снимки с почерка оных. Сюда относятся преимущественно старинные списки Св. писания, богослужебных книг и кормчей. Постарается отыскать, буде возможно, древнейшие списки Кириллова перевода Священного писания.

§ 9

III. В Болгарии. Путешественник отправится из Силистрии для обозрения Люблицы, Козлицы; потом через Буюк-Кайнарджи в Мержань, а оттуда по большой дороге к Шумле, от сего города на Разград и через Ясеницу, Синюху, Видову и Черну-Воду в окрестности Рущука, оттуда обратно в направлении к юго-западу через Красну, Присовичу, Белу по реке Янtre в Враговицу и Тернов, столицу Болгарского экзаршества, где он будет стараться приобрести, сколь возможно, подробные сведения о рукописных и печатных книгах, находящихся при болгарских церквях по обе стороны Балканов, также о состоянии болгарской епархии вообще. Из Тернова через Ново село, Добромирку, Крутову и Серебью отправится в Ловицу (по тур. Lofdscha), местопребывание епископа, подвластного Терновскому экзарху. Здесь, собрав возможные сведения и открытия, путешественник обратится через Гайны, Труженицу, Плевну, Златицу в Никополь, или через Предилово, Черниково, Дудник, Рахово, Староселицу, Остров в город Рахово (Орехово).

§ 10

Обозрев таким образом Болгию, путешественник поедет в Варну, где, разведав от епархиального начальства о предметах, относящихся к его изысканиям, объедет прибрежные места Болгарии и наконец через Девно, Праводы, Комарово отправится в Карабат, а оттуда через Айдос в Бургас. Из сего города можно будет сделать поездку в Ямполь и Сливно и собрать там сведения, касающиеся до богослужения и богослужебных книг и других печатных и рукописных по всей так называемой Фракии. Из Бургаса же посетит Терново, Замаково и окрестности Кирклессы и побывает, если будет возможно, в Адрпанополе.

§ 11

Впрочем подробности каждой частной поездки, т. е. откуда начать, через какие места следовать, где и когда быть и проч., представляются полной воле путешествующего, ибо сие не зависит от удобств местных и путей сообщения.

§ 12

В проезде через области Задунайские путешественник, кроме исторических и филолого-археографических изысканий, займется препи-ум-

щественно изучением болгарского языка, собирает все возможные сведения относительно наречий оного, обращая внимание и на коренные слова, коих нет в русском языке, а остались в оном одни только производные и сложные. Составит грамматику и небольшой словарь болгарский с примерами повествовательной прозы.

§ 13

В отношении к памятникам болгарской словесности путешественник будет отыскивать народные летописи, основываясь на том, что болгаре, принявшие христианскую веру около 863-го года, уже во время Нестора имели довольно цветущую литературу, и, по-видимому, были не без своих собственных летописцев, коимъ, может быть, пользовался и преподобный Нестор при помещении в Российской летопись известий, относящихся к истории болгарской. Если же таких полных летописцев не отыщется, то путешественник постарается по крайней мере искать отрывки оных в могущих встретиться сочинениях.

§ 14

Он стараться будет узнавать и знакомиться с людьми, которые там почитаются учеными, приобретать их доверенность и почерпать из беседования с ними нужные сведения.

§ 15

Сверх сего займется собранием известий о Киприлле и Мефодии и осведомится, не было ли в Болгарской церкви особенного описания их первосявятителей и апостолов греко-славянской церкви, более всего трудившихся в пользу болгар. Также, не находятся ли где болгарские переводы византийских летописцев, подобных тем, которые хранятся в Ватиканской библиотеке. Сюда наконец причислить можно и народные поверья и песни.

§ 16

С древних рукописей, могущих служить к составлению Славянской палеографии и автографии особо исторически замечательных, необходимо нужно делать снимки (*fac simile*). Церковная утварь и принадлежности богослужения, а равно остатки язычества и древнего

домашнего быта, если они заслуживают любопытство, должны равным образом обратить на себя внимание путешественника.

§ 17

Кроме сего путешественник будет вести обстоятельные путевые записки о том, что он видел или заметил достопримечательного, как относительно главного предмета его путешествия, так и всего, что может способствовать расширению исторических и древлестатистических сведений о нашем отечестве. Сии записки могут быть изданы в свет или вполне, по окончании всего путешествия, или по частям за каждою поездкою.

§ 18

Путешественник об успехах путешествия своего будет доставлять в Императорскую Российскую Академию краткие месячные или двухмесячные донесения, чтобы она могла иметь в виду место его пребывания и главные успехи.

§ 19

Императорская Российская Академия для приращения своей Библиотеки уполномочивает путешественника: приобретать для нее рукописи, редкие печатные книги не только славянские, но и греческие, на сумму, на первый случай, до тысячи рублей из суммы, определенной на заведение при Академии Славянского книгохранилища. Ибо в местах отдаленных и у самых владельцев можно доставать оные за несравненно меньшую цену, нежели покупая в столицах, у продавцов редкостей, в коих они доходят чрез многие руки. Издержки сии путешественник будет вносить в шнуровую книгу, каковаядается ему от Академии. По мере приобретения таковых книг и рукописей путешественник не преминет пересыпать оные при удобном и верном случае в Академию Российскую, дабы она, судя по важности его приобретений, могла ему доставлять потребную сумму денег на таковое употребление. Таковая пересылка может производиться чрез консулов российских, в Молдавии и Валахии пребывающих.

§ 20

Для издержек, необходимо нужных на содержание путешественника и на предназначаемые ему занятия, также и на прогоны,

путевые и непредвиденные расходы во время сего путешествия, Академия, с Высочайшего соизволения, назначает ему шесть тысяч рублей государственными ассигнациями из хозяйственных ее сумм, которые и выдадутся ему единовременно.

§ 21

Все извлечения из печатных книг или рукописей, списки, путевые записки, древности и проч. как приобретения археографического путешествия по вышеозначенным княжествам и областям, совершенного по распоряжению Императорской Российской Академии, средствами и издерживением ее, суть безусловная и полная ее собственность. Она с совершенным доверием поручает приведение в действие сего полезного предприятия г-ну Юрию Венелину, полагая, что приобретенные опытом познания его по сей части соделывает его к сему совершенно способным и что ревностное его усердие к успехам отечественного языка и к пояснению и пополнению российской истории принесет весьма значительную пользу и в полной мере оправдает ожидание Академии.

С сею инструкциею во всем сообразоваться согласен.

Юрий Венелин.
[Подпись Ю. Венелина — автограф]¹

*ПФ ААН. Ф. 8. Д. 35. Л. 239–244.
Писарское.*

¹ Под текстом «Инструкции» помета карандашом: Февраль 22 1830.

13

Запись в протоколе заседания Российской Академии
от 22 февраля 1830 г. с текстом письма К. В. Нессельроде
к А. С. Шишкову о содействии Ю. И. Венелину
в его путешествии

Слушали: Первое: Письмо г. Вице-Канцлера графа Карла Васильевича Нессельроде от 19 февраля за № 644 к г. Президенту Академии

следующего содержания: «Желая в полной мере содействовать успеху общеполезного поручения возложенного на г. Венелина отправляющегося для историческо-филологических изысканий в княжества Молдавию и Валахию и частию в Булгарию и Румелию, я имею честь препроводить к вашему высокопр[евосходительст]ву для вручения ему заграничный паспорт и рекомендательные письма к управляющим консульствами нашими в Молдавии и Валахии, к г. вице-президенту Молдавского Дивана и к г.генерал-фельдмаршалу графу Дибигчу Забалканскому. Первым двум поставлено в обязанность открыть г. Венелину архивы наших консульств, а генерал-майора Мирковича и графа Ивана Ивановича прошу предписать доставить ему во время путешествия по Молдавии, Булгарии и Румелии все возможные средства к собранию нужных ему сведений и к оказанию ему в пути в потребных случаях всякого пособия и защиты. Сверх того отнесся я к полномочному председателю диванов г. генерал-адъютанту Киселеву о доставлении Венелину доступа в библиотеки и архивы молдавских и валахских монастырей и о предписании оказывать ему во время объезда округов должных со стороны исправников пособий». Второе: Инструкция в подлиннике при сей Записке приложенная, данная Императорскою Российскою Академиею г. лекарю Юрию Венелину, отправляемому с высочайшего соизволения на паждивенши оной Академии в филологическо-археографическое путешествие по княжествам Молдавии и Валахии и по турецким областям Булгарии и частию Румелии. По выслушании и одобрении сей Инструкции г. Президентом и собранiem определено: 1) Как спю Инструкцию, так заграничный паспорт и рекомендательные письма данные г. Венелину г. Вице-Канцлером графом Нессельроде, ему, Венелину, вручить; а список с сей Инструкции с подписью его, что он поступать по оной во всем согласен, хранить при сей Записке. 2) Для издержек необходимых на содержание его и на предназначенные ему занятия, также на прогоны и проч. во время его путешествия, выдать ему единовременно, на основании § 19 сей Инструкции, шесть тысяч рублей госуд[арственными] ассигнациями из хозяйственной суммы Академии и на покупку рукописей, редких печатных книг не только славянских, но и греческих, на первой случай тысячу рублей ассигнациями, в счет суммы определенной на заведение при Академии славянского книгохранилища; а для записывания издержек на покупку

таковых книг дать ему, Венелину, шнурковую книгу с приложением академической печати и за подписанiem г. Президента.

*ПФ ААН. Ф. 8. Оп. 1. Д. 35. Л. 26–27.
Писарское.*

14

**Выписка из протокола заседания Российской Академии
от 22 февраля 1830 г. о заслушанном письме
К. В. Нессельроде к А. С. Шишкову и принятой
Инструкции о путешествии Ю. И. Венелина**

Исправляющему временно должность казначея Академии,
действительному статскому советнику Соколову¹

Слушаны: первое: Письмо г. Вице-Канцлера графа Карла Васильевича Нессельрода [так.] от 19 февраля за № 644 к г. Президенту Академии следующего содержания: «Желая в полной мере содействовать успеху общеполезного поручения, возложенного на г. Венелина, отправляющегося для историко-филологических изысканий в княжества Молдавию и Валахию и частю в Булгарию и Румелию, я имею честь препроводить Вашему высокопревосходительству для вручения ему заграницный паспорт и рекомендательные письма к управляющим консульствами нашими в Молдавии и Валахии, к г. вице-президенту Молдавского Дивана и к г. генерал-фельдмаршалу графу Дибичу Забалканскому. Первым двум поставлено в обязанность открыть г. Венелину архивы наших консульств, а генерал-майора Мирковича и графа Ивана Ивановича¹ прошу я предписать доставить ему во время путешествия по Молдавии, Булгарии и Румелии все возможные средства к собранию нужных ему сведений и к оказанию ему в пути в потребных случаях всякого пособия и защиты. Сверх того отнесся я к полномочному представителю диванов г. генерал-адъютанту Киселеву о доставлении Венелину доступа в библиотеки и архивы молдавских и валахских монастырей и о пред-

писании оказывать ему во время обезда округов должные со стороны исправников пособий». Второе: Инструкция в подлиннике при сей записке приложенная, данная Императорскою Российскою Академиею г. лекарю Юрию Венелину, отправляемому с высочайшего созволения на паждвении оной Академии в филологическо-археографическое путешествие по княжествам Молдавии и Валахии и по турецким областям Булгарии и частию Румелии. По выслушании и одобрении сей инструкции г. Президентом и собранием определено: 1) Как сплю Инструкцию, так заграницный паспорт и рекомендательные письма, данные г. Венелину г. Вице-Канцлером графом Нессельроде, ему, Венелину, вручить, а список с сей Инструкции с подписью его, что он поступать по оной во всем согласен, хранить при сей Записке. 2) Для издержек необходимых на содержание его и на предназначенные ему занятия, также на прогоны и проч. во время его путешествия, выдать ему единовременно, на основании § 19 сей Инструкции, шесть тысяч рублей государств[енными¹] ассигнациями из хозяйственной суммы Академии и на покупку рукописей, редких печатных книг не только славянских, но и греческих, на первой случай тысячу рублей ассигнациями в счет суммы определенной на заведение при Академии славянского книгохранилища; а для запи-сывания издержек на покупку таковых книг дать ему, Венелину, шнуровую книгу с приложением Академической печати и за подписанием г. Президента. Для выдачи г. Венелину означенных в сем определении денег семи тысяч рублей и для запиcания оных с его Венелина распискою дается Вам сия выписка.

А. Шишков.

*ПФ ААН. Ф. 8. Op. 3 (1830). Д. 2. Л. 43–93
[так! между лл. 43 и 93 подшиты другие
документы];
письарская;
подпись — автограф А. С. Шишкова.*

¹ Иван Иванович — граф И. И. Дибич-Забалканский.

15

**Письмо Ю. И. Венелина к П. И. Соколову
(7 марта 1830 г., Петербург)**

Милостивый государь
Петр Иванович,

Препровожденный Вашим Превосходительством пакет ко мне, заключающий в себе данную мне Императорскою Российскою Академею Инструкцию равно и рекомендательные письма, я имел честь получить вместе с 390 рублей ассигнациями, назначенных, сверх определенной для издержек путешествия и покупки [суммы], для вознаграждения меня за понесенные мною издержки. При сем вместе имел честь получить и Словарь Российской Академии¹, и Сербский речник Вука Стефановича², и Приходную и расходную книгу. На вопрос Вашего Превосходительства имею честь ответствовать, что 8го или 10 числа сего месяца отправляюсь в дорогу³, о чем прошу покорнейше известить Императорскую Российскую Академию. С глубочайшим почтением имею честь быть Вашего Превосходительства покорнейший слуга

Юрий Венелин.

7го марта 1830.

ПФ ААН. Ф. 8. Оп.3 (1830). Д. 7. Л. 1.

¹ Ю. И. Венелин получил, по-видимому, 2-е издание «Словаря Российской Академии» (СПб., 1806–1822). 1-е издание «Словаря» вышло в свет в 1789–1894 гг.

² Имеется в виду: В. Стефановић. Српски рјечник, истолкован немачким и латинским ријечма. У Бечу, 1818.

³ Ю. И. Венелин вернулся из Петербурга в Москву 17 марта 1830 г.

16

**Письмо Ю. И. Венелина И. И. Дибичу-Забалканскому
(13 мая 1830 г. Тирасполь)**

Сиятельный Граф,

Уже слишком сорок лет тому назад как многие ученые старались обратить внимание исследователей на разнородных жителей Европей-

ской Турции; однако до сих пор по неудобности немного сделано было приобретений в сей стране для этнографии. Нынешняя, счастливо оконченная под предводительством Вашего Сиятельства война, усилила любопытство отечественных ученых. Из всех жителей Европейской Турции менее всех известны болгары, наполняющие всю внутренность Османских владений в Европе. Императорская Российская Академия, с Высочайшего созволения, осчастливила меня поручением сделать как археологические, так и филологические изыскания о сем народе. По данной мне Инструкции надлежало осмотреть жителей по обе стороны Балканов в местах, занимаемых российскими войсками, равномерно и все монастырские книгохранилища Валахии и Молдавии. Имея поручение обратиться под покровительство Вашего Сиятельства, я спешил прямо в Бургас. По прибытии в Одессу, узнав о переправе значительной части войск, равно и Главной квартиры Вашего Сиятельства, я впал в недоумение касательно моей поездки, не зная, какие места еще заняты нашими войсками и на долго ли. Прибегая в сем положении под покров Вашего Сиятельства, прошу покорнейше не лишить милостивого Вашего наставления и снабдить поручением подведомственным Вашему Сиятельству военным начальствам доставить мне способы и случаи, относящиеся к успешному исполнению возложенного на меня поручения. При сем имею честь прилагать вверенное мне письмо на имя Вашего Сиятельства и заграниценный паспорт. Почту себя счастливым, если взмогу быть малейшим из тех, которые имели честь под главным руководством Вашего Сиятельства воевать как в пользу славы, так и в пользу наук, как некогда Александрийские ученые в малоизвестной Галлии под покровительством Цесаря. Да благословит Пророкование надежды наши, что с *Дражайшим именем Августейшего Покровителя Наук и лаврами* Вашего Сиятельства вместе начнется и новая эпоха в этнографии и истории Восточной Европы. Пытаясь искренно сею сладкою надеждою и поручая себя покровительству Вашему, имею честь быть Вашего Сиятельства, Милостивого Государя нижайшим и покорнейшим слугою

Юрий Венелин.

ЦГВИА. Ф. 14057. Оп. 16/183. Св. 967. Д. 164. Л. 2.
Беловое, автограф.

17

**Письмо И. И. Дибича-Забалканского П. Д. Киселеву
(21 мая 1830 г. Тирасполь)**

21 мая 1830

Полномочному председателю диванов княжеств Молдавии и
Валахии
генерал-адъютанту Киселеву

Господин Вице-Канцлер граф Нессельроде сообщил мне, что вручитель сего лекарь Венелин отправлен с Высочайшего сопровождения от Императорской Российской Академии в ученое путешествие по Молдавии и Валахии и частию по Булгарии и Румылии [так!] для историко-филологических наблюдений, клонящихся к обогащению российского языка и к пояснению [истории] Российского государства.

Вследствие чего предлагаю Вашему Превосходительству приказать доставить г. Венелину во время путешествия его в княжествах Молдавии и Валахии все возможные средства к собранию нужных ему сведений и вообще к успешному и легчайшему достижению цели возложенного на него поручения; в пути же оказывать ему всякое пособие и защиту.

Подписал Главнокомандующий 2 Армиею
Генерал-фельдмаршал граф Дибич Забалканский
Верно: [Подпись неразборчива].

*ЦГВИА Ф. 14057. Оп. 16/183. Св. 967. Д. 164. Л. 4.
Писарское.*

18

**Письмо И.И.Дибича-Забалканского Л.О.Роту
(21 мая 1830 г. Тирасполь)**

Командиру 5-го пехотного корпуса
господину генералу от инфантерии и кавалеру Роту¹

Г. Вице-канцлер граф Нессельроде сообщил мне, что вручитель сего лекарь Венелин отправлен с Высочайшего сопровождения от Импе-

раторской Академии в ученое путешествие по Молдавии и Валахии и частину по Булгарии и Румылии [так!] для историческо-филологических наблюдений, клонящихся к обогащению российского языка и к пояснению истории российского государства. Вследствие чего предлагаю Вашему Превосходительству приказать доставить г. Венелину во время путешествия его в местах занимаемых войсками, состоящими под начальством Вашим, все возможные средства к собранию нужных ему сведений и вообще к успешному и легчайшему достижению цели возложенного на него поручения; в пути же оказывать ему в потребных случаях всякое пособие и защиту. Если же г. Венелин найдет необходимым быть в Румылии и в тех местах, где наших войск нет, то прошу Ваше Высокопревосходительство² от рекомендовать г. Венелина от имени моего Верховному Визирю и Галиль Паше.

Подпись
Главнокомандующий 2-ю армией
Генерал-фельдмаршал граф Дибич Забалканский
Верно: [Подпись неразборчива].

Кр[епость] Тирасполь

21 мая 1830.

*ЦГВИА. Ф. 14057. Оп. 16/183. Св. 967. Д. 164. Л. 3.
Писарское.*

¹ Рот Логин Осипович (1780–1851) — генерал, командующий 5-м пехотным корпусом в русско-турецкой войне 1828–1829 гг.

² Далее следует зачеркнутый текст: «испросив на сей предмет чрез нашего посланника в Константинополе согласие Турецкого правительства».

ПОДГОТОВКА Ю. В. ВЕНЕЛИНА К ПУТЕШЕСТВИЮ В ПЕТЕРБУРГЕ

19

**Записка Ю. И. Венелина к П. И. Кеппену¹
(21 января 1830 г.)**

У Вас был Юрий Иванович. Очень желает прибегнуть к Вашим советам и наставлению в известном Вам деле². Привез Вам от М. П. Погодина³ словцо и поклон. Квартирует в Лондоне⁴ покамест № 26. Ваш покорнейший слуга

Юр. Венелин.

21 янв[аря] 1830

ПФ ААН. Ф. 30. Оп. 3. Д. 45.

¹ Кеппен Петер Иванович (1793–1864) – библиограф, этнограф, археограф.

² «Известное Вам дело» – очевидно, Ю. И. Венелин имеет в виду намечаемую поездку в Болгарию, в связи с которой он и хотел получить от П. И. Кеппена, путешествовавшего в начале 20-х годов XIX в. по Центральной Европе, в том числе и по славянским странам, «советы и наставления».

³ Погодин Михаил Петрович (1800–1875) – историк, журналист, писатель, профессор Московского университета.

⁴ Лондон – гостиница в Петербурге.

20

**Письмо Ю. И. Венелина к М. П. Погодину
(22 января 1830 г.)**

22 января.

Любезнейший Михаил Петрович!

В воскресенье я прибыл в Петрополь в четвертом часу по полуночи. При выезде из Москвы что-то налегло мне как камень на сердце,

ничем не мог развлечься; впрочем к вечеру разулыбнулся. Очень естественно. Я всегда почитаю истинных друзей главнейшим условием земного счастья, расставаясь с вами, мне казалось расстаюсь с счастьем. Прощаясь с дорогим Сергеем Тимофеевичем¹, я не мог выговорить порядочного слова, выбежал из залы без головы и не знаю, как домой добрался. Впрочем дорога от Клина до Петрополя была немножко повеселее. Со мною ехали г. Амбаров из канцелярии Генерал-Губернатора к своему шефу; именитый член Исторического и многих других обществ кандидат Редкин, да один (о диво!) очень сурпозный француз. Почтенный член многих почтенных обществ уже у заставы разболтался о множестве своих должностей, их важности и о своих депешах к министру, с коим ему будто надобно трактовать. Все это было мне полезно знать (ибо внутри смешала и развлекала меня сатира). В другом дилижансе с нами ехал один молокосос с дядькою вступить в кавалерию, один московский да один питерский купец. Сей последний на всякой станции подшивал наливки или настойки, смешил и бранился. От беспрерывного угощения *Spiritu vini* где-то понездоровилось ему; ему сказали, указывая на меня, вот доктор. Надлежало дать совет. Я запретил употреблять сивухи. На следующей станции я вошел последний, вижу его в одной комнате с огромным бокалом водки в руке. «Что это!» вскричал я. «Микстура» отвечал смешавшийся мой пациент. Я сделал ему проповедь, он дал обещание слушаться не потому, что мои слова были убедительны, а изуважения к орлам на моих пуговицах. Несмотря однако на обещание на всякой станции продолжал принимать две-три порции микстуры. С того времени все пассажиры водку переименовали в микстуру. В Валдае в третьем часу по полуночи мы вошли в комнату надзирателя согреться, а мой пациент взобрался в соседний дом, разбудил всех, сделал тревогу, содержательница — немка — закричала гвалт, мы взобрались туда же, чтобы отозвать пациента. Немка только что и горланила *ах какой микстур!* (Он требовал микстуру). Но все это вздор.

До Петрограда совершенно утомился от бессонницы. По приезде не знал куда остановиться; нигде нельзя было отыскать комнатки, кроме одной в Лондоне на углу Невского проспекта против Адмиральтейства. Цена 5 рубл[ей] за сутки. На другой день на силу отыскал Григория Петровича², 1000 раз бесился, что не спросился у вас его адресса. Вчера он утром, пдя в Департамент, навестил меня и просил,

по предложению почтенного Николая Ивановича Ждановского, переселиться к нему. Скажу, мне чрезвычайно прятно посреди четырех москвичей, коих в Питере уважаю как земляков или родных. Приветливость их облегчает мою хандру.

На силу отыскал вчера Кеппена³ и Строева⁴. Здесь язык не доведет до Клева, даже буточники [так!] не знают домов, возле коих стоят. Это мне случилось два раза. Одна чухонская рожа на силу могла мне сказать, что Гостиный двор на Невском решпекте. Другой дуралей, коего просил я привести меня в канцелярию министра финансов, привез меня на двор Капитула Российских орденов.

Кеппен сказал мне, что не может дать обширных наставлений; расспрашивал только о моих намерениях. Бедный Строев хлопочет как каторжный, живет в № 7 конторы дилижансов. Советовал не уступать, если станут торговаться; думает пробить здесь еще две недели. Кеппен сказывал, что Иакинф⁵ собирается в Москву, а оттуда в Китай. Послезавтра буду опять у Строева, а в субботу у Кеппена. Круг⁶ спрашивался, скоро ли буду в Петроград.

Ныне поутру отправился к Кругу. Проклятый ванька завез в Академию художеств (опять беда). Академик принял меня флегматически. Исчернил и исписал по краям моих Болгар⁷. Я просил сообщить мне его замечания, он согласился; теперь его экземпляр у меня на 5 дней. Говорил, что не соглашается со мною, но ни поводов, ни мнения своего не высказывал, а упомянутые замечания одни только поправки к тексту. Догадываюсь тайной причины. Вообще все это походит на арцыбашевское: упрекал в резком тоне, советовал не спешить с остальным. Большую беду полагает в записках Приска, и месте Марцеллина и Иорнанда. Но это мелочи. Виделся у него с Шегреном⁸. Неважная рожа. После на силу сыскал Пельского; извинялся в том, что не мог достать. Вдруг вошел кто-то с № 2 Моск[овского] Вест[ника]⁹ и Галат[еи? или -еий?] ¹⁰. Тотчас бросились на разбор Полевого¹¹. Впрочем эти баричи удивляются гениальности Истории русского народа. Наконец добрался до кн. А. А. Шаховского¹² в Коломну в доме Лемана. Принял по московскому, т. е. обрадовался, по крайней мере мне так показалось, и утешало при свидании с добрыми москвитянами. Ругает Полевого. У него был до меня А. Пушкин, тоже ругает; статья об Истории русск[ого] народа в Литер[атурной] газете¹³ сего последнего (между нами сказано, мне

сообщено с тем, чтобы не высказывать; скажите Сергею Тимофеевичу, но не далее). А. А.¹⁴ мне сказывал, что Жуковский¹⁵ не сомкнул глаз, пока не прочел моего тексту¹⁶, хвалил. Порадуйте нашего общего любезно-веселого Мих[аила] Николаевича в вознаграждение за криклившую Пчельную статейку. Зато в Газете отблагодарили его люди более дальние. Удивительно то, что Круг и Кеппен принадлежат к приверженцам Полевого (!!!). Странно; не понимаю. Дело кажется в том, что оба сии почтенные имена по нескольку раз встречаются в Истории русск[ого] народа как классические. Впрочем оба сии мужа показались мне благородных чувствований. Не знаю, как будет далее. Однако, сколько мог видеть, лучшие русские головы не довольны Полевым. Не знаю, как покажутся, если узнаю их короче. Завтра намерен к Соколову¹⁸, а потом к Надежде Тимофеевне¹⁹. Мне предвечали, что продержут долго. Скучные рожи, ваньки-немогузнайки и проклятая боль в животе отняли бы охоту и у самой закоснелости. О прочем после. Гриша²⁰ здоров, скучает немножко однообразием занятий, служит аккуратно; в моем присутствии почт[енный] Николай Иванович рассказал, что директор Департамента у министра изъявил, что им доволен и что с следующего месяца прибавится ему жалованье. Очень рад. Пишите, пожалуйста, здоровы ли; попросите и Сергея Тимофеевича приписать словцо, хоть и Петра Григорича, хоть всех знакомых. Это очень будет величайшей для меня отрадой в чрезвычайной моей скуке. Попросите хоть всю Москву руку приложить. Если хотите, на досуге буду вам присыпать отчеты, за всякой день, о всяком ощущении; если пожелаете, то и юмористическую о Петрограде для Вестника. При сем А. А. Шах[овской] просил доставить вам друзьям прилагаемую здесь, с тем, что, если хотите, напечатайте в Галатее или где-либо. Не забывайте, ради бога, вас (обоих) любящего, почитающего, уважающего и проч. щего Ю. Венилина [так!]. Целуйте от меня ручку Ольге Семеновне.

Далее следует приписка Г. П. Погодина — младшего брата М. П. Погодина, служившего в Петербурге:

«Вы не можете себе представить, как я был рад приезду Юрия Ивановича, которого мы перетащили к себе. Только мне было очень грустно слышать от него о вашей болезни, которая меня и беспокоит очень. Бога ради,

братец: берегите себя и не занимайтесь мною. Я скоро буду писать к вам больше, а теперь скажу только, что я здоров. Целую всех и обнимаю. Благодарю вас, маминька, за кос-тинец [так!] красинькой»¹.

ОР РГБ. Ф. 231/II. Оп. 48. Д. 17. Л. 1–2.

¹ Аксаков Сергей Тимофеевич (1791–1859) — писатель.

² Погодин Григорий Петрович — младший брат М. П. Погодина.

³ П. И. Кеппен — см. примечание 1 к письму № 19.

⁴ Строев Павел Михайлович (1796–1876) — археограф, историк.

⁵ Иоакинф Бичурин (1777–1853) — синолог, переводчик с китайского языка при Министерстве иностранных дел.

⁶ Круг Филипп Иванович (1764–1844) — археолог, нумизмат.

⁷ «Мои Болгары» — сочинение Ю. И. Венелина «Древние и нынешние болгары».

⁸ Шегрен Андрей Михайлович (1794–1855) — филолог, этнограф, член Академии наук.

⁹ Журнал «Московский вестник» (Москва, 1827–1830), издатель-редактор — М. П. Погодин.

¹⁰ Журнал «Галатея» (Москва, 1829–1830), издатель — С. Е. Раич (Амфитеатров).

¹¹ Полевой Николай Алексеевич (1796–1846) — писатель, историк. Автор 6-томной «Истории русского народа» (1829–1833), упоминаемой в настоящем письме. «Разбор Полевого» — имеется в виду, вероятно, резко отрицательный отзыв Н. А. Полевого на т. I «Древних и нынешних болгар» Ю. И. Венелина, опубликованный в журнале «Московский телеграф» (1829. № 16, с. 485–486).

¹² Шаховской Александр Александрович (1777–1846) — князь, писатель, член Российской Академии.

¹³ Газета «Литературная газета» (Петербург, 1830–1831). Редактор-издатель начальных номеров А. А. Дельвиг. В организации и редактировании газеты принимал участие А. С. Пушкин.

¹⁴ А. А. — А. А. Шаховской; см. примечание 12.

На полях лицевой стороны л. 1 рукою М. П. Погодина написано: «№ 1 Московского Вестника я получил и из письма вашего вижу, как должны получать и по билетам вами присланным».

¹⁵ Имеется в виду, вероятно, поэт В. А. Жуковский (1783–1852).

¹⁶ Возможно, речь идет о том, что, по словам А. А. Шаховского, В. А. Жуковский (?) читал сочинение Ю. И. Венелина «Древние и нынешние болгар».

¹⁷ По-видимому, имеется в виду писатель Михаил Николаевич Загоскин (1789–1852).

¹⁸ Соколов Петр Иванович — непременный секретарь Российской Академии.

¹⁹ Надежда Тимофеевна — сестра С. Т. Аксакова.

²⁰ См. примечание 2.

²¹ Ольга Семеновна — мать М. П. Погодина.

21

Письмо Ю. И. Венелина к М. П. Погодину и С. Т. Аксакову (23–26 января 1830 г.)

С.Петербург. 23 янв[аря] 1830, т. е.

Четверг.

Милые Мих[айл] Петрович и Сергей Тимофеевич!¹

Виноват, не мог отослать письма; надлежало к Соколову². Принял довольно хорошо. Первое приветствие заключалось в вопросе: Каково История русского народа?! Продержал с $\frac{3}{4}$ часа; велел проводить к Александру Семеновичу³. Почтенный, беловласый старец принял ласково. Не мог смотреть на седины без умиления; продержал с $1\frac{1}{2}$ часа. Говорили о славянском языке; показывал огромный свиток, представляющий бесконечную ветвь корня *kr.* *gr.* *hr.* Это меня поразило: все изложено чрезвычайно остроумно. После читал свои, очень хорошо изложенные замечания на слова из Справительного словаря. Нельзя его слушать без удовольствия. Наконец кто-то вошел (кажется, один академик); А. С. представил меня. Тогда же решено, чтобы я явился в заседание Академии в субботу. Откланившись (в 1^м часу), поспешил отыскать Надежду Тимофеевну; искал по адресу напрасно, в продолжение почти двух часов обошел по домам всю Фонтанку, между тем как дом Митусовой на Мойке. Принят очень хорошо, просили милостиво жаловать почаше; все здоровы.

24 ян[варя]. Пятница. Не очень здоров; сам не свой. Казалось бы, что почти теплее московского, однако что-то тяжелее, скучнее. Снегу к Петрополю на дороге было очень мало, как в Южной

Венгрин. Вышел пройтись... к Смирдину⁴; намедни видел у него на полке 3 экз. Болгар, а ныне уже 4. Я спросился, сколько экземпляров этой книги получил он из Москвы? «Слишком 20», отвечал, «или 25». Очевидно, штука Ширяева!⁵ Бедные сочинители!.. Полевые.. Ширяевы! Все это так утешительно, что хоть к чорту все авторствование. С досадой оттуда отправился к Строеву; у ворот встретился с Кеппеном; просил завтра ввечеру пожаловать к нему с Строевым. Строева застал; кое-как хлопочет по вашим поручениям, не знаю успеет ли. В Петербургских Ведомостях напечатан вид его отчета, из коего видно, что много сделал. Очень рад. Теперь выхлопотал, чтобы представили Государю его Индекс к Истор[ии] Госуд[арства] российского. Чрез полтора [так!] пидели надеется в Москву. Готовился обедать к Булгарину⁶. Хочет писать, по препоручению графа Толстого, статью против Полевого, который где-то в своей Истории (можете отыскать в замечаниях) обвиняет, нахальственно, хранителей и владетелей рукописных библиотек, будто возбранявших доступ к оным!! Кто переживет подобной клеветы? Хочет в Пчелу⁷.

25 янв[аря]. Суббота.

В 12 часов явился в заседание Академии. Просили сесть за стол. Прежде толковали о вызове Шаффарика, Ганки и Челаковского. После решено приступить к моему делу, чтобы меня не задержать долго понапрасну. Вчерашний академик⁸ предложил вознаграждение за приезд из Москвы. Вскоре за сим мне выдали 100 рублей. К моему проекту прибавить не нашли ничего кроме Хиландаря, как уже вам известно. Просили, чтобы я подал записку, к каким местам или начальствам нужны будут мне рекомендательные бумаги. Разумеется, возразили некоторые, к военному тамошнему начальству и к консулам или даже и к русскому посольству. Для сего Академия обратится с отношением в Главный штаб и Коллегию иностранных дел. Между тем я сделаю записку и посоветуюсь с Кеппеном. Надеюсь, что все пойдет на лад и кончится через две недели, ибо одни только путевые бумаги назади. Ввечеру был у Кеппена; было много народа, кроме Строева. Выпустили глаза, я поневоле покраснел. Я узнал, что Кеппен успел довести до сведения Президента, что у меня мало денег; потому-то и поступили без церемонии. Спасибо ему; расторопен, поблагодарю. Опять виделся с Шегреном. Говорили о том о сем. Виделся с Востоковым⁹, коего не мог еще знать в Академии.

Говорил, что приготовляет Русскую грамматику. В 10 часов, идя домой по Миллионной, у ворот гр. Литта [?] спотыкнулся... с турком. Это был, по-видимому, служитель из свиты Галила, только что прибывшего.

26 [января]. Воскресенье. Был в Казанской и в Католической, а после у кн. Шаховского; просил у меня неотступно статьи (кажется по прошению же) для Газеты против Истории русск[ого] народа; обещался доставить книгу. Опять был у него Пушкин; зайду к нему. По совету и примеру Строева записался на 2 недели в контору чтения, где пропасть журналов русск[их] и иностр[анных]. К удивлению нашел в Вест[нике] Евр[опы] статейку; а в Газете замечания Иякинфа на Болгар¹⁰: первая очень не обстоятельна, а последняя благородная, но не может опровергнуть. Хотелось бы отвечать, но не знаю, что сделаю. А propos в меньшем шкафе Nugent велите переписать весь реестр книг, находящийся в конце оного, и пришлите с первою почтою. Буду их искать в Публичной библиотеке; пороюсь, повыпишу; это будет очень хорошо и полезно. Уведомьте, не присыпал ли брат письма из деревни¹¹. Здоровы ли все. Что мой Костя? Целую вас 100 крат и ручку Ольге Семеновне, Аграфене Михайловне, Петровне, Мих[аила] Иван[овича], Костю, побратима Гришу, Веру. Пишите непременно, не забывайте вашего

Юрия Венелина.

ПБ. 26 янв[аря] 1830.

ОР РГБ. Ф. 231/II. Op. 48. Д. 18. Л. 1.

¹ В оригинале: Мимофеевич.

² П. И. Соколов — непременный секретарь Российской Академии.

³ А. С. Шишков — президент Российской Академии.

⁴ Смирдин Александр Филиппович (1795–1857) — петербургский книгоиздатель.

⁵ Шпраев Александр Сергеевич (ум. 1841) — московский книгопродавец и издатель.

⁶ Булгарин Фаддей Венедиктович (1789–1859) — писатель, журналист.

⁷ Имеется в виду, по-видимому, газета «Северная пчела» (Петербург, 1825–1864), редактором которой в первые годы ее издания был Ф. В. Булгарин.

⁸ Имеется в виду, вероятно, Ф.И.Круг (см. выше письмо Ю. И. Венелина к М. П. Погодину от 22.01.1830).

⁹ Востоков Александр Христофорович (1781–1864) — филолог, член Российской Академии.

¹⁰ Речь идет о рецензиях М. Т. Каченовского и И. Бичурина на т. I «Древних и нынешних болгар» Ю. И. Венелина, опубликованных соответственно в московском журнале «Вестник Европы» (1830, январь–февраль, раздел «Смесь», с. 74–76) и в «Литературной газете» (1830. № 6, с. 44–47).

¹¹ Имеется в виду Иван Иванович Молинар, двоюродный брат Ю. И. Венелина, служивший в это время лекарем в с. Брынь Калужской губернии.

¹² Имеется в виду, наверное, Константин Аксаков — старший сын О. С. и С. Т. Аксаковых.

22

Письмо Ю. И. Венелина к М. П. Погодину (2 февраля 1830 г.)

Михаил Петрович!

Министорное ваше письмо от (de dato) 27 января получить я имел честь гигантскую и имею удовольствие колossalное вам отвечать. Можно быть умному, но не так как вы, умный из умнейших Михаил Петрович! Десять строчек вздору, а о своем здоровье и о здоровье любезнейшего Сергея Тимофеевича, Ольги Семеновны и детей, Аграфены Михайловны, Петровны, Мих[аила] Ивановича ни слова!!!!!!!!!! Какая нелепица! Это невежество, превосходящее всякое вероятие. Вы требовали пять, а я вам послал шесть писем давним давно.

Янв[аря] 27. Понед[ельник]. Diarrhoea... проклятая в три аршина.

28. Вторн[ик]. Расположение духа... хоть чорт все побери,

29. Середа. с болью не управишься;
принимаю, но напрасно.

30. Четверг. Отнес к Кругу его экз[емпляр] Болгар; спрашивал, не имею ли что сказать на его замечания; просил почаше жаловать. Говорил об вас: был у министра, доказывал, что вам несправ-

ведливо отказано жалованье; министр будто сознавался в том и обещал ваше дело исправить, определением жалованья. Намерен еще войти в дело, объясниться с попечителем. Объяснитесь с попечителем, чтобы вас представил как занимающего катедру профессорскую. Дело почти в шляпе; благодарность Кругу хлопотавшему. Впрочем старик просил меня заметить вам свое негодование на ваше выражение «как не стыдно Академии»; он возразил, почему он может¹ зачем Академия не издает Миллера? Во-первых, ибо портфелей его всех не имеет, а только отдельные части, 2го, Миллер описывал много соблазнительных анекдотов, которые не могут быть сообщены публике. Из Академии я пробрался на Англ[ийскую] набережную, взглянуть на залив и осмотреть машинный и чугунный завод Берда, из коего я взял направление по каналу какому-то на Невский решпект, и очутился... у каких-то ворот; спрашиваю «какие?». «Трухмальные!», т. е. Нарвская застава. После обеда писал Записку о нужных бумагах в путешествии.

31 Пятница. Доисывал. После обеда был у кишиневского знакомца, в Институте глухонемых. Преблагородное заведение!! Этот знакомец желал бы завести подобное в Москве, но не знает как. В 7 часов по приглашению явился к Кеппену. Там нашел многих, в прочих Стровя и Шегрена. Уселись порядком... все обращение здесь по такту... ах Золотая Москва!... Спустя полчаса, какой-то старичек спросил громко Кеппена: Што здесь ли Шегрен... А спустя: Ну что приедет ли В[енели]н. Петр Иванович, кончив занятие, представил нас, бродящую братию. Это Языков². Другой звездчатый дал руку, сказав, что имеет ко мне нужду; это Нейкер, председатель какого-то Департамента.

1. Суббота. Носил Записку, просили распространить как можно побольше, обработать. Купил карту Турции и 2 сочинения; особенного о ней нельзя достать.

2 [февраля]. Ныне обедал в Университете у вдовы покойного Лодия³, карпато-rossa заслуженного. Хотелось бы купить Шафарика Историю литературы всех славянских племен, но дорога.. в 600 стр. 17 1/2 рублей.

Я слышал от многих, что на днях Греча, Булгарина и Войкова за брань взяли под караул и посадили на гаубахту почти на целый день. Некоторые находят и ваш разбор Полевого довольно резким; но это люди, не умеющие ценить дело, и по сему не могущие беситься на

неправду. Но вообще все, читавшие Ист[орию] русск[ого] народа, негодуют на череп, из коего она излилась.

В четверг был у Шаховского; еще не выезжает; лица опухоль все еще продолжалась. У Надежды Тимофеевны не был еще, может быть, на днях. Целуйте от меня маменьку, сестрицу, Мих[аила] Ивановича. Целуйте ручку и Ольге Семеновне, да покрепче, хоть прокусите немножко, это тем лучше, тем искреннее; Сергея Тимофеевича. На днях Карташевский уехал в свой округ. Что Костя? Побратим? Эх ты мой побратим! Гриша, Вера, Надя, Оля? Целуйте их. Что Григорыч? Поклон. Гриша здоров.

При сем препровождаю письмо к Директору Архива Колл[егии] пп[остранных] дел. Можете полюбопытствовать, не запечатано. Посоветуйтесь с добрым Сергеем Тимофеевичем, каким образом, способом и манером доставить оное к высокопочтенному хранителю всех редких редкостей мира. Я надеюсь впрочем на то, что вы, как знатоки хода дел, поступите надлежащим образом, способом и манером.

Если увидитесь с папенькой Юрия Милославского, то поцелуйте его в левый глаз... Эту комиссию просила ныне меня доставить в белокаменную одна почтенная дама, у коей... о tempore... один только правый глаз. Я здоров... в три аршина, весел как страшная (или страстная, право не знаю) пятница. Пожалуйста, пишите и попросите приписать и дорогого Сергея Тимофеевича, а именно на другой день presents.

Имею честь, т. е. гигантскую, т. е. аз сам serviteur миниатюрных сочинителей писем или посланий, т. е. эпистол.

Ю. Вен[елин].
Juven.

Петрополь.
2го числа февраля месяца
от Р.Х. 1830 года, а от сочинения
Ист[ории] русск[ого] народ[а] 1ое лето.

OP РГБ. Ф. 231/II. On. 48. Д. 17. Л. 4-5.

¹ Здесь, вероятно, что-то пропущено (не дописано), благодаря чему смысл этой части фразы остается непонятным.

² Вероятно, это — Языков Дмитрий Иванович (1773–1845) — член Российской Академии, ее будущий (с 1835) непременный секретарь.

³ Лодий П. Д. (1764–1829) — декан Петербургского университета, уроженец Карпатской Руси, земляк Ю. И. Венелина.

23

**Письмо Ю. И. Венелина к М. П. Погодину
(10 февраля 1830 г.)**

Петрополь, 10 февр[аля] 1830.

Любезнейший Михаил Петрович!

Вы, может быть, попеняете мне за дурацкое мое письмо, бояться от какого числа; я был сам не свой, нездоров и не доволен. Вы знаете, как я нетерпелив, а здесь надо иметь ангельское терпение вместе с огромным пучком ассигнаций, чтобы было с чем дожидаться или испытывать меру терпения. Впрочем, когда дело должно пойти по формам, то нечего делать, или по крайней мере сесть где-либо да кукорекать.

Рад, что ваше здоровье поправилось. Пишите стоя и более прохаживайтесь, кушайте более Кашинова чем Мяснова, и грудная совсем пройдет. Радуюсь сердечно торжеству нашего общего, доброго Михаила Семеновича (? т. е. нашего доброго Щепкина)¹. Я, читая это известие NB за столиком, захлопал и ушиб руку об угол столика. Спрашиваете про effect [так!], какой произвела ваша рецензия? Quot capita tot sensus. Но вообще утверждают, что вы говорили слишком резко, т. е., соглашаясь на справедливость ваших замечаний, не одобряют тон изложения оных. Удивляются, как мог человек, до сих пор всегда скромный, выступить столь решительно. Полагают, что это бы предоставить Полевому и пзд[ателю] Сев[ерной] Пчелы. Впрочем я еще этого не слышал от всех, ибо иные еще и не читали рецензии, а иные не хотят высказывать своих мнений. Нигде так не скучны на мнения, как в Питере; даже и мнение о супе или о телячьих ножках в соусе произносят деликатно, т. е. не так, как чувствуют. Все внимая politesse, т. е. маскарад. Таким же образом и с настоящими учеными; разговоры о том, о сем, т. е. о ничем, скучны принужденны, бездушны; по крайней мере это мне показалось с первого разу. Несмотря на это вы придерживайтесь разнообразной критики, но не едкой, а веселой, не лаконической, а юмористической, не догматически-важной, но диа-

лектической. Этим вы выиграете очень много. Но вот что здесь ощущительнее в Вестнике — анекдот о министре; говорят, что нет в нем ничего занимательного; утверждают, что это здесь случилось в самом деле с Лобанов[ым] и что в городе умелы рассказать гораздо занимательнее. Не знаю, кто вам сообщил эту статейку. Если Киреевский², то тем хуже вы сделали, ибо он не хорош прозаик. Як.³ мне сказывал, что Лоб[анов] жаловался на вас. Здесь слух носится, что Глинку на две недели, а другие что-то и на Вас распространяют. Это крайне меня огорчает; покажите, что статейка не ваше сочинение, и дело с концом. Другие утверждают, что один только ваш цензор ответствовал. Известите меня, пожалуйста, поскорее, чтобы слухам сделать конец. О Круге я вам уже писал; Шегрен сделал его адъюнктом; зайду к нему опять. У Френа еще не был; к Якинфу два раза ездил в Невский понапрасну, с утра не бывает у себя. Вчера еще попытался, застал, встретил словами: «Я узнал от Шегрена, что Вы здесь и остановились там, то именно к вам собирался». Он в самом деле собирался; он изготоил мне Троесловие, Монголию, Чунгарию и 4^х ханов с надписью «От сочинителя». Я рассыпался в вежливостях; он был очень доволен, вежлив, affable и приятен до чрезвычайности. Единственный в сем роде из всех петропольских ученых! Мы проговорили около 2 часов о Монголии, Китае, Чунгари. Просил извинения за замечания на Болгар, я, напротив, благодарил. Едет с Б. Шиллингом только в Кяту, для собрания дальнейших известий о Монголии и исправления географической карты пограничной Монголии. Сказывал мне, что через Полевого писал к Вам записку; через несколько дней едет в Москву, пробудет сутки; обещался быть у вас; я ему дал ваш адрес. Я не знаю, переменили ли вы квартиру. Известите.

Строева еще держат; бедняк прожился; сказывал, что принужден был занимать у почт[енного?] Круга; и мне предвещает подобную часть. На прошедшей я подал секретарю Академии род требованной от меня Инструкции⁴. Но дело не в том. Пока изготавляются бумаги к местным начальствам посредством сношений с Главным штабом, Министерством иностранных дел и т. д., то Строев, объяснив мне медленность или обыкновенный ход этих дел, сказал мне, что через 5 или 6 недель, не прежде, можно чего ожидать. На масленице и 1ый поста ничем не займутся, говорит он. Соколов⁵ сказал не приходить покамест, что он известит меня. Я не знаю, что делать. Шаховской⁶

еще не выезжает, а то бы мучил его. Впрочем еще подожду, по крайней мере со мною поступили благосклоннее, чем с бедным Стреевым, дав 100 р. Употребил бы время с пользою, но Библиотека заперта для публики, надо будет хлопотать у библиотекарей. На лекциях удастся побывать разве постом. Не боялись ли вы возмутить желчь в Каченовском⁷? Я смеялся над его слабой проницай. Круг то же самое мне заметил, но в виде возражения. Добрый старичек просил Стреева, чтобы вывел из меня, не обиделся ли я его замечаниями. Они довольно занимательны, но в целом ничего не изменяют, точно так же как и замечания Якинфа, которые даже, напротив, подтверждают меня. Однажды после обеда я перелистывал Болгар⁸. Вот тайное признание: со дня на день сильнее убеждаюсь в прочности оснований сей книжонки: с какой стороны критик ни напади, то запутается в другой, так что и не выберется безнаказанно. Я не понимаю, как могла вся эта всячина прийти мне в голову и все в скорое время!! Многие или почти все любуются Болгарами; только академики могут смотреть на юное творение академически; иначе быть не может. Но, друг мой, основа всему не [слово не разборчиво: пыльная?] начитанность, а здравомыслие. Мне кажется, опровергнуть Болгар невозможно; да и на возражения возможные ответы готовы в сочинении, только кратки и неразвиты. Иные смотрят на меня с любопытством как на Леманинского зверя; это меня беспокоит. Я довольно несчастен, ибо ни малейшей капли не чувствую, что значит слава авторства. Помню, что, будучи в Лицее, дал в обществе пощечину своему соученику за то, что превозносил мои латинские гексаметры. Странность характера! К иным боюсь и показываться. Я часто, еще в Москве, смотрел с отвращением на Болгар; не смотря на это бешусь опять на тех, которые порицают, не взвесив беспристрастно все, что она в себе заключает. В этом случае это происходит не от самолюбия, но от негодования за несправедливость или против глупости. В З № Вестника вы писали с подобным же негодованием; это меня утешало.

Скучно до уморы. Пишите, пожалуйста; это будет единственная отрада; пишите, здоровы ли С[ергей] Т[имофеевич] и О[льга] С[еменовна]. Что дети, Костя; попросите извинения от М. Н. Загоскина за шутку. Надежда Тимофеевна немножко простудилась во время поездки во Дворец поглазеть на турецкие чучела. Вы мне писали, что все здо-

ровы, а вон вышло иначе. Н[адежда] Тимофеевна сказала мне, что Сергей Тимофеевич не здоров; что ж вы мне не сказали? Гриша здоров, только зубы немножко.

Драгоценный Сергей Тимофеевич!

Вы извините меня, что я не пишу вам в особых конвертах, по моему мнению, к друзьям, принимающим равное участие, грешно посыпать особенные эпистолы; соединение письма пусть будет символом соединения чувств. Егор Иванович уехал в свой округ. Вчера я был в Малом театре; Величкин развеселил меня. Я очень мало улыбаюсь в Питере. А. А. Шаховской просил вам послать поклон, вам и М[ихаилу] Петровичу. Целую Вас. До свидания, дорогие мои, целуйте от меня ручки, знаете кому. Не забывайте вашего бедняка. Пишите, ради бога, чтобы то нпбо. Скучно мне на чужой стороне и проч.

Ю. Венелин¹.

ОР РГБ. Ф. 231/II. Оп. 48. Д. 18. Л. 4–5.

¹ Щепкин Михаил Семенович (1788–1863) — актер.

² Имеется в виду, вероятно, один из братьев Киреевских: Иван Васильевич (1806–1856) или Петр Васильевич (1808–1856).

³ По-видимому, речь идет о китаеведе Якинфе (Иакинфе) Бичурине (см. выше примечание 5 к письму № 20).

⁴ «Род требованной от меня Инструкции» — проект Инструкции о целях и задачах путешествия в Болгарию, над переработкой которой Ю. И. Венелин трудился по требованию Российской Академии.

⁵ Соколов Петр Иванович — непременный секретарь Российской Академии.

⁶ Шаховской Александр Александрович — член Российской Академии.

⁷ Каченовский Михаил Трофимович (1775–1842) — историк, профессор Московского университета, издатель журнала «Вестник Европы».

⁸ «Болгары» — сочинение Ю. И. Венелина «Древние и нынешние болгаре».

Далее следует приписка Г. П. Погодина: «Возвратясь прежде обыкновенного из Департамента, от ужаснейшей зубной боли, нашел письмо Юрия Иван[ови]ча к вам и вот приписываю. Я здоров всем кроме зубов, но скучаю более прежнего. Целую вас, маминку, Михаила Ив[анови]ча и сестр[ицу]. Будьте здоровы и не забывайте свои письмами, которые только одни для меня утешение. Гр. Погодин».

**Письмо Ю. И. Венелина к М. П. Погодину
(12 февраля 1830 г.)**

Петрополь. 12 февр[аля] 1830.

Тот час принялся за перо по получении вашего письма. Vous avez l'air piqué, т. е. faché, cher Михаил Петрович. Это я заключаю 1^о из букв М. Г. id est Милостивый государь. Это мне не нравится, ибо гневу не должно быть между людьми, искренне уважающими друг друга. Да и возможно нахмурить брови на благонамеренный вздор? (мне хотелось заставить вас улыбнуться). 2^о. Из краткости сего письма. 3^{то}. Из обещания не присыпать больше подобного никогда. 4^{то} из того, что очень церемонияльно кланяется (La cérémonie est un signe, que l'amitié a sessé, сказал один халдейский покойный мудрец. 5^{то}... вот вам диалектика прошедшего века. Стало быть я уже не удостоюсь того, чтоб вы поговорили со мной побольше, по-пространнее. Прошедшее письмо ваше я прочел с 6 или 7 раз. Я вам целый комментарий, а вы мне по-суворовски; ведь вы не Суворов.

Каково грудь ваша?? Побольше каши, поменьше мясища, какого бы то ни было; вместо квасу, ячменную воду с сахаром и немножко клюковного морсу. Я вам это вечно говорил, но вы все-таки не пробовали. Здоровы ли Аксаковы? Добрые люди! Вы не даром их любите. Нет ли письма из Харькова? Taschenbuch für praticsche Aerzte у меня уже было до отъезда; оно в меньшем шкафу. Впрочем это ничего, книга очень интересна; пошлю ее брату¹. Шаффарик через скучнород; посмотрю еще. Попишу и Беттнера. Не можете себе вообразить, сколь много хороших книг о всех предметах вышло в Германии в последние годы; немцы взяли верх над всеми европейцами; более всего медицина и история. Но вот беда – не накупишься всех. Из одних новых сочинений, касательно воспитания юношества как в низших училищах, так и в университетах, можно составить порядочную библиотеку; а у нас ничего!! ни книг, ни юношества. Здесь есть еще лавки, где можно достать за маловажную цену многое полезное; попишу для себя и для вас гостинца, или лучше для нас. Жаль, что мало денег, а то накупил бы пропасть чудес. Слышал, что приехал Перевощиков; жалею, что не знаю его квартиры. Круг скаживал мне, что Государю сделано представление об исправлении

юлианского нашего календаря; посему должно будет, по-видимому, принять григорианский; оно бы отчасти и лучше; это препоручено рассмотреть Академии Наук и предложено будет Синоду на рассмотрение. Кеппен сочиняет историю напитков в России вообще и вино-делия в частности; это хорошо. Сказывал мне, что Круг не очень одобряет рецензии вашей Ист[ории] Полевого, т. е. тона оной. Это ничего. На днях зашел к Булгарину, поглязеть на рожу; первое приветствие «деретесь с Полевым»; не долго у него оставался; просил почаше; но не был с тех пор. Скучает за своим Карловым; к весне опять туда. Ныне обедал у Балутьянского². Выхлопотал, чтобы впустили в Библиотеку. Востоков приписывал книги, покамест съскал только Кранция; выписал кое-что. Удивительно, сочинение его очень редко, пзд. 1519 года; он писал в XV, прекрасно толкует о вандалах, только без порядка и часто с суеверием. Как желалось бы пожить в Библиотеке; вот сокровище!! Вечная хвала бессмертной Екатерине! Третьего дня был на венчании одного глухонемого; было большое собрание; посаженным Лонгинов; жених служит в канцелярии Государевой. Другой из немых, быв у знакомых на моей квартире, разговаривал со мною. Спрашивал, откуда произошли болгаре? Сказывал свое мнения и сомнения; очень согласен с нашим положением. Я его слушал (т. е. глазами на бумаге) с великим удовольствием. Государь Император очень печется о сем благотворительном заведении глухонемых. Хорошо бы и в Москве. Скоро ль шестая? Сделайте ваши замечания на Болгар пообстоятельнее; они вам честь сделают; во втором надо будет отвечать на все это³. Я не знаю еще, какая участь ожидает эту книженку в Германии; это очень любопытно. Впрочем как бы то ни было, начало сделано на Руси, и я этому очень рад: неужели нам вечно быть повторителями чужого. Прочли ли Варягов; напишите, но никому кроме меня; скажу вам почему.

Посоветуйте, беспокоить ли Александра Семеновича; ужели и мне надо будет дарить? Мне Соколов сказал «не приходите, мы известим вас». Подожду, но опять явлюсь. Целую вас, любезный М[ихаил] П[етрович], и вместе и Сергея Тимофеевича; поклон Мих[аилу] Ивановичу, маминке, всем. Пожалуйста, point des ceremonies; un homme raisonnable ne prend jamais un badinage ou betise serieusement.

До свидания

Ю. В.

Р. С. Старый знакомец мой в Институте глухонемых водил меня в Италианский; давали Весталку; пели отменно; сегодня во Французский; между прочим мужа старика [так!]; француз так далеко от Щепкина, как небо от земли или как Питер от Москвы или как Нева от Неглинной. Беда, скоро пост, а блинов и запаху не видишь, а квасу и капли. Других новостей в другой раз. Пишите, почтеннейший, побольше, ведь все равно 40 копеек за 4 или за 400 строк. Мне хочется собрать сведения о всех училищах питерских, числе учеников и проч. Здесь, слышно, скоро откроется новая гимназия. Очень хорошо бы Сергею Тимофеевичу съездить сюда. Зубы у Гриши прошли. Знаете ли, у Пушкина вырос Литературный зуб на 30 и 35^м от рождения! Кусается. Почему ж вы об этом явлении не известили общество московских натуралистов. За урок Каченовскому от лица всех добрых людей благодарю. Нынче я весел, потому и пишу сурьезно; а если буду опять скучен, опять наваракаю вздор; это мой характер; тогда ведь я и на себя смеюсь. Чтобы не осталось белое, так прибавлю, что пишу это в втором утра; здоров так и сяк.

Ю. В.

ОР РГБ. Ф. 231/II. Оп. 48. Д. 17. Л. 6–7.

¹ Двоюродному брату И. И. Молнару.

² Балугьянский Михаил Андреевич (1769–1847) — бывший ректор Петербургского университета, уроженец Карпатской Руси, земляк Ю. И. Венелина.

³ Ю. И. Венелин уже приходит к заключению, что на замечания, высказанные в рецензиях на т. I его «Древних и нынешних болгар», он ответит в будущем т. II данного сочинения.

25

Письмо Ю. И. Венелина к М. П. Погодину (14 февраля 1830 г.)

Петрополь. 14 фев[раля] 1830
ввечеру.

13го надлежало отправить письмо, но ложившись в 3 часа и заснув почти в 5, проспал до 9; встал угрем и почти болен; посыпал

отложил, ибо хотя (от *хочю*) быть у Круга, желал известие и этим умножить. Просидел довольно долго; застал за книгами; все штудирует, вечно с указкою в руках. Вот народ (дайчера), с коего надо брать пример! Это порода образцовая, оригинальная; вот пример русскому юношеству, коего непостоянство меня очень не радует. Я заметил, что наклонность русского характера в большей части своих черт тожественна с французским. Доказательства на это у меня убедительные. Я когда-либо обрисую и тех и других в противоположность немцам; об этом у меня вдруг налетело много мыслей верных алмазных; жаль только, что до сих пор не собрался последовать вашему примеру *писать дневник мыслей*. Однажды только русские могли бы обыграть французов и немцев; это *здравомыслие*; но бог весть когда употребят его с огромной пользою; по крайней мере этому мало научают с большей части русских кафедр, преимущественно в медицине. Вот что родилось или повторилось в моей голове при входе к Кругу. Он сказал мне, что Росс[ийская] Академия просила от Академии наук ее мнения касательно Инструкции или лучше инструкцию, данную Строеву. Надеюсь, что мое дело пойдет скорее, чем Строева. После сего показал мне медаль золотую с славянскою надписью; не все мог прощать, несмотря на то, что буквы целые; но сокращения слов очень странные; двух слов только не мог разобрать; об одном я предложил свою довольно правдоподобную догадку. Он просил меня искать в Молдавии и Валахии княгини Феодосии, коей она поднесена боярином Николаем, великим Дворником, и сообщить ему сведения; он желал бы описать эту медаль 15 века подробно; намерен и срисовать ее и тиснуть. Я снял надпись с нее; покажу. От Круга я отправился по книжным лавкам на толкучем, и ходил часа 4 сряду, и простудился не на шутку. Приобрел Эмиля, *Esprit des Lois* и *Characteres de la Bougere*. Второй мне давно хотелось иметь. Можно бы иметь многое, были бы только деньги. Вечеру принужден был пойти лечиться баню. При входе в парильную от ног до головы закололо иглами и шилами по всему телу, боль ужасная и небывалая; тотчас сделалось дурно; думал, настал последний конец; один офицер облил холодною водою, которой я обыкновенно боюсь; стало проходить; на самой высшей ступени жар с четверть часа казался только приятно-теплым; проспел до нельзя больше, выпарился, возвратился, заснул как убитый, встал слава богу; теперь величаю чрезвычайную пользу русских бань.

Сего дня (14) поутру был в Библиотеке, выписал кое-что; между прочим узнал, что нынешняя Саксония в 16 еще веке именовалась Миссиею, Дрезден Дрезеном и т. д. После был с знакомцем в одном доме, где в прошедшем выписывали Телеграф, Моск[овский] Вестник и Галатею, а ныне один Моск[овский] Вестник. Подобное же случилось, как меня уверяли, в другом доме. Courage, друг мой; только более разнообразия и веселости, но прочной и не слишком политической, и Вест[ник] восторжествует. Трудитесь только, вы возьмете свое; уже и так вам везде отдают ваше; это меня радует; только побольше начитанности, то пусть кто-либо попробует угнаться за вами; это не лесть, а правда; льстить не умею. Жалуются за недоставление шестой части.

Опять записка в 5 строчек! Если бы это была шутка, то я бы не сердился; но как не так, то начинаю досадовать. Ужeli человек с умом не сумеет ничего сказать, кроме 5 строк?? Знаете, что я в простых разговорах не очень велеречив, а часто и не развязен, отчасти из скромности, отчасти, что не люблю противуречить другим, коих по чему-либо уважаю, т. е. соглашаюсь из учтивости (разумеется с незнакомыми) или же по причине незнакомства, не зная, что в лице находится, т. е. если лицо умнее меня или таким его почитаю, то молчу и охотнее слушаю. Зато на бумаге я многоречив; письмо есть разговор; письмо¹ лучше сближает друзей, чем присутственный разговор. В письмах прекрасно излагаются мысли и душевные ощущения, знаете, что я довольно привязан к Москве; скучаю по ней, как любовник по невесте. Ужeli не о чем вам мне сказать? Но если внешнего нет ничего замечательного, то ведь вы живете мысленно; а мысленные явления бывают так часты так скоры. Так по крайней мере пишите об истории, о новых книгах, о литературе; право, в письмах рассуждать хотя немножко так можно. По части истории могут быть какие-либо вопросы; они могли бы и мне привести в башку то, что само собою не влезло бы. Что Степан Петрович? Дети что? Им поклон.

Я делаю свои наблюдения. Русские здесь все темп же русскими какими и в Москве и инде (нижние и средние; а высших бог знает; не очень удавалось взглянуть). У Сленина² два раза спотыкнулся с Пушкиным. Кажется, что из него ввек ничего не будет, кроме юмористического стихотворца. Недавно из Смольного выпускали воссояси;

после экзамена все были обедать или завтракать у Государя; это прекрасно; то же было намедни и со всеми сражавшимися в Турции; было 700 кувертов, по-отечески. Заводится училище для моряков торговых; прекрасно! Кто будет попечителем в Москве?

До свидания, дружок

Ю. В.

ОР РГБ. Ф. 231/II. Оп. 48. Д. 17. Л. 8–9.

¹ Далее следует одно неразборчивое слово.

² Сленин Иван Васильевич (1789–1836) — книгоиздатель и книготорговец в Петербурге.

26

**Письмо Ю. И. Венелина к М. П. Погодину
(22–23 февраля 1830 г.)**

Петрополь. 22 февраля 1830.

Просите писать почаше; а разве вы спрашиваетесь почаше?? Ну хоть бы измаракал восьмушку чем бы ни попало в одну полминуту! Нет, не тут-то бывало. Строев послезавтра, т. е. в понедельник едет, [в] Москву, не кончив ничего. Индекс его на Историю Карамзина он выпросил обратно. Вчера просидел у него до 11 часов вечера; бедный русак. Хочет быть у вас; порасспросите его, расскажет вам всячину. В прошедшее воскресенье обедал у Балугиянского¹; чувствовал, что не нахожусь на своем месте, несмотря на землячество: это меня беспокоит: это не в характере карпатороссов. Оттуда в театр; давали Мельнику и еще какую-то капризную женщину, которую черти превратили из графини в жену сапожника. Величкин, говорят питерский Щепкин, в Сапожнике играл довольно хорошо, но в Мельнике чересчур кривлялся. Это заставило меня вспомнить о натуральности Щепкина; поцелуйте его в подбородок, я вам отдам.

Дело идет довольно медленно; беспокоил Шишкова; говорил, что относился в Министерство постро[анных] дел и к Нессельроде, но не получал ответа; благодарил за билет. Шахматов² говорил, что Ин-

струкция³ начертана и носится по рукам академическим, а там к Президенту. Я принужден постом плясать пасьянс; но вот несчастье, у меня его мало. Я все опасаюсь, чтобы не кончил по-строевски; поневоле прохолодишь порывы к подвигам, как уже и бедный Павел Михайлович⁴.

К большой беде письмо первое от брата; второе от него же, но писал управитель и просто извещает, что брат при смерти; обещался по первой почте уведомить; присылайте же ради бога поскорее, если получите из деревни. Скука и уныние non plus ultra, бросился бы в Неву, если бы не боялся разбить лоб об лед понапрасну. Чтобы забыться, хожу в библиотеку, спжу с 10 до 4 ч. и выписываю что не попадется. На силу добился Иорнанда: одно место из него противу-ставят мне Круг и Каченовский; я все его принимал за сплынный аргумент против моих Болгар и Аттилы; открыл книгу с нетерпением, выписал все огромное место; и что же? Нет ничего вздорнее и слабее этого аргумента. Нет, друг мой, Болгаре стоят как скала; как поблагодарил бы нас обеих [так!] добрый Тунманн⁵! Но Иорнанд еще оправдывает меня; из Приска он выписывает известие, что гуны на *копашне* Аттилы ели *страву* (*Stravam, ut ipsi vocant, supra tumulum ejus in genti commissatione concelebrant*); родимую карпаторусскую и всех почти болгар и сербов и кроатов и чехов *страву*, т. е. пищевые кушанья!! Ныне зашел было к Смирдину; двое спрашивали о ^{в^ой} [?] части и бранили; видно ожидают с нетерпением, жаль, что не мог знать кто таковы. Вообще М[осковский] Вестник, как замечаю, в полном уважении у просвещенных. Признаюсь и я сам с тем же зашел было; не знаю, но любопытно прочесть приговор Азсамам. Какая вялость и бездушие в журналах, ни одной улыбки; даже и юмористика пана Фаддея истощилась. Сейчас получил письмо от дорогого Сергея Тимофеевича; не могу выразить, как оно меня утешило. Нельзя наудивляться удивления достойной деятельности литературной во Франции и Германии. В сей последней составилось общество ученых для перевода на нем[ецкий] всех исторических лучших иностранных книг, а в Париже издают les Historiens des tous les temps et nations в 200 vol., а цена вздор, 45 коп., уже несмотря на бесчисленные Mémoires и другие сочинения]. Guizot⁶ мне не нравится, он полевойствует, но только с умом; он все-таки француз, т. е. superficial; у Tierry⁷ однако есть замашки. Мне хотелось бы иметь

все, что было писано о Греции и Турции. Что Марфа⁸? Пожалуйста, поскорей с этой бабой; она чудесная.

23 февр[аля] 1830.

Ныне поутру был в церкви на Литейной, было много гвардейских солдат — конных; пели как ангелы заунывную — постную; это меня до слез почти тронуло; после зашел в Марьинскую; оттуда шагом по Петэршбурхскому Кузнецкому мосту; зашел в Католическую; другое исповедание другой народ, кажется все да все графы да бароны, между тем как все бедные мещане, мастеровые. Перед Казанским я заметил одни только сани. Ввечеру был у Шаховского⁹, поклонился от Сергея Тимофеевича. Завтра пойду к Шихматову, а там еще к Кругу, Френу, а там на лекции, а там далее. Буде достанет охоты. Хотелось бы в Кронштадт; беда в том, что ленюсь шататься. Охотнее всего идется в библиотеку; там единственно нахожу истинное услаждение. Кеппен говорил, что поспешат с Добровским как только поуладится. Он мне доставил Абуллазия, но не знаю от кого; Френ подписано в предисловии, кажется что от него. Бетигера не нашел, есть Bötticher's Geschichte der Carthagene, nach den Quellen bearbeitet, mit 1. Karte. 1827. 10 Rubel. Впрочем есть много других отличных сочинений, на досуге пересмотрю, опишу и уведомлю; тогда, если заблагорассудится вам, то целуйте всех домашних и Аксаковых. Постараюсь посвятиться о гимназии. Побывайте в Университетской библиотеке и известитесь, есть ли в ней... Уведомьте по первой почте; как не найдутся, то теми здесь воспользуюсь. Целую вас, любезнейший.

Ю. В.

ОР РГБ. Ф. 231/II. Оп. 48. Д. 17. Л. 10–11.

¹ Балугьянский М. А. — см. примечание 2 к письму № 24.

² Князь Ширинский-Шихматов П. А. — см. примечание 1 к письму № 1.

³ Речь идет об «Инструкции», которая при участии Ю. И. Венелина разрабатывалась в Российской Академии и которой он должен был руководствоваться во время путешествия на Балканы (см. № 12).

⁴ Строев П. М. — см. примечание 4 к письму № 20.

⁵ Тумманн Й. — немецкий историк, доказывавший тюрко-татарское происхождение болгар.

⁶ Guizot — Франсуа Гизо (1787–1874) — французский историк и политический деятель.

⁷ Tierry — Огюстен Тьеrrи (1787–1874) — французский историк.

⁸ Марфа — трагедия «Марфа Посадница», над которой работал М. П. Погодин и о которой Ю. И. Венелин неоднократно спрашивается в последующих письмах.

⁹ Князь Шаховский А. А. — см. примечание 12 к письму № 20.

НАЧАЛО ПУТЕШЕСТВИЯ: МОСКВА — ХАРЬКОВ — ОДЕССА

27

Письмо Ю. И. Венелина к М. П. Погодину
(Харьков, 2 мая 1830 г.)

Харьков. Мая 2 дн[я] 1830.

Хотите знать, любезнейший Михаил Петрович, как я доехал до Харькова? Вы, чай, взглянули хотя на минутку, как я, закуря трубку, помчался в моей повозке; на 2-й станции дорога была очень худая и тряская, на другой день я приехал в VII часу вечера в Калугу. Меня кипятка растряслася до нельзя больше, голова болела от толчков, я решился переночевать на станции; ночью появились у меня лихорадочные приступы; на другой день я приехал к брату в Брынь¹ в X часов вечера; я там почти что совсем незамог [так!]; урина у меня была похожа на кровь; принужден был немножко полечиться; прошел вторник, середу и пятницу и оправился. В субботу отправился в путь, ночевал в Козельске, на другой день ночью под Орлом три часа отдохнул, от Орла до Курска дорога чрезвычайно дурная, ехал всю ночь, во вторник прибыл в Курск ввечеру, ночевал и отправился далее; выезжая, просил меня в Курске некто Бистром, молодой человек, взять его с собою до Харькова; он был студентом, говорит он, в Дерпте, а теперь считается кандидатом. Ночью напало на нас двое разбойников, схватились за пристяжные; к счастью их было только двое; я принужден был схватиться [так!] за саблю, один отскочил, а другого Сидор² так толкнул, что пал навзничь; на Сидора напал было один огромными деревянными вилами, но к счастью он выхватил их из рук его. Бросившись далее в путь, на станции догнал нас офицер Украинского уланского полка Коротков, над которым тоже хотели было попытатьсяся. Оттуда мы ехали вместе до Харькова

и прибыли в четверг 1го мая по полудни в VII часу. Ввечеру же я осмотрел город, он довольно изрядный. На другой день был у ректора Дудровича³, болен. Артемовский⁴ принял меня очень ласково; показывал мне подписку на ваши книги, но к сожалению своему заметил, что денег не собрано более трехсот рублей, которые и вручил мне за подпискою. У него оставляю 20 экземпляров Болгар. Каразин⁵ в деревне; я написал к нему письмо; в Харькове посетил его детей; у старшего оставляю тоже 20 Болгар. Может быть еще нынче отправлюсь в дорогу вместе с этим офицером, который едет до Елисаветграда.

Вот вам мое практическое путешествие; но истории душевных ощущений выразить не могу довольно; боюсь того, и сего, и другого; беда в том, что бессонница и отвращение от пищи чрезвычайно усилили чувствительность моих нервов. Не могу ехать по такой стороне весело и хладнокровно, где на всяком шагу готовы зарезать; вот какова русская чернь; а раздражительность моих нервов там, где должно иметь одну только предосторожность, показывает мне явную опасность⁶. Как несчастны люди чувствительные и с Руссовским характером. Во всю дорогу одно чувство дружбы вашей, друзья мои, составляло всю отраду в моих ощущениях. Ах как бы я желал прижать вас к груди моей!! Целую тебя, друг мой М[ихаил] П[етрович]; целую любезного Сергея Тимофеевича, Ольги Семеновны [так!], детей, маминьку вашу, сестрицу, Мих[аила] Иван[овича]. Целую вас стократ, ваш

Юрий Венелин.

P. S. В Курске провел вечер у Астронома; собирается опять в Москву. В сем городе учредилась книжная лавочка для чтения, хозяин Дм[итрий] Иван[ович] Полевой. Везде жалуются от одного конца Русской Вселенной до другого о неохоте народа к чтению. Батюшки мои! Какая везде ящероглазия! Пишите ко мне в Одессу; когда переселились в свой дом, и все что как? Все как? Знать об вас для меня весьма утешительно. Письма Костиньки и Гриши к Каразину (Николаю) я вручил; просили поблагодарить впредь до ответа. Поклон побратиму.

ОР РГБ. Ф. 231/II. Оп. 48. Д. 17. Л. 3.

¹ Село Брынь в Калужской губернии, где двоюродный брат Ю. И. Венелина И. И. Молнар служил лекарем.

² Сидор — слуга Ю. И. Венелина, сопровождавший его во все время путешествия. Из крепостных М. П. Погодина, обещавшего дать ему вольную по возвращении в Москву.

³ Андрей Иванович Дудрович — (1783 — 25 мая 1830) — профессор Харьковского университета, в последние два года жизни — ректор этого университета.

⁴ Петр Петрович Гулак-Артемовский (1790–1865) — историк, писатель, профессор Харьковского университета; в 40-е годы — ректор этого университета.

⁵ Имеется в виду, вероятно, Василий Назарович Каразин (1773–1842) — один из основателей Харьковского университета.

⁶ На л. 3⁹⁶ на полях слева отчеркнуты три строки со словами от «где на всяком шагу...» и кончая «...явную опасность». К этому месту внизу под письмом рукой М. П. Погодина сделана следующая приписка: «Вот когда уже начинает обнаруживаться белая горячка, не оставлявшая и усиливавшаяся по временам до самой смерти».

28

Письмо Ю. И. Венелина к М. П. Погодину (Одесса, 9 мая 1830 г.)

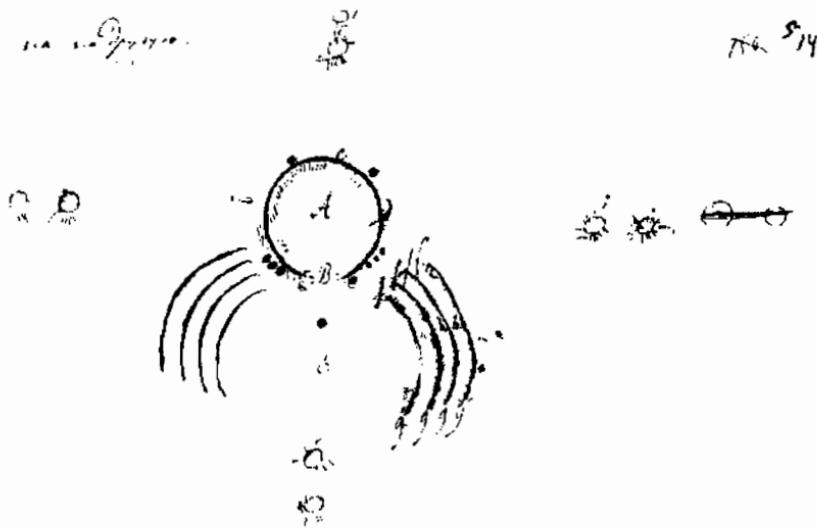
Одесса 9 мая 1830.

Заметив, что много прозевано времени, я решился спешить как можно поскорее; посему несмотря на небольшое дельце, я велел послать за лошадьми. Побывав у детей Каразина¹, пустился в Канцелярию искать Филадельфа; он обещался побывать у меня, и действительно пришел, когда запрягали лошадей. Я ему вручил 20 Болгар, 1 ему самому; сверх сего просил его доставить другие 20 и 1 Артемовскому-Гулаку. В V часов по полудни две наши повозки выдвинулись в дорогу. Офицер уланский дожидался меня в Харькове только в угодность мне, он меня очень полюбил, а я его страх; славный малый — рязанец. Садясь, я простился с молодым Каразиным, вру-

чили ему письмо на имя ваше для доставления на почту; сев на дрожки, перед нами выехал со двора. Едя мимо лавок, мы запаслись чаем и сахаром. Харьков славный город; вы его видели, так нечего вам описывать. Наружность Университета мне очень понравилась, но сам этот рассадник просвещения, говорят, очень слабеет; студентов едва две сте. Между прочим я заметил в городе много домов каменных новоотстроенных. Делать наблюдения не имел ни духу, ни времени; мысль, что не застану главной квартиры за Дунаем, меня вечно тревожила. А для верных наблюдений нужен спокойный дух. При переезде через мост я заметил спешащего на встречу Артемовского; я его узпал издалека и тотчас велел остановиться. Очень обрадовался, что еще мог увидеться со мною. «Сейчас уехал от меня Каразин», — говорил он, — «я узнал от него, что вы еще до захождения сонца [так!] уедете. Еще прежде посыпал к ректору, не знает ли вашей квартиры, но осведомившись от Филадельфа, вот спешу к вам; к счастью, встретившись с вами, прошу принять эту встречу за contre-visite». Любезный человек! При утреннем моем визите он не мог было скрыть своего удивления над моей молодостью. «Я вообразял вас лет в 30, 32, с большими бакенбардами, несмотря на то, что Михаил Петрович сказывал мне, что вы недавно кончили курс, ибо часто есть и студенты пожилые, а вы уже в 1822 кончили курс иностранной». Эту свою ошибку он исправил тем, что оценил меня в 20 не более. Я заметил ему, что он был бы худым авантюристом, ибо я стою 27, на 28 с Юрием. Посмеявшись вместе, я вышел от него, заметив, что у него есть дела. Идя к нему, провожавший меня солдат своротил было его с дороги. Мало бывает дома, а мне не хотелось ходить понапрасну. На мосту просил писать к нему хоть бы две строки. Расцеловавшись и распростиавшись душевно с любезным профессором, мы помчались вихрем. В Малороссии лошади вообще хороши. На первой станции запрягали с полчаса, что было довольно скоро, но, вообразите, у ворот будучи совсем готовыми, просидели слишком четверть часа. Ямщики хохлы; ни одному, ни другому не хотелось ехать вперед. «Поизжай ты Калныш», — кричал мой; «нитты», — отвечал вечно другой. Спор продолжается этими одними словами, и был так смешен, что я не мог удержаться от смеху, но офицер, сначала тоже смеявшийся, наконец вспыхнул (он сидел всегда со мною, а Сидор с его денщиком), велел, грозил то моему,

то своему, но ничто не помогало; наконец Сидор стал кулаком в спину своему, и но без действия, пока сам офицер не слез, не треснув в рожу и не нагнал [так!] сам лошадей в дорогу. На другой день, в субботу, 3го мая мы прибыли в IV часу по полудни в Полтаву, городок хуже всякого русского уездного; пробыли 4 часа пока добились лошадей, 4го в воскресенье прибыли чрез Кременчуг и Днепр в mestечко Крюков, где по неизвестию лошадей должны были переночевать у еврея в трактире. Сидор вел себя довольно хорошо; но при переправе чрез широкий Днепр я заметил, что он нахмурен и часто вздыхает. Снес вещи в комнату на квартире, я спросил его, отчего он не весел? Как можно быть веселым, отвечал, когда тяжко душе; распросив его побольше, я узнал от него, что он опасается, чтобы не ездил со мною понапрасну, т. е. что не дадите ему отпускной. Я уверял его по возможности, что дело кончено и зависит от него самого, и стоит только вести себя хорошо и честно. Он тут захлипал и, наверное, расплакался бы, если бы ему в этом не помешал вошедший офицер, который к его счастью опять вышел. Тут-то мой чичероне бросился мне целовать руки, возлагая всю надежду на меня и обещая самую расторопную служилость. Я его побрианил за недоверчивость к вам. «Нет, Юрий Иванович, я совершенно убежден в добросердечии Михаила Петровича; но ему могут помешать Аграфена Михайловна или Мих[аил] Иванович». Я принужден был употребить самую убедительную диалектику, чтобы уверить и развеселить распространенного человека. По его комплексии я нахожу в нем чрезвычайно чувствительного человека; часто вырываются из него слова, которые выражают душу глубоко чувствующую. Разумеется, такие люди бывают или свирепы или малодушины, т. е. сбиваются к крайности. Он еще и теперь вздыхивает; но это не очень удивительно в человеке, мало бывшем вне Москвы. Сверх сего он опасается моря. Впрочем до сих пор я им доволен. Но вот забавная комедия, любезный Михаил Петрович, чувствительный господин и чувствительный слуга!! Это часто заставляет меня смеяться над самим собою. Из Крюкова утром 5го в понедельник мы прибыли в Елисаветград; доехали ночью, дождь промочил до костей. Решились доночевать в трактире. Пока подорожние к коменданту и на станцию, а там прошло 12; офицера схватила лихорадка, я дал ему три хинных порошков; он мне в память свою бурку и длинные писательские тульские ножницы, а я ему Болгар;

кое-что читал и прибавил, что не всем приятно прозвинит в ушах при чтении. Мы расстались здесь; он в полк, а я на Николаев; прямее дороги почтовой не было; 7го обедал в Николаеве, а 8го в Одессе; остановился в Hotel du Nord. Через час пустился по городу за нюхательным табаком. Зашел в маленькую табачную к греку; завел разговор о болгарах; он их знает, населяют в огромной пропорции всю Румелию; сказывал, что на днях из портового карантина выведено в город до 200 болгарских семейств. Я пустился далее спрашивать об них, но мало знают об них; по городу таскались для закупки анальские пленные турки, отпускаемые домой. В одной лавке я схватил одного болгарина, наблюдающего за чистотою лавки; два года в Одессе, одет по-своему; по-русски не умеет, я пытался с ним кое-как по-болгарски, и дело пошло кое-как на лад. Он сизопольский уроженец, сказывал, что в Румелии *на села-та сидѣя [?]* сички болгаре, а греки *только има на грады-тѣ*, т. е. в селениях одни болгаре, а греки только по городам; много болгар и в Цариграде. Ввечеру кое-как взглянул на город, гавань и поморскую набережную, которая сделала бы честь и петербургской Дворцовой или Английской. Город вообще прелестен. Улицы все широкие и прямые, а в точном выражении все они Невские проспекты. Вид города с Николаевской дороги очарователен; множество судов в гавани Сидору показались сосновою рощею. Две французские книжные лавки, 1 русская, публичная библиотека в Думе на набережной, где и монумент Ришельё. На сей раз не сумею вам описать Одессы; моя голова занята; а Одессу изучать надо; она того стоит. Это в другой раз, а теперь прибавлю только: Харьков Москва Малороссии, а Одесса Петербург; это во всех отношениях. На дороге от Полтавы до Николаева я наблюдал за неисчислимым множеством так называемых *курганов* и *рытых могил*. Они возбудили полное мое внимание; я осмотрел пять или 6 находившиеся поближе от дороги. Странно, что об них мало писали. Это жилища кочевых народов, может быть, татар или же мадяров. Великое множество их в направлении рек Большого и Меньшего Ингула; по этому можно бы заключить на мадяров, которые действительно здесь жили до прихода в Венгрию, что подтверждает и один византиец (кажется, Багрянородный), говоря, что послы ехали к мадярам к реке Ingilis. Я здесь приложу фигуру этих рытых могил и курганов. Они все почти (виденные мною) походят одна на другую:

a,b,c,d,e. Вал, возвышающийся над поверхностью земли от 1 до 2 саженей.

А. Яма в 1 до $1\frac{1}{2}$ и 2 саженей в глубину ниже поверхности земли.

В. Отверстие или вход в яму в половину выше ямы.

Точки. Небольшие ямы в самом валу.

fffffggggg. Небольшие валы, в промежутке коих рвы hh как с одной, так и с другой стороны.

iii. Курганы или правильно круглые возвышения.

Эта правильность рытых могил и курганов меня поразила; везде заметна в них хорошо размеренная симметрия. Поверхность этих валов идет косвенно к поверхности земли; иные из них столь стенобразны, что с достоверностью можно сказать, что эти валы были некогда просто земляными стенами. В А жило семейство аяна или хозяина, над точками или небольшими ямами были колибы или крыши; это людские или даже сторожевые. Между кривыми валами, некогда земляными стенами, находится пространство, в котором можно

было помещать в ненастное и зимнее время как мелкую (овец), так и юную скотину. Те же валы составляли и кладовые или амбары для сохранения как съестного, так и добычи. Вход в эти валы был со стороны главного корпуса. Пространство между валами род большого двора. Курганы суть круглые, искусственные насыпи, на вершине коих стояли сторожевые колбы, из коих можно было взглянуть на большее пространство. Вокруг корпуса валов и курганов сгоняли скот для ночлега. Сторожевые были на курганах для наблюдения за скотом в ночное время, сохранения от нападения хищных как зверей, так и людей. Земечательно, что курганы с обеих сторон в одинаковом расстоянии от корпуса, обыкновенно около 200 шагов или 250, иногда и ближе несколько. 2°. За боковым форпостовым или сторожевым курганом одного корпуса в некотором расстоянии стоит курган другого, а там далее самый другой корпус, а там другой его курган, за коим опять чужой курган, а далее опять корпус и проч. Все это в прямой линии. Иной корпус или так называемая *рытая могила* имеет два боковых кургана один возле другого с обеих сторон в прямой линии с корпусом и противоположными курганами. Кроме боковых, у них есть и (как я начертал) и передовые и задовые курганы (*avant-garde, arrière-garde*); таким же образом и передовые курганы всех корпусов находятся в линии. Итак, корпуса с их курганами в линии составляют цепь, которая иногда простирается на целый десяток верст. 3°. Рытые могилы и курганы поставлены только на таких местах, с коих кругом можно осмотреть большое пространство. 4°. Наконец, в местах, близких к рекам и ручейкам. Обыкновенно какая-либо цепь корпусов тянется по длинному хребту какого-либо возвышения. Очевидно, что отдельные цепи населяемы были отдельным коленом, управляемым одним старшиною. Это довольно ясно намекает нам на коленное правление мадьяров, сохраненное как в летописях, так отчасти и в нынешнем правлении венгров. Означенная фигура снята мною с некоторых корпусов одной только цепи; может быть, что в других цепях есть и другие фигуры. Вообще подобных цепей можно насчитать очень много; стопроцентно только начертать направление всех к течению рек, и вот выйдет карта или план цепей или поселений татар или мадьяров (одно или другое) в юго-восточной России. А это так важно и необходимо для истории России!! Иные корпуса стоят при самой дороге; их ямы служат головорезам самым

удобным местом для засады против проезжающих ночью. В ямах придорожных корпусов иногда находили мертвые тела. В валу одного корпуса немного рылись; мне сказывали, что в нем нашли *гроши*; кажется, в каждом валу корпусном [пропущено — можно?] найти кое-что, и тем объяснить житье-бытье и имя жильцов сих опустелых земляных палат. В малорусском народе нет никакого, кажется, предания об этих жилищах; это доказывает, что они принадлежали ино-племенникам. Малороссы сторожевые курганы называют *могилами*, а корпуса с их боковыми валами, представляющими с ненастоящей точки зрения что-то безобразное, разрытое, *рытыми могилами*. Один молодчик похвастался мне заключением, что рытые могилы суть укрепления против набегов крымских татар! Значительная часть Малороссии и Новороссии совсем *бородавчата* от этих мнимых могил. Если Бог даст здоровье, мне хотелось бы осмотреть несколько дюжин этих корпусов, разрыть и узнать точно ли они мадярские или татарские. Впрочем, если нет подобных памятников архитектуры в других областях обитанных или обитаемых татарами, то можно наперед заключить, что она мадярская.

В нескольких верстах до Боровска я переезжал чрез речку *Нарову*, стало быть и *Нарва* русское слово. *Калуга* названа от *кал*, русское ныне *грязь*. И действительно все пространство от Калуги до втечения Угры в Оку иизменно и грязно; здесь обе реки далеко наводняют окрестности. Калуга, уменьш. *Калужина*, отсюда и *лужа*, *луг*, т. е. грязное, иизменное место. Чрез Угру реку я переправлялся в 11 верстах от Калуги; на противоположном берегу деревня, называемая *Угорские Дворы*, а *угорский* в Венгрии и Моравии значит венгерский. Неужели от Угры угрин нарцательное мадяра? Странно. Должно однако заметить, что русский народ не мог даром прилепить мадярам этого названия. Разве была в России и другая Угра около Волги, но при нашествии татар изглаженная из памяти русских; это могло быть тем более, что и другие имена в России принадлежат некоторым рекам. В 20 верстах от Полтавы переправлялся чрез реку *Олту*, *Ольтву*. Стало быть и Олта в Валахии, *Aluta* по латыни, есть не римское, а русское название. Вот вам кое-что, любезный Михаил Петрович.

Я теперь в Одессе, граф Дубич² в карантине в Тирасполе, граф Воронцов³ поехал к нему, говорят, для свидания. Я в величайшем

недоумении; говорят, войска выходят из-за Дуная. Не знаю куда, как? Поехал бы в Кишинев за болгарином, но обратно на Днестре надо держать карантин. Думаю ехать в Тирасполь к Главнокомандующему и просить наставления касательно обстоятельств, ибо к чему мне пробираться в Бургас тогда, когда все станут оттуда выезжать. Если не застану Главнокомандующего в Тирасполе, то куда мне за них угинаться. Нечего делать, бросимся куда-либо и увидим что Бог даст.

Дружба ваша, друзья мои, согревает мой дух унылый. Пишите и присылайте что можете в Одессу в почтамт, ибо сюда думаю опять воротиться из Тирасполя. Не забывайте меня. Целую вас стократ, друзья мои. Если что меня журит, то если вспомню, что имею в величавой Москве друзей, то легче станет. Вспомните, что и самые боги не могли жить без дружбы. Бывало, собираются они в олимпийском шинке, куда нередко и старый хрыч Юпитер на костылях ходил глазеть на любезные проказы Венеры, точно так как и ныне делают московские бородачи с египетскими чернобровками на Якиманке или на Болоте. Но я вижу, что моему билету не будет конца; беру третий листок, чтобы кончить записочку. Итак, друзья мои, боги тогда только и веселились, т. е. были счастливы, когда были вместе. Как же быть и нам смертным? Попеняйте Надоумке⁴, что не пожаловал проститься; если же не хотел проститься, то не прошу ему и я тем более, что сам обещал быть у меня. Если же хочет прощения, то пусть приготовляет извинительную диссертацию не менее⁵ толстую той, которую писал о том чтобы.

Григорычу поклон, и всем добрым москалям. Вы чай ожидали от меня много славного; погодите пока порасшатаюсь. Ныне порядочно дождливо в Одессе, сделалась клейкая грязь. Я, оставаясь без плаща, который прогоревший насеквозд от трубки спутника отдал на излечения в клинику портного, пишу к вам на просторе в три аршина, ибо так приятно беседовать с вами! До свидания, мой Михаил Петрович, Сергей Тимофеевич! Ручку Ольге Семеновне. Кажется, пора бы писать Академии, но не об чем; разве когда удастся побывать в Тирасполе. До свидания! Пишите, когда будет можно, вашему

Юрюю Венелину.

ОР РГБ. Ф. 231/II. Оп. 48. Д. 17. Л. 12–16.

¹ Речь идет о детях В. Н. Каразина, один из которых (Николай) упоминается в конце предыдущего письма; см. примечание 5 к тому же письму.

² И. И. Дибич-Забалканский — главнокомандующий русской армией в русско-турецкой войне 1828—1829 гг.

³ Воронцов Михаил Семенович (1782—1856) — граф, генерал-губернатор Южного края (Новороссии) и полномочный наместник Бессарабии.

⁴ Надеждин Николай Иванович (1804—1856) — литератор, издатель журнала «Телескоп», профессор Московского университета (с 1831 г.). Надоумка — один из его псевдонимов, встречающийся ниже в письмах Ю. И. Венелина.

⁵ Поверх слов «не менее толстую» надписано «не тоньше».

29

Письмо Ю. И. Венелина к М. П. Погодину (Одесса, 28 мая 1830 г.)

Одесса, 28го мая 1830.

Вы досадуете, что, говорите, начинаете переписку опять упреком, любезнейший Михаил Петрович. Хм!! Да кто же вас просил досадовать? На три мои огромные письма уже слишком 5 недель ни зги от вас не получаю! Я ничуть не досадовал, но бранил явно, решительно; я чувствовал и чувствую, что это справедливо, ибо даже мой La Fleur¹ поддакивал мне: «Да, сударь, да; это ведь непростительно не получать писем». Дурак, как получать, когда не присыпают ничего. Наконец из скуки пошел в театр вчера, сел как прикованный; народу было довольно много; вдруг кто-то закричал довольно громко «Венелин!». Я глядь, Тепляков² с другой стороны кресел ко мне; я поближе, он: «Сосницкий письмо вам из Петербурга». От кого? «Не знаю, но меня просили вручить вам, оно дома». Ныне поутру я явился к нему и прочел с досадою вашу досаду, что ни харьковского, ни одесского, ниже тираспольского моего письма не получали; это право досадно; написать в три недели три письма и быть упрекаемым за месяц. В Калуге я вам написал было и запечатал будучи болен, но не послал, и тем лучше, что, распечатав оное у брата³, нашел в нем вздор (des extravagances sentimentales). Брат здоров, лечит преуспешно; у него

было много горячечных и других тяжких недугов, но ни один не выказал зубов; пошел теперь в моду по уезду. Из Харькова я вам писал, что получил от Артемовского только 300 рублей ассигнатами⁴. Из Одессы 9 страниц, целый комментарий вешни, между коими и о курганах, которые как раз гостинец для новоселья, о котором вы сожалели. Поздравляю с новосельем. Из Тирасполя я писал на имя Сергея Тимофеевича⁵. Итак доскажу вам сказку. На шестой день моего там пребывания кончился карантинный срок фельдмаршалу⁶. Его Сиятельство велел изготавлить мне бумаги на имя Рота⁷ и Киселева⁸ о всяком пособии. Бумаги я получил 21го числа в середу утром, когда Главнокомандующий уезжал в Елисаветград. Я, возвратившись на квартиру, стоявшую [так!] мне вдвое дороже одесского Hôtel du Nord, велел подать лошадей и дал тягу в Одессу. На дороге я своротил, в 30 верст[ах] от Тирасполя, в Страсбург и Мангейм⁹. Мне, как беременной, заалкалось чухонского. Въехал, велел посреди эльзацев остановиться. Спросил по-русски и сям и там, ни зги не поняли, не смотря, что уже 30 лет в Ящероглазии! Есть надежда, что и не поймут во веки веков. Вот доказательство превращения языков. Они едва ли оборотливее малороссов. Haben sie Butter? «Дергачь» (т. е. Der [далее слово неразборчиво]), отвечал мне стоявший у ворот, кивнув подбородком на соседа супротивного; подбородком, ибо не рассудилось ему вытянуть руки из штанов, в коих их согревал. Я далее по указанию Haben sie Butter? Дергачь обратно на поворотливого подбородком. Я полюбопытствовал далее, везде *ништ* (nicht). Вошел к страсбургскому Шульцу; снял шапку, ее и руку в карман, а другую в штаны; наш диалог преисполнен ништами. Выходя на улицу, спросил то же у проходящей эльзаски; она, не отвечав ни слова, взглянула на меня, поправила чепец и захохотала. Я... скав плечами, тоже захохотал, мой La Fleur, заметя, что результат моих ученых изысканий пуст как желудок, тоже захохотал; ямщик-удалец тоже, и с этим тожеством мы поскакали восьмой. Здесь четыре колонии добрых классиков, лежащие рядом в плодородной долине *Кочурган*. На дороге еще проезжали через одну и мимо одной. Здесь зажиточнее, но зато и догадливее. Добыли чухонского, ибо это была гостиница Мангеймская. Мангейм показался мне Хохландию, перед воротами стояло три воза малорусские. «Как ваше село зовут?» «Не кажу паночку». Как не скажешь! «Не кажу пане». Ах ты сук[ин]

сын, как ты смеешь не сказывать, я взбесился и ляпнул бы бедного мужичка, если бы не подоспел ямщик с повозкою, прогуливавший своих коняков. Он мне вдоль и поперек растолковал, что *не кажу* значит *не знаю* или *не умею сказать*. Мой La Fleur был было в большой претензии на *упрямого хохла* за его нехотение. Это были проезжие. А Mannheim у всякого русского имеет свое особое название или никакое. В IV часа я прибыл в Одессу.

На другой день отправился в Овидиополь; сказывали про какую-то болгарскую рукопись; ничего не бывало; паки на другой день возвратился в Одессу, где и по сию пору имею честь жительствовать в ожидании от вас того сего. Между Овидиополем и Одессою 10 немецких сел, или 700 дворов; жажиточны [так!], более образованы и деятельны. В самой Одессе (в Молдаванке предместье) две большие немецкие колонии. В Овидиополе ходил по берегам Днестровского лимана, широкого 9 верст; насупротив виден Аккерман. Мне не верится, будто возле Овидиополя была древняя Никония, полагаемая Стемпковским¹⁰. Овидиополь именем mestechko, а делом простое село с земляною крепостью, жители молдаване и малороссы.

Рад, что все здоровы, а за Верочку поскучайте Мудрому. Жаль что в нынешнее время вывелись те птички вещие, через которые было славяночки посыпали своим любезным весточки и посыпочки на Дунай, на Дунай великий, вложить оные в шлем ратный; то я бы непременно послал ей через них на Москву дюжину апельсинов и таких еще фруктов, от которых, по мнению славянских молодцов, и похорошееешь и выздоровеешь. Теперь же в Одессе водятся одни галки, которые по кофейням щебечут Граїкка. Я сам слава Богу здоров, только мочи нет от жаров, в 30 градусов; через улицу, истаешь как воск. Ныне был с La Fleur в первый раз купаться в море. С адрионопольским¹¹ еще не мог говорить, еще сидит. Граф Воронцов отправился в Киев. Жаль, не знал, а мне хотелось быть еще у него; просил и хотел наделить письмами. Добрый русак. Я познакомился здесь с двумя болгарами купцами; не умеют ничем одолжить. Искал толмача и спутника; отыскался один, прислужник в погребе; 10 лет как в России; жену и детей имеет в Филиппополе; ему желается возвратиться на родину; но беда, не очень учен, толкует чушь, и ухватки не по моему норову; боюсь, [не] бросил бы в дороге, впрочем бывал везде, кроме ада; просит 150 в месяц. Не

знаю, что делать. Пора самая глухая и несносная. La Fleur боится моря, как черт священной воды. Хотел бы прямо в Варну к Роту, но желал и хорошо через Измаил сухим увидеть прибрежные места. Здешний протоперей, Петр Кунецкий, игравший некогда значительную роль в Молдавии, сообщил мне кое-что, переписываю и замечаю. Теперь занимаюсь приуготовительными вещами. Обещали несколько песен болгарских. Собрал слишком 500 болгарских слов, которые в Тирасполе привел в алфавит. Как нарочно, все лишают меня надежды поживиться чем-либо за Дунаем. Сделаю, что возможно сделать человеку любопытному. Собираюсь писать Академии. Ожидает посланика Халила. Тепляков хочет познакомить с Бларамбергом; Стемпковский был здесь; в театре сидел возле меня, по уверению Теплякова. Жаль, не знал и не успел познакомиться. Спрашиваете, окреп ли я духом? Слава Богу, сделался смелее, как перестал пить чай; теперь готов на все; но замечу вам еще перемену: в Москве скучал, в дороге опасался, а теперь тоска или род оной по родине, впрочем не совсем в этом роде. Бывало, будучи моложе, весь мир мог быть моей родиной; где люди и знакомые, там и мой мир. И теперь могу сказать то же, но посреди этой философской мысли невольно появляется какой-то недостаток, какое-то желание; спрашиваю себя, чего мне недостает? Отзываются какая-то сила, которая влечет в какую-то незвестную, неопределенную сторону. Если для означения сего влечения выдумать слово, то оно будет *желание пристроиться, завести гнездо*, а по простому выражению *жениться!!* Пфуй прощасть! Между тем как женитьба мне и на ум не приходила, и не хочу жениться. Это влечение непонятное принадлежит психологической физиологии (и я говорю об нем только en *médecin*), и есть общий закон природы или организма, который издевается иногда и над самым хладнокровным философом. Не подумайте, чтобы это зависело от *пзыва к полу белому*; будь хоть гермафронт или евнух, приходит пора, созреваешь, тут-то без всякой физической нужды, рождается тогда по гнезду [так!], которая сгибает спину самого гордого человека перед этим законом; примером и доказательством этому служит Пушкин, как вы мне извещаете, и всякой другой, кто только женат. Я думал, что певец присягнул на вечную своей музу, а молодец бишь вот как! Дай бог ему! Жаль, что не могу сделать личино моего поздравления его прелестной невесте (говорю прелестной, не видав

ее, ибо всякая невеста сама по себе прелестна). Впрочем куда сунуться к знаменитой поэтисе смиренному и плохому прозаику. Очень, очень жалею, что дорогой кузен ее не избавился совсем своей лихоманки; вот что значит медицинское суеверие. Надеюсь, что и мой Мих[аил] Петрович, вопреки своей застенчивости, изменит Клиш. Говори что хочь [так!], а моему закону повиноваться. В Одессе много баб, но мало хороших; одна только... Академия еще не выдумала и не выдумает слов для описания ее. Народ здесь довольно смугл, от зноя. Как решительно различие в чертах греческих, итал[ианских] и русских!! Здесь много евреев; только что шатаются по улицам. Город мне чрезвычайно нравится. В Одессе слишком 60 000 жителей; он будет красивее Петрополя; нет в нем ни одного деревянного дома, все каменные; архитектура прелестнейшая; кто был в Одессе лет 5, 6 тому, теперь не узнает; улицы Невские проспекты, только что местами в ряду высоку домов есть щербины, т. е. дряхлые низкие; по всем однако улицам множество навезено материала, везде, на всякой улице строят. Здесь и тем приятно, что видите очень редко и мало черного народу (как в Москве), символа бедности и ящероглажства (необразованности); стараются одеваться a la parisienne [так!]. Русский язык господствующий и служит посредником между прочими языками; впрочем наши любезные русские везде обезьянам[и] [?]. О литературе русской здесь мало знают и мало охотников; часто одна книжка выписанная летает по всему городу. Теперь понемногу начинают заохочиваться. Клочков завел здесь недавно русскую книжную лавку и библиотеку для чтения. Сверх сего с некоторого времени наехали сюда на службу воспитанники Московского университета; теперь их здесь человек с 12. Русского и малорусского купечества довольно; русские московские изделия стали здесь иметь вход и сбыт; иностранным торгуют одни евреи. За шейный черный платок я здесь заплатил вдвое дороже против московского. Одесса многим обязана гр. Воронцову. Третьего дня был в театре; птицали довольно приятно, не хуже штерских. Наслушавшись досыта правиуков Цицерона на берегах Сармации, выходишь из театра, взор твой поражается, при ясном лунном сиянии, магическим беспредельным видом Понта Евксинского с его киммерийскими волнами и множеством судов в гавани.

Я решил подождать ваших писем; разве в юне выеду; пишите и присылайте на почту. Буду еще писать из Одессы; живу в Hôtel du

Nord. Целуйте от меня Аксаковых и всех домашних. Сидором до сих доволен, исправен, тих. Целую тебя, друг твой

Юрий Венелин^{*}.

ОР РГБ. Ф. 231/II. Д. 17. Л. 17–18.

¹ La Fleur — одно из прозвищ Сидора, слуги Ю. И. Венелина.

² Тепляков Виктор Григорьевич (1804–1842) — поэт, чиновник по особым поручениям при генерал-губернаторе Новороссийского края.

³ Имеется в виду двоюродный брат Ю. И. Венелина И. И. Молнар, которого Ю. И. Венелин посетил в с. Брынь в апреле 1830 г. по дороге в Харьков.

⁴ Речь идет о деньгах, полученных П. П. Гулак-Артемовским в Харькове по подписке на книги М. П. Погодина.

⁵ Письмо Ю. И. Венелина к С. Т. Аксакову из Тирасполя не известно.

⁶ Фельдмаршал — И. И. Дибич-Забалканский, главнокомандующий русской армией.

⁷ Л. О. Рот — генерал от инфантерии, командующий 5-м пехотным корпусом. Упоминаемое письмо к нему — от 21 мая 1830 г. (№ 18).

⁸ П. Д. Киселев — полномочный председатель диванов княжеств Молдавии и Валахии. Упоминаемое письмо к нему — от 21 мая 1830 г. (№ 17).

⁹ Страсбург, Мангейм — поселения немецких колонистов в Новороссийском крае.

¹⁰ Стемпковский Иван Алексеевич (1789–1892) — исследователь древностей Новороссийского края.

¹¹ Пропущено слово; вероятно, речь идет об архиепископе митрополите Герасиме, находившемся в Одесском карантине.

* Под чертой внизу л. 18 об. приписка: «Что за штуку затеял Смирдин! Спасибо ему». На полях с левой стороны л. 18 об., вероятно, к какому-то месту этой страницы листа, начинаящейся словами «и есть общий закон природы», следующая приписка: «Что человек нового века? Скоро ли с своим подрядом?»

30

**Письмо Ю. И. Венелина к М. П. Погодину
(Одесса 16 июня 1830 г.)**

Одесса. 16го июня 1830.

Вот я к вам опять, любезнейший Михаил Петрович. Судна еще не отыскал, ибо теперь редко поезжают в Варну и обратно. Все слухи и сведения, получаемые мною о Задунае, мало утешительны. Вчера обедал с одним артиллерийским подполковником, третьего дня вышедшими из портового карантинна. Он из Анхала; говорит, все города приморские в Румелии опустели, Сизополь, Анхал, Сливен, Варна, т. е. болгаре и греки из них переселились по сию сторону Дуная. Стало быть мне почти не к чему туда ехать. Войска наши возле Варны лагерем, а Варна почти пуста. Денег в Варну не присылайте, а только в Одессу. За границу бумажек не пропускают. Следственно в Одессе надо их переменять на золото и так посыпать. Вы их адресуйте в почтамт на мое имя, а я дам Осипу Петровичу Куницкому доверенность принять деньги с почтамта, обратить в золото и прислать в Бухарестский почтамт. Впрочем вы то же самое можете сделать и из Москвы, где тоже можно переменить с тою же почты выгодою как и в Одессе, и прямо в Бухарест.

За Дунаем, говорят, опасно; много бродяг, а в Балканах шайки. Как бы то ни было, чем можно скорее, отправлюсь, морем ли сухим и. Не знаю с переводчиком что делать, 150 рубл. в месяц требует; но впрочем я ему не доверяю, а по известиям там останется почти без дела. Я получил на днях несколько болгарских песен. Пишу в Академию¹. Думаю вооружиться здесь в Одессе. Туманского здесь нет; где-то за Дунаем или в Константинополе. Мне даже пришла была мысль в голову прямо в Константинополь. Хильяндарский монастырь опущен турками. Можно предвидеть, что пожинки мои больше будут в Валахии и Молдавии. Вообще же беспокоюсь о том и о другом. Говорят все, и даже самые болгаре, что у болгар нет ничего важного для археолога. Но если что есть, так во внутренностях Македонии. В Валахии болгар довольно много; там есть и некоторые их ученыe. Увидим, что Бог даст; молитесь Богу. Как вы поживаете, любезный друг? Что домашнее? Что дорогие Аксаковы? Что побратим? Целуйте всех и не забывайте вашего

Юрия Венелина.

Сидор здоров, просит кланяться; просит вас, чтобы вы велели его жене писать к нему и присыпать с вашим конвертом.

Он мне вчера очень умно доказывал, отчего у гречанок орлиный нос или даже так горбатый, что можно на нем ехать верхом. Умные его доказательства меня размешали [так!] и несколько прогнали мой сплин.

Уже три дня сряду одесские немцы празднуют юбилей реформации, кирха их ввечеру иллюминирована, много народа сходилось смотреть, после обеда по улицам [так!] кое-где стреляли из пистолетов по здешнему обычаю; а ввечеру с колокольни, где и музыка.

В кругу моих археологических изысканий есть следующие сведения — исторические об одном болгарине, который бывало в Академии читает романы с другим болгарином, Уаром, как издавал в собственной типографии журнал, в коем помещал насмешки на инспектора и эконома, и как он хотел постричься в монахи, и как из монастыря попался в Романею. Впрочем об Уаре или Уваре дальнейших сведений не знаю; спросите об нем у Надоумки²; кажется, что он читал об нем в какой-то древней Четье Минее.

Сюда ожидают Класовского, который будет, как говорят, временно, на место графа.

Делайте что-нибудь важное; скоро ли вашу Марфу³ пустите по людям?

Заставьте Надоумку делать, работать, писать, марать. Он с умом, только приучите его к солидным, а не к метафизическим; это больше химеры, а пользы никакой; а за ним этот порок еще теперь, точно как и за мною был во время оно. Упражняйте Будрина; подаст надежду. Посматривайте за Константином⁴; славная голова, только ленив. Не забыл ли мою проповедь. Что литература? Заставили б и Хомякова⁵ делать дело. Я Теплякову славный сюжет из болгарской истории [дал?]. Прекрасно пишет. Паралль Хомякова. Русский народ ленив, надо понуждать.

Ю. Венелин⁶.

ОР РГБ. Ф. 231/II. Оп. 48. Д. 17. Л. 21–22.

¹ Письмо Ю. И. Венелина непременному секретарю Российской академии П. И. Соколову датировано 22 июня 1830 г. Краткое изложение его содержания см. ниже № 32.

² Надоумка — Н. И. Надеждин.

³ Речь идет о трагедии «Марфа Посадница», над которой в это время работал М. П. Погодин.

⁴ Константин Аксаков — сын С. Т. Аксакова.

⁵ Хомяков Алексей Степанович (1804–1860) — поэт, публицист.

⁶ На полях л. 22 об. по всей его длине приписка: «Что Шевырев? Что Пушкин? Я как в Арабистане ничего не знаю, ни слышу».

31

Письмо Ю. И. Венелина к М. П. Погодину (Одесса, 16 июня 1830 г.)

Одесса. Июня 16. 1830.

Servire e non agrire
Hare in letto et non dormire,
Espettare e non venire
Sono tre sovo da murire.

Вот вам итальянская пословица, любезный Михаил Петрович; я вам ее переведу по-русски¹.

Ожидать писем от вас в продолжение пять недель [так!] понапрасну, и все еще не получать, убивая это драгоценное время в праздности за ничто и по ничему, хуже для меня всякой каторги. Теперь еще прибавить сюда беспокойство и досаду, и вся комедия с концом. Но с вашей стороны это более чем непростительно. Мне уже надлежало быть давно в Варне! Или ужели вы сами не чувствуете, сколь много должно мне дорожить временем тогда, когда войска наши там находятся не надолго? Письмо, присланное через Сосницкого, я не считаю письмом; как можно полагаться на одного газардного человека, коего обстоятельства могли своротить с дороги во все концы вселенные? Разве не было и нету средства вернее и скорее этого? Нет почты, на которую можно было сто раз писать и до Сосницкого и после Сосницкого? Ведь же просил вас писать и присыпать хоть всю Москву на почту, и как после не взбеситься, когда

вы пишете и спрашиваете через газардного человека, куда писать и прсылать деньги! И это-то случайное письмо я получил только случайно; оно бы пролежало у канцелярских чиновников, из коих никто о мне от роду не слышал, и копх я сам не знаю; счастье в том, что там случился Тепляков газардным же образом. Ну если бы и этого не случилось, так я бы не получил и этого письма вопросительного? Между тем как я всякий божий день тащусь понастрасну на почту. Мочи нет более дожидаться! Если бы не заставили дожидаться, так я бы на второй же неделе отправился из Одессы морем; а вы на целый месяц мне рукп за спину, т. е. с 19 апреля по 16 июня ип эти. Как не раздосадоваться? Не стану более дожидаться, прискиваю судно. Если деньги и письмо ваше меня не застанет, тем хуже для меня. Или же опять из Одессы сям и там за Дунаем дожидаться по целым месяцам? Если же вы послали в Одессу до получения этого письма, так уже я должен об этом распорядиться с почтамтом и с одесским протопереем Петром Семеновичем Куницким. Если еще не посылали, так присылайте в Бухарестский почтамт, а мне другим письмом тот час же дайте знать в Варну, в канцелярию генерала Рота или почтамт. Впрочем можете адресовать несколько денег и в Варну (небольшую долю).

Кланяйтесь и целуйте Аксаковых и домашних; теперь я не в духе и не могу писать никаких новостей. Здесь ожидают Класовского, а граф уехал в Севастополь. Я, слава Богу, порядочно здоров. До свидания, Михаил Петрович; простите моей досаде, она довольно справедлива.

Ю. Венелин.

P. S. Сидор здоров, тих и ведет себя хорошо; до сих пор я им доволен. Некоторые книги и вещи оставлю в Одессе у протоперея Петр. Семен. Куницкого. При отъезде напишу к вам еще записочку. Прощайте.

ОР РГБ. Ф. 231/II. Оп. 48. Д. 17. Л. 19–20.

¹ Перевод на русский язык приведенного четверостишия в письме отсутствует.

32

Письмо Ю. И. Венелина
непременному секретарю
Российской академии П. И. Соколову
(Одесса, 22 июня 1830 г.)

Ваше Превосходительство!

Отправившись 13 марта из Петербурга, 17го я прибыл в Москву; намерение мое было пробыть здесь не более двух недель, нужных для приготовления себя в долгий и долговременный путь. Но обстоятельства, ненастная погода, разлив рек и, к большему несчастью, простудная лихорадка удержали меня более предположенного времени, так что не ранее половины апреля мог выбраться в дорогу^{*}. В Харькове услышал я, что Главная квартира Второй армии в непродолжительном времени оставит Бургас и переведена будет в пределы Империи, но куда, не мог узнать. Я предположил было сперва воспользоваться присутствием войск наших за Дунаем и немедленно туда отправиться. От Харькова до Одессы я ехал с великим беспокойством, услышав, что российские войска в разных направлениях, на Севастополь, Сатуново и Парканы переходят в Россию и что Главная квартира оставила Бургас еще 20го числа апреля. Следственно, как бы я ни ехал поспешно, не мог бы застать ее на месте. Томимый сего неизвестностью, я приехал в Одессу 8го мая. Здесь я принужден был осведомляться как о Главной квартире, так и о том, все ли войска оставят Задунай. К несчастью, сведения, полученные мною от нескольких, был[и] неопределительны и отчасти противоречави, что еще больше увеличили мое недоумение. В сем положении и неизвестности я пробыл в Одессе почти целую неделю. Впрочем на всякий случай я решился подстеречь Главнокомандующего¹ на карантинной линии и для вернейшего успеха вознамерился подождать возвращения в Одессу Новороссийского г. генерал-губернатора². Его Сиятельству

* Слова «так что не ранее половины апреля мог выбраться в дорогу» написаны вместо частично зачеркнутых фраз: «Я пролежал всю неделю Светлого Воскресения, так что не ранее половины апреля, почти не выздоровев совершенно, пустился в дорогу. Следствием чего было то, что в Калужской губернии принужден был остановиться на три дня».

угодно было снабдить меня верными сведениями, вследствие которых я немедленно отправился в Тирасполь, где Главнокомандующему угодно было выдерживать карантинный срок. Фельдмаршал снабдил меня отношениями на имя г. генералов Рота и Киселева, которые я имел честь получить 21го мая³. 22го я возвратился в Одессу. Зная, что корпус генерала Рота останется за Дунаем до зимы, я вознамерился отправиться прямо в Варну.

Желая запастись некоторыми предуготовительными сведениями, я старался познакомиться со всеми лицами, которые могли иметь сведения, относящиеся к цели моего путешествия, преимущественно же с купеческими в Одессе болгарами. Как план моего действования весьма обширен, то я принужден обращать внимание на всякие, даже мелкие, и разнородные замечания, которые могли бы мне служить указаниями. Узнав между прочим от одного болгарина, что в Овидиополе есть болгарская историческая рукопись, 26 мая я отправился туда, во-первых, для приобретения книги, кроме сего, для осмотра овидиопольских окрестностей, в коих стояла, по мнению нек[оторых] учен[ых], древняя Никония. Но к великому моему неудовольствию там узнал, что книга и лицо, ею владеющее, ныне находятся в Николаеве^{**}. 2го *** я возвратился обратно в Одессу, где, до принятия лучшего пути в Варну, я приводил на бумагу и в порядок собранные мною сведения. Между прочим упомяну об ученом одесском протоиерее, Петре Семеновиче Кунцком, находившемся при покойном экзархе Молдавии и Валахии Гаврииле. Его Высоко-преподобию угодно было указать мне на некоторые древние славянские рукописи и грамоты в монастырях Молдавии и сообщить мне автентические статьи о состоянии духовенства и пархии в Молдавии

^{*} Далее следует зачеркнутый текст: «в коей, по его уверению, рассказываетя, как воевали болгаре с греками и как син последние платили им дань и как царь Святослав с греками на Дристре [? неясно] и проч. Мое нетерпение превышало мое любопытство увидеть это сочинение, и я».

^{**} Далее следует зачеркнутое: «и что эта книга напечатана, но не в России».

^{***} В рукописи не ясно, исправлена ли цифра 7 на 8 или наоборот. Дата 27 мая следует из письма Ю. И. Венелина к М. П. Погодину от 28 мая 1830 г. (см. здесь № 29).

и Валахии в исходе прошедшего и нынешнего столетий*. Между тем я вознамерился представиться преосвященному Герасиму, Адрианопольскому митрополиту, но надлежало подождать, по[ка] Его Преосвященство кончит срок в портовом карантине.

Между тем надлежало думать и об отъезде; мне хотелось было сухим путем, чтобы тем вместе осмотреть устье Дуная и морские берега Болгарии, как вдруг заговорили, будто почти снята [почта]. Сведения на счет приморской дороги отчасти противуречали, но согласны в неудобности ехать, ибо заводиться надо собственным экипажем и лошадьми; вообще никто не советовал ехать сухим путем. Итак я решился дожидаться судна, отправляющегося в Варну, куда теперь ездят довольно редко. В продолжение сего времени я поддерживал знакомство с болгарами; собрал слишком 700 коренных болгарских слов, которые в свободные часы приводил в алфавитический порядок. Первое основание Болгарского словаря! Сверх сего собрал 17 болгарских народных песен с довольно большим трудом, ибо надлежало в жаркую пору ходить за песнею и за другою часто в противоположные концы города, да и то по несколько раз напрасно по разным причинам. Нечего было делать, ибо если не потеть, так и песен не петь. И тем умножилось мое собрание до 40 слишком. Мне хочется поскорее иметь большое собрание их песен потому именно, чтобы их поверять на всяком месте, и поверкой только можно их очистить, исправить, пополнить, ибо если что-либо один диктовщик выпустил, то заменит другой. Замечательно, что в болгарских песнях не только одни романсы и романы, но народные предания, исторические воспоминания, героические события, отчасти мифология и суеверие, т. е. вся душа народа. Я старался выучить несколько арий; из них имеют что-то унылое, трогательное; иные *adagio*, иные *allegro*; собственно веселой еще ни одной не слышал.

Все сведения, относящиеся до успеха в моей цели в стране Задунайской, не очень утешительны. Недавно прибыло в Одессу довольно число офицеров Главной квартиры. Все единогласно утверждают, что все за Дунаем пусто, ни одной деревни, ни одного домика на ногах, жители турецкие еще прежде ушли за турецкими войсками,

* Слова «исходе прошедшего и нынешнего столетий» написаны поверх зачеркнутых «первом десятилетии XIX века».

а христианские ныне за российскими. Они поселяются в Буджаке, Браиловской Рае, Молдавии и Валахии. Они еще и теперь еще тянутся длинными обозами, а другие тысячами досиживают срок карантинный. Во время приезда моего в Одессу вышло из портового карантина слишком 300 семейств сизопольских и анхиальских выходцев; другие им предшествовали, а другие последуют. Ямбол, Сливен и другие города Румелии совсем пусты. В самой Варне жителей осталось немного со времени болезненного состояния сего города. На днях вышел из карантина и митрополит Адрианопольский, Герасим. Я несколько раз побеспокоил Его Высокопреосвященство. Сему ученному мужу угодно было сообщить мне сведения о настоящем положении его епархии, прощающейся от Сливна, Ямбала и Карнобата до самого Люле-Бургаса. Во всей моей епархии, говорил он, вы не найдете почти ничего; все христианские обыватели оной разбрелись несмотря на объявление султанской амнистии. В археологическом же отношении важнее для вас была бы Филиппопольская епархия и вся глушь Македонская. Впрочем все что сохранено временем, увезено в болгарские монастыри, находящиеся на Афонской Горе: Хиляндарский, Зографский и некоторые другие, в которых, по уверению сего высокопочтенного мужа, есть древние болгарские книги, писанные на пергамине. Впрочем теперь ехать туда не советовал никому, пока все не утихнет. Турецкое правительство в скучном состоянии своей казны возложило на купечество свое новые небывалые доселе пошлины, а землевладельцев тяжкими податями. Сверх сего прекрасенный вывоз хлеба для правительства из Молдавии и Валахии пал ныне на жителей внутренних областей, большую частью болгар, так что выжимаются от них не только деньги, но и кусок хлеба. К сему прибавить можно месть турок против болгар за попытку к восстанию. По сим причинам эмиграция сделалась бы всеобщею, но турецкое правительство принимает меры для удержания жителей. Несмотря на это, побеги частные продолжаются если не в другие области, то в ущелья гор, и тем образуются разбойничьи шайки. В нынешнем положении даже султанский фирман доставлял бы мало безопасности обыкновенному путешественнику во внутренности турецких областей, но еще опаснее для археолога, который ходил бы по дяурам [так!],

* Далее следуют зачеркнутые слова «пособие русским».

разговаривая с ними то и другое (т. е.ща рукописей и книг), ибо в глазах чрезвычайно недоверчивой турецкой черни поневоле показаться можно возмутителем, возбудителем к побегу, шпионом и проч. Иные новопрежние уверяют, что в иных местах даже сильные распри между християнами и турками. При сих мало утешительных известиях и некотором движении предметов желания, в котором поневоле всяк пришел бы в недоумение и нерешительность, есть то утешение, что если что было в стране, занимаемой християнами за Дунаем, то перешло с болгарским духовенством и народом на новые жилища. Вообще же открытia могут быть успешнее с помощью самих болгарских знатоков или ученых, которые, по уверению разных лиц, во всякое время выходили из-за Дуная и находятся по разным городам Бессарабии, Молдавии, Валахии, даже в Германштадте и Вене, а в самом Петрополе отец Анатолий, о коем я узнал только в Одессе. Теперь несмотря ни на какие известия отправляюсь в Варну, может быть действительно местные обстоятельства уменьшат круг моих изысканий за Дунаем, но об успехе буду иметь честь донести Имп[ераторской] Российской Академии. Деятельность моя будет в том, чтобы нельзя было сделать самому себе упрека; мне предлежит, как вижу, пожинок на ниве после бури и града, и ветра, где гады и пернаты.

Я писал¹

ОР РГБ. Ф. 49. Папка V. Д. 148. Л. 5–6.
Черновое.

¹ И. И. Дибич-Забалканский (см. примечание 2 к письму № 28).

* На этом тексте письма обрывается. В протоколе заседания Российской академии от 12 июля 1830 г. имеется следующая запись, из которой следует, что беловой текст приведенного здесь незаконченного письма был датирован 22 июня 1830 г.: «Секретарь читал письмо, полученное им от Юрия Венелина из Одессы, от 22 июня 1830 года, в коем уведомляет, 1) что он собрал более 700 болгарских коренных слов, которые в свободные часы приводил в порядок, и тем положил начало составлению Болгарского словаря. Сверх сего списал семь болгарских песен; и 2) что он, невзирая на великие затруднения, отправляется за Дунай и об успехе своего путешествия не преминет уведомить Императорскую Российскую Академию» (ПФ ААН. Ф. 8. Оп. 1. Д. 35. Л. 82).

² М. С. Воронцов.

³ Письма И. И. Дибича-Забалканского к генералу Л. О. Роту и полномочному председателю диванов Молдавии и Валахии П. Д. Киселеву (см. № 16 и № 17).

33

**Письмо Ю. И. Венелина к М. П. Погодину
(Одесса, 26 июня 1830 г.)**

Одесса. 26 июня [1830].

Итак, любезный Михаил Петрович, пробыв 6 недель в Одессе, я не удостоился ни одного вашего ординарного письменица. Сейчас с прискорбием поезжаю на судно. Не знаю, живы ли вы. Ожидал понапрасну. Еду в Варну. Бог знает, что будет. Деньги присылайте в Бухарест. На случай я дал доверенность Оспипу Петровичу Куницкому, если вы их послали в Одессу, взять с почты, превратить в золото и прислать мне в Бухарест. Я собрал 700 слов болгар[ских] и 17 песен. Буду вам писать откуда-либо. Спешу на судно. Я отчаялся в ваших письмах, которые для меня первою необходимостью в моем странствии. Прощайте. Мой поклон добрым Аксаковым. Просить вас не стану, чтобы вы меня не забывали, ибо уже забыли. Желаю вам сердечно всякого благополучия. Ваш скорбящий

Юрий Венелин.

ОР РГБ. Ф. 231/II. Оп. 48. Д. 17. Л. 23.

ПИСЬМА С БАЛКАН: ВАРНА — СИЛИСТРА — БУХАРЕСТ

34

**Записка Ю. И. Венелина к М. П. Погодину
(Варна, 22 июля 1830 г.)¹**

Вот вам эпистола чрез нашего москвича². Пишу, сидя на улице склавши ноги по-турецки, в минуту самого выезда из Варны. Примите подателя как меня. Я здоров, еду в Исакчи и Силистрию. Сидор здоров. Не забывайте ваш[его] Юр. Венелина.

*ОР РГБ. Ф. 231/II. Оп. 50. Д. 9. Л. 2.
Карандаш.*

¹ Датируется на основании слов Ю. И. Венелина, что 22 июля он из Варны отправился в Каварну (см. ниже письмо № 35).

² «Наш москвич» — неустановленное лицо.

35

**Письмо Ю. И. Венелина к М. П. Погодину
(Силистра, 20 августа 1830 г.)**

Ad Gloriam Dei.

Любезный Михаил Петрович!

Вот вам, любезные друзья, небольшой комментарий о моем прошедшествии (авантюриер). 26 июня в вечеру я оставил мой Hôtel du Nord, отправился в практическую пристань, чтобы сесть на судно. Не

пропустили, пбо было уже после битой зори. Я переночевал в комнатах дежурного; это был грек. Я просил его, чтобы чуть свет уведомил шхипера (тоже грека) обо мне, а меня в то же время разбудил. Он сделал мне услугу тем, что шхипера отпустил в 5, а меня разбудил в $6\frac{1}{2}$! Когда судно снялось с якоря и проплыло за брандвахту, т. е. в воды чумные. Словом, едва было не оставил меня мой греченок, с исписанными по всем местам пашпортаами, в Одессе. Никогда не забуду этого дня. Тут-то я узнал черту греческого характера. Мы плыли по Черному морю вдоль и поперек круглую неделю. 4го июля в 12 часов бросили якорь в виду Варны. Мой *Дурнограй* (Сидор) сначала опасался морской как бес святой. Чтобы отвратить тошноту и рвоту от суденного качания, я взял в Одессе пластырь для обепх наших особ. В 4 часа, прежде прибрывшись и приблилизнувшись, я катнул со шхипером к берегу. Побродив по узким, кривым, душным, худо вымощенным улицам Варны, через часа два сели опять на катер и причалили к судну. Я издалека приметил моего Дурнограя, облокотившего об борд и пристально всматривающегося в вид Варны. Я застал его не в очень хорошем расположении духа; допскиваясь причиной и узнаю, что он от роду не видел столь глупецкого виду. На другой день я опять в город с бумагами. Ген. Рот принял меня довольно ласково; велено тотчас отвести мне квартиру. Квартира пустых было много, но все без окошек. Стекла в Турции не знают; на место оного загораживают окошки деревянными решетками. Жителей в Варне очень мало, да и то всякий сброд, большую частью выголодалый. Наше начальство поступало великодушно; помогало народу чем могло, сухарями etc.

Я просил, чтобы меня поселили с болгарами, чтобы более к ним привыкнуть и к их языку. К вечеру я отправился на судно за Дурнограем и всею, ему подведомственную, командою. В Варне извозчиков нет; тяжести, выгруживаемые с судов, разносят по городу наемные турки; их довольно много зевает у пристани. Как только мы причалили, тотчас вызвался один османец и за десятка три копеек предложил свою спину. Я дал знак Доброго [так!] перегруживать с катера на спину чалмоносца; опять повторил; ничего; крикнул; ничего. Да и хотя бы подал сигнал конгравовою ракетою, мой Дурнограй едва ли пришел бы в себя, столь сильно зазевал его вид турок, коих он в первый раз имел честь видеть в натуре.

Прибыв на квартиру, после нескольких блуждений, я расположился отдохнуть на единственной мебели, довольно узкой лавице. Это внутренняя; переднюю занимали хозяева: болгарин *Булчо*, жена его молодая и очень милоликая, *Гина*, 9^{ти} летняя их дочь *Веръба* и 5 лет сын *Маринко*. Житье в Варне было бы очень скучное; к счастью венгерские словене в тот же день поселились на дворе и под монми оконками с своими повозками и товарами (и в России они шатаются под именем венгерцев). Они очень разговорчивы, велеречивы; очень часто поигрывали на своих органах, когда тащили с собою. На звук венских вальсов стекался на мой двор всяческий народ и торговля производилась понемножку.

На другой же день я приступил к ученым розыскам. Это было воскресение. Хотел познакомиться с митрополитом и духовенством. В 7 часов утра отправился к обедне; мне сказали, что уже отошла. Однако я решился посетить все три варнские монастыри. В первом сказали, что митрополит со всем своим клиром дал тягу в Крым и что всеми монастырями заведывает один только *папас*, живущий в Митрополии. Я просил провести меня к папасу; не застал дома. Отворили митрополитанскую церковь; вошел, чуть кое-что разглядел в темноте. Выходя из церкви, так ушиб голову об соборную крышу, что звезды из глаз посыпались градом. Папаса я встретил на улице; воротился в его келью, прежде митрополитскую, столь же обширную, примерно сказать, как козака Ильина. Я спросил его о рукописях, об архперейском архиве. Он не понял ни того, ни другого. После объяснения сказал, что у митрополитов никогда не бывает никаких бумаг и писцов и что только одни москвитяне (русские) заводят такие дома (канцелярии), где вечно пишут. Я опять чрез толмача: не имеют ли монастыри дарованных им патриархами грамот? И не может ли он мне их доставить, какие бы они ни были, и мне уступить за деньги? Ответ утвердительный. Я обрадовался. И вот что вышло. Мой папас дня через два предлагает мне греческую азбуку печатную. Развязка: он думал, что я хочу учиться греческой грамоте. Он ли это смыслил или переводчик, не знаю. Это меня научило, что в Турции к духовенству нечего обращаться. После сего я пустился приискывать грамотного болгарина; ни одного не нашел. У многих спрашивал про рукописные книги, не знает ли кто у кого. Сначала один обрадовал меня тремя; приносит. Что же? Три разные его билета от русских

начальств. Он был прав, ибо книга на болгарском просторечии значит *свиток бумаги, рукописная книга*, т. е. исписанная бумага. Представить себе не можете, какие трудности должно прежде преодолеть, пока им объяснишь то, чего спрашиваешь. Для этого и грамотный недостаточен, ибо редкий доучился до того, чтобы тебя понял: всякому надо объяснить дело от начала до конца. Один грек (лавочник), который мне показался несколько смысленным и коего я принял было за болгарина, отвечал мне: «Ну, если уже так дорожишь этими рукописями, так неужели не умеешь наделать их себе сам!» Впрочем вообще вся Восточная Болгария чрезвычайно пуста для археолога; в ней-то меньше всех жило болгар, конь главные силы за Балканами. Ехать туда, по плану Инструкции, невозможно было, ибо для сего надлежало сноситься с турецким правительством, что главнокомандующий препоручил ген. Роту. Но как скоро намеревались оставить Варну, то времени для истребования фиরмана недоставало. Кроме сего, по уверению адринопольского митрополита, я там ничего не мог надеяться; наконец жители (болгаре) переселились гуртом в Валахию и Молдавию. Конечно, если бог даст здоровья, я их там отыщу. Итак не осталось более делать ничего, кроме довольствоваться тем куском, который еще занят нашими войсками. Посему в Варне заблаговременно стал собирать некоторые народописные и языкоописные сведения о болгарах. С хозяевами я скоро очень свык. К счастью хозяйка довольно щебетливая женщина. Оба родом из-под Шумна. Говорят не очень чистым болгарским наречием, более привыкли к турецкому. Насилу мог я им вдолбить в голову, что между собою болгарам грех говорить по-турецки [так!]. В короткое время я так приучился по-болгарски, что разговариваю уже без переводчика; только трудно их приучить, чтобы говорили со мною чисто по своему; а то вечно ломают русский. Хозяин весь в опухолях в продолжение двух лет. Бедное семейство; проелись, а сам заработать не в силах. Я взялся вылечить его; только за лекарством надлежало ездить 8 верст за город; привез, это ему много пособило. Меня хвалила [хозяйка] всем своим бол гаркам, что я *твърдъ хубавъ бояринъ*. Дурнограю вечно приказывала: *Собери ризы, да я азъ пере* (белье). От них и от других болгар я узнал многое кое-чего полезное и собрал несколько песен. В гостинец между прочим скажу то, что *Переяславль*, столица болгарских царей, где царевал два года Святослав,

ныне Эски-Стамбул у подошвы Балканов. Это важно. Там и теперь развалины. Предание о Разграде или Радище-Граде. Болгаре не принимают календарных греческих имен, все у них народные. И теперь еще между ними найдешь сотни Боянов, Горданов, Теланов (!!) с их уменьшительными. Еще больше Вам скажу: мне попал на глаза один молодой болгарин именем *Тило* (уменьш. от *Тилан*). Знаешь, друг мой, что это имя для меня щекотливо. Я порасспросил его подробнее об этом имени. Он меня уверял, что он[о] чисто болгарское, что им зовут больше в молодости, а в старости лучше *Тилан*; что греки портят их имена. Как? «Я служил в лавке у одного грека в Филиппополе; он и его семейство меня вечно называли, бог знает почему, *Атилою* (!!)». Я спросил: не портят [л]и других имен? «Почти так же обходятся и с другими, и грек охотнее назовет тебя *Абойо* вместо *Бойо* (Боянъ). Любят *акать*». Et cetera alia bona. Слава Богу! Я, будучи в Москве, опасался еще кое-чего, несмотря на всю основательность I тома¹. Слава Богу! Ученые наше, друг мой, оправдывается зело. И в других отношениях россиян болгар чересчур выказываеться. Я видел в Варне с полдюжины болгарок из [в оригинале: и за] Адрианополя и окрестностей Месемврии: точь в точь, т. е. до нитки, одеты как в восточной подмосковной и рязанки. Возьми, дружище, бутылку донского, поезжай к любезному Сергею Тимофеевичу, выпейте на радость по бокалу, и дай отведать и тем, коим по вкусу наше русское учение.

Наконец мне надлежало думать об отъезде. Корп[усной] командир поздравил войска с походом к 15 августа. Мне надлежало заблаговременно. Еще прожив под Варной несколько веселых дней с соучениками, 22 июля взял лошадей, отправился в Каварну. Бедные хозяева разрыдались при отъезде; и даже турок, от коего купил пистолеты, выпив стакан запрещенного соку, со вздохом сказал: *пекъ Бояръ, хорошиъ Московъ* (добрый россиянин) и вслед за мною возопил: *да сделаетъ Алла дни твои мягки, какъ ковры забыл какие*. До 26го я проехал через Мангалию, Кюстенджи в Бабадаг. Там нашел я довольноное число болгар, большею частью разградских, и только одного грамотея, который помощником при одном чиновнике. Он мне наговорил об одной исторической рукописи², которая будто увезена попом *Иван-чо* в Силистрю. Пораспросив, поразведав почти понапрасну и поездив по окрестностям, 3го августа отправился в Гирсов, где перепра-

вился через Дунай в Валахию, ибо почта от Гирсова через Рассову на Силистрию снята, а верхом уложиться было не так легко. 4го пробыл в Пиапштрском карантине; 5го отправился по тракту на Слободзею; ввечеру прибыл на станцию Злату. В этот день я стал себя чувствовать очень дурно; чрезмерная жажды, тошнота, головная боль и ломота по всему телу. 6го прибыл в Силистрию и поселился у одного старого молдована. К вечеру решительно слег; сильные горячечные припадки, сопровождаемые самым беспокойным бредом, сделали увертюру болезни. Я лежал без памяти. Дурнограй перепугался. К счастью в городе один трансильванец содержит вольную аптеку, в коеи можно иметь почти все. Я еще днем забрел туда, взял лекарство, которое диктовали мне мои ощущения. К утру я несколько опомнился; принял за лекарство. Всякое утро, приходя в себя, прописывал себе карандашом лекарства. Судя по страданию, я не думал пережить этой болезни. Сидор охал и наконец стал спрашивать, что ему делать, если я умру. Я старался поскорее сбить горячку на лихорадку. Это было короче всех путей. Насилу на седьмой день я почувствовал ознобец, к вечеру пот полился градом. На 10 день жар стал совсем исчезать и оставил за собою одну сильную слабость. Теперь вижу, что поступил с собою геройски; в портерных бутылках заключались мои микстуры, не говоря о порошках. Но опять беда, я еще не успел собрать столько сил, чтоб подняться на ноги, Сидор свалился, свои фарсы он начал сильным лихорадочным пароксизмом, который перешел в кровавый понос. Вот отчаяние. Его приняло так сильно, что на другой день я его чуть мог узнать. Надлежало дать скорой помощи. Чуть свет я собрал все силы и полез в аптеку, где еще спали. Разбудил, подготовили лекарство и к семи часам я ему дал принять. Это много помогло, хотя не вдруг. Уже четыре дня как хожу за лекарством. Теперь, слава Богу, поднялся уже на ноги, а я немножко уже приокреп. Пока пытаюсь еще одним супом. Думаю, пока совсем выздоровеем, пройдет еще неделя. Не знаю, найду ли здесь что-либо, но на всякий случай не останусь долго. Хотелось бы поскорее в Бухарест, оттуда буду писать. В Силистрии теперь благополучно. Теперь решительно не могу ничего делать; голова еще слаба. Пишите в Бухарест, на почте найду или в канцелярии председателя Диванов.

Куда как хотелось бы знать о вашем житье-бытье, друзья мои. Чай у вас много новостей. Я в совершенной глупши. Целую Вас стократ,

тебя, Мих[аил] Петрович, и тебя, Сергей Тимофеевич; ручку Ольге Семеновне. Не забывайте вашего больняка.

Сидор кланяется Михаилу Петровичу и всем, и жене. Просит побранить ее, если она не ходит к Вам. Он просит покорно Алексея Никапорича осведомиться, заплотил ли его человек живописец жене его, Сидора, 40 рублей, а в противном случае заставил бы заплотить, и велели бы Вы жене его денег не тратить.

Во время моей болезни прибыли в Силистрию мои варнские хозяева. Оставляя их, я просил моего соученика, Тихановича, снабдить их лекарствами из госпитальной аптеки. Честь его сердцу, исполнил, и мой болгарин совершенно исцелел от тяжкого недуга. Они меня навещают. Щебетливая Гина вечно просит, зачем ничего не кушаю: *Азъ ти наготовувамъ да ядешъ*.

До счастливого свидания, друзья мои. Извини, любезный Мих[аил] Петрович, если письмо мое не заключает в себе ничего того высокого, коим наполнена твоя римская или дрезденская корреспонденция³. До свидания.

Юрий Венелин

Силистрия. 1830 20го августа.

ОР РГБ. Ф. 231/II. Оп. 48. Д. 17. Л. 25–28.

¹ Имеется в виду т. 1 «Древних и нынешних болгар» Ю. И. Венелина.

² Речь идет, вероятно, об «Истории славеноболгарской» Паисия Хилендарского.

³ «Римская корреспонденция» — имеются в виду, вероятно, письма С. П. Шевырева, который в это время находился в Италии. Кто писал в это же время М. П. Погодину из Дрездена, нам неизвестно.

36

**Письмо Ю. И. Венелина непременному секретарю
Российской Академии П. И. Соколову
(Силистра, 2 сентября 1830 г.)**

Милостивый государь
Петр Иванович!

В Варну я прибыл 4го июля. По моей просьбе мне отвели квартиру у одного болгарина. Ознакомившись несколько с городом в продолжение двух первых дней, я стал разыскивать о предметах, входящих в цель моего путешествия. В Варне есть три монастыря, между которыми и митрополитский. Посетив оные, я совсем был разочарован в своем воображении и надежде. Митрополит со всем своим причтом [так!] переселился в Крым, а всеми монастырями и варнскою паствою взялся заведовать какой-то случайный монах. Объем Варнского монастыря^{**} состоит в маленьком, обыкновенно полуразваленном, церковном строении, всегда самом меньшем из городских зданий, и находящемся при нем тесном жилище. Судя по углублению, в которое спускаться должно входя в церковь, и по предосторожности, которую нужно принимать, чтобы выходя не ушибить себе голову об крышу, строение имеет вид полуземлянки. Внутренность или без окон, или с окошечком с одной стороны. От сего темнота в церкви, и свечи, зажигаемые во время богослужения, нигде не более кстати как здесь. В воскресные дни и праздничные литургия оканчивается в седьмом часу утра, а начинается, когда большая часть паствы еще спит. Это вездешнее [так!] обыкновение в турецких областях, в которых магометане в большинстве. От монаха, для коего я принужден был взять переводчика, нигчего не мог узнатъ^{***}. Однако показал одну

* Первоначальный вариант начала чернового письма был таков: «Прибыв в Варну 4 июля, я принят был ген[ералом] Ротом довольно хорошо. По моей просьбе мне отвели квартиру у болгар. Ознакомившись с городом, чтобы более привыкнуть к языку».

** После слова «монастыря» следует зачеркнутое «как и в большей части городов турецких».

Вместо слова «узнать» первоначально было «открыть», за которым следует зачеркнутое «ибо на все отвечал не знаю или нет».

маленьку медаль, на коей ни буквы нельзя было разобрать, и очень желал мне уступить ее за 50 рублей! Вообще худое состояние христианского епархиального устройства, необразованность самого духовенства и частые перевороты суть причиною, что нигде почти нет ни дикастерий, ни архивов духовных. Управление христианской церкви по устройственной (организационной) части применилось к политическому Турции, в коих ни при аянах, ни при пашах нет ни канцелярий, ни хранилищ. Мягкая чалма наши согревает тот кодекс и тот архив, из коего постепенно все испаряется. Сверх сей невыгоды и для греческой даже археологии, гоненне для славянской увеличивалось еще тем, что в болгарские епархии рассылаемы были греческие архипереп и их пригчеты [так!], а в лучшие монастыри греческие архимандриты. Так и в Варну, где в церквах я нашел все

Далее зачеркнутый после многих исправлений текст, поверх части которого написан приведенный текст письма от слов «Вообще» по «Афонские горы»: «а) Между прочим я спросил, нет ли в монастырях грамот, даруемых им патриархами, и нельзя ли их видеть и прочесть? Переводчик долго толковал ему, между тем как на лице монаха изображалось недоумение, которое прекратил он обращением ко мне с словами. Дня через два монах вынимает мне из кармана греческую азбуку венецианской печати. Он думал, может из объяснения переводчика или по своей собственной догадливости, что я желаю учиться читать по-гречески. Почти похожие сцены две-три имел я и с болгарами. Большое затруднение в том, что почти всегда прежде надобно объяснять предмет, о котором нужно спрашивать. Не нашед ничего для археологии, я обратил внимание на язык болгарский и начал изучать онъ.

Жители большею частию оставили город при вступлении наших. Жителей в Варне было очень не много, судя по количеству пустых домов. Они состояли, кроме торговцев российских подданных, из возвратившихся турецких и нескольких армянских семейств, и из болгар, большею частию иногородцев. Это последнее было для меня тем приятнее, что предлагало способ к собранию сведений о сем народе, обитающем в разных и непроходимых местах Турции, в чем я успел почти по желанию. Между тем как на квартире, так и в городе по делу обращаясь с болгарами, в бытность мою в Варне я так принаучился их языку, что наконец мог [Фраза не окончена].

Грамотного между ними я не нашел ни одного, даже между несколькими лавочниками».

греческое: служебные книги венецианской печати. Единственные места, как я узнал от Преосв. Адрианопольского и от других лиц, представлявшие убежища рукописям греческим, суть библиотека патриаршества, но еще более Афонские горы.

Поездки мои из Варны не могли далеко распространяться, ибо вся часть Румелии, более нежели означена в данной мне Инструкции, для меня совершенно опустела по причине общего переселения христианских жителей, большую частью болгар, на правый берег Дуная. Линия турецкая находилась уже неподалеку от Варны по реке Камчику, а с западной стороны наша цепь простиралась только под Праводы, а оттуда к Силистрии. В Праводе, по уверению тамошнего жителя, находилось, кроме турок, только несколько болгар хлебопашцев. Чтобы можно было предпринять поездки внутри турецкой линии, надлежало сноситься, как означено в письме г. Главнокомандующего к корпусному командиру, с визиром или с Галилпашею^{*}, но для сего недоставало времени, ибо, вопреки моему и общему ожиданию, в то же время войска получили от генерала поздравление с скорым походом, а именно к исходу первой половины августа. Все двинулось к приготовлению в дорогу; госпитали, магазины, тяжести стали упраздняться на суда. Желая воспользоваться присутствием наших войск в местах, ими занимаемых, мне невозможно

* После слова «Галил-пашою» следовал зачеркнутый текст: «т. е. с самою Портою, между тем как я известился о скором выходе войск, которые сам генерал поздравлял с походом к исходу первой половины августа. Краткость времени и перемена квартир составляли невозможность в сношениях, тем более, что я, желая воспользоваться присутствием войск, должен был объехать занятые им места. Впрочем поездка за линию уже и там сделалась излишнею тем, что Северо-Дунайская страна для меня превратилась в Румелию».

В окружे Варны я посетил два монастыря Св. Константина и Димитрия. В последнем я не нашел никого из духовных лиц; обитель остерегал один только старик; при первом находился один монах. Не нашел ничего. Оттуда я объехал всю Кранищскую долину, известную своими болгарскими развалинами, из коих я вырыл некоторые замечания. Болгар вблизи Варны очень мало и то переселенцы; большая часть селений пуста и разорена.

Пробыв в Варне слишком две недели, я принужден был поспешить съездом [так!].

было думать за линию. Между тем я утешался по крайней мере тем, что Румелия перенеслась на правый берег Дуная и посему от меня не уйдет.

22го июля я отправился на Коварну, Мангалию и Кюстенджи. В Бабадаг прибыл 27го, куда переселились болгаре из Разграда*. В продолжение слишком недели я перебрал вопросами большую их часть; грамотного нашел только одного, который мне говорил об одной исторической болгарской рукописи, увезенной из Афонского [монастыря] одним болгарином и перешедшей после к одному священнику, о местопребывании коего он не мог сказать мне ничего верного. Между тем обнадеживал, что может быть отыщу его в Силистрии.

Объездив понапрасну окрестности Бабадага и не нашед ничего любопытного, кроме занимательных Рязанских [так!] развалин и некоторых народописных и географических замечаний, я отправился в Гирсов, чтобы оттуда перебраться в Силистрию. Внутренность сей области ныне совершенно пуста**.

На дороге от Гирсова почувствовал себя дурно (в Силистр[ию] прибыл 6го августа), но в Силистрии в самый день приезда ввечеру слег решительно в горячечных приступах. К счастью в крепости находится полная вольная аптека. Слишком две недели пролежал я пока несколько очнулся. Едва только болезнь моя достигла своего исходу, занемог едущий со мною наемный человек, но к счастью кратковременнее. В полные силы и по сию пору я не мог прийти. Хвороба изнурила меня чрезвычайно. В сей стране выздоровление

* После слова «Разграда» текст содержит многочисленные исправления, важнейшие из которых следующие: после слова «одного» зачеркнуто «бывшего помощником рушукск[ого]»; после «исторической» зачеркнуто слово «толстой»; слова «перешедшей после к одному священнику» написаны поверх зачеркнутого «уступленной после монаху»; после слов «не мог» зачеркнуто «доставить мне сведений»; но навернейшее заключал, что проживает в Силистрии; после слова «Баба-дага» зачеркнуто «за восхвляемыми надписями», а после «развалин» — зачеркнуто «из времен Болгарского Царства».

** Следующий абзац начался зачеркнутыми словами: «В Силистрию я прибыл 6го числа августа. Еще» и далее по приведенному тексту.

часто продолжительнее самой болезни^{*}. Раза два в эти дни пытался я пройтись по крепости, но еще ни к кому не являлся, кроме коменданта в день прибытия. Здесь есть некоторое количество болгар, большую часть мастеровых и мелочных торговцев^{**}. Надеюсь скоро приняться деятельнее. Теперь же я спешу, как только силы мои позволили, покорнейше уведомить Ваше Превосходительство.

Словарчик мой возрос вдвое; много затерянных корней русских слов я нашел в языке болгарском; сверх сего сей язык много связей имеет и с малороссийским. Это средство сих трех русских наречий достойно всякого внимания и объяснения^{***}, тем более, что россизм болгарского языка яснее всего выкажется из сего именно сравнения и взаимного объяснения.

Собрание песен тоже порядочно умножилось. Для тех, которые не очень доверяли^{****} русской Венере Ладе за то, что следов ее мало, кроме уголка в Белоруссии, замечу, что она вполне воспевается болгарами: *Ей Ладо! Ладо! момиче младо* и проч.

Я пытался подводить глаголы под грамматические формы, чтобы тем открыть болгарские спряжения; но это очень затруднительно

^{*} После слова «болезни» зачеркнуто: «Сюда впрочем можно бы причислить и вообще слабое состояние моего здоровья».

^{**} После слова «торговцев» зачеркнуто: «Они шуменские, терновские и свиштовские промышленники. Церкви в Силистрии прежде было семь, теперь только одна, хуже варненских, при ней архиепископ со своим клиром».

^{***} После слова «объяснения», которым заканчивалась фраза, зачеркнуто предложение: «Для сего предмета мне надобно будет, если поддержит меня Вседержитель, в Малороссии приостановиться на некоторое время». Далее следует зачеркнутый абзац: «Наш церковный есть решительно болгарский IX века. Если и ныне болгарин говорит *Азъ бѣхъ, ты бѣше, той бѣ, бяше* и т. д., а прочие славяне не говорят, то он более всего достоин того изыскательского шума, который часто достается народам того не заслуживающим».

^{****} После слов «не очень доверяли» зачеркнуты недописанные слова и предложения: «Карамзину в существовании богини Лады Русской, потому-де, что она в России не очень воспев не упомянута Нестором, и даже мало совсем не воспе нельзя доверять полагаться на белорусских песенников. Нет, она воспевается торжественно румельками».

делать по одному слуху или замечаниям, а с неграмотным народом помочь себе нельзя. Кое-как отличил черты трех спряжений. Об издании грамматики еще ничего не слышал; кажется, не издана.

Язык болгарский, сколько мог доселе заметить, подразделяется на несколько наречий^{*}. Терновское, мне кажется, чище и правильнее. Но еще чище язык сей между македонцами. Хуже всего говорят шуменцы, к коим принадлежали и жители варнских окрестностей, коварнцы, проводцы. Эти все (по большинству турок) привыкли более к турецкому, из коего в свой перенесли много слов, которые часто они мне выдавали за болгарские.

Наконец котляне (казаццы) замечательны тем, что очень часто употребляют после существительных ука[за]тельное *атъ* (вместо *тотъ*), *та*, *то*, *тѣ*. Посему Вук Стефанович (в сво[ем] Додатак к Срав[нильному] слов[арю])[†] несправедливо присудил болгарскому языку эти частицы^{**}.

Из народописных сведений, мною доселе собранных, очень высказывается россизм болгар^{***}.

Местности в Турции по большей части имеют двоякие названия турецкие и болгарские. Сии последние проникнули в Албанию, Фессалию и Аттику; Пинд, Парнас, Олимп ныне носят славянские названия, которые учёные греки в своих сочинениях стараются заменить древними. Все эти имена, которые только мог собрать, я отметил.

* После слова «наречий» зачеркнут текст: «но оттенки их трудно заметить при начальном изучении языка». Далее в этом же абзаце после слова «Тырновское» зачеркнуто слово «наречие», а после «правильнее» — «по сию сторону Балканов». Слово «эти» после слов «Проводцы эти» надписано вместо зачеркнутых слов «более привязаны к турецкому языку», а слова «привыкли более к турецкому, из коего в свой перенесли» надписаны вместо слов «а если говорят по-болгарски, то смешивают», после слова «много» зачеркнуто «турецких».

** После слова «частицы» зачеркнут текст: «в котором они не употребляются, кроме жителей города Казани и его окрестностей».

*** После слова «болгар» зачеркнут текст: «и — странно, мне повстречалось несколько болгар, которые, хотя и неграмотные, толковали мне их предание, что они за Дунай перешли от Волги. Иные мне рассказывали чужь [так!] и чудеса про спло реку, сами не зная, что она в России».

Таким образом я попал и на *Переяславъ*^{*}, древнюю и знаменитую болгарскую столицу, местоположения коей я не мог узнать ни из Нестора, ни из византийцев; и посему также темен был в моем воображении театр войны Святослава, как он темен и у Карамзина^{**}.

Не менее и для критики сделаны важные приобретения. Прежде я очень мало видел болгар; некоторые частные и другие более поверхностные сведения о сем народе служили мне единственным основанием и руководством к многим выводам, изложенным в моей книге. Но сколь бы ни казались они естественными, однако я мог и должен был опасаться за их неразрушимость, не будучи крепко уверен и в прочности их основания. В пример приведу вывод имен Аттилы, Бояна, Гордана, одеяния болгар и проч.

а) Между прочим я осведомлялся, не находятся ли при церкви какие-либо грамоты, принадлежащие монастырю и, может быть, ему дарованные патриархами, и которых митрополит увести [так!] с собою не может, и не может ли он мне их доставить для прочтения. Переводчик пересказал мне, что находятся, но только не цареградские, а пталланские и что папас дня через два может мне доставить. На третий день моего недоумения я опять посетил папаса, и он мне вынул из кармана греческую азбуку венецианской печати!! Он думал, что я хочу учиться читать по-гречески. Подобные сцены бывают со мною довольно часто. Очень естественно, что неученые лица не могут иметь понятия о вещах ученых и вообще таких, которые между ними

* После слова «Переяславъ» зачеркнуто слово «Великий».

** После имени «Карамзина» зачеркнут текст: «Сверх сего некоторые названия мест суть счастливыми пожитками для следующих томов моих изысканий, если только провидение дозволит продолжать оные». Вместо следующего далее текста от слов «Не менее и для критики...» и до слов «...одеяния болгар и проч.» был следующий, лишь частично оставленный текст: «Но еще счастливее приобретение есть в другом роде. Прежде я очень мало видел болгар; некоторые поверхностные сведения, а другие немногие, приобретенные от очевидцев, открыли мне путь к многим выводам, изложенным в моей книге. Разумеется, что я должен был опасаться за некоторые выводы, основанные на таких положениях, в которых я не был личн[о] убежден, например, в выводе имен Аттилы, Бояна, Гердана, одеяния болгар и кое-что и проч.»

не водятся. Поелику монастыри в Турции ничем не могут располагать, то почти и места нет грамотам. Присылаемый, с утверждения Порты, митрополит поселяется при той церкви, называемой монастырем, при которой ему заблагорассудится, и как отчетов никаких не дает патриарху, точно так как и паша султану, то и не ведет никаких бумаг.

б) Итак, перархия в Варне опустела для меня совершенно; надлежало обратиться к жителям города, коих, судя по великому количеству пустых домов, было очень немного. Болгар находился некоторое количество; они большею частию пногородцы, собравшиеся после прекратившейся в городе сем болезненности. Грамотного между ними я не нашел ни одного и посему не мог получить никаких определительных археологических сведений. Но зато мог я здесь сделать довольно важные пожинки для народописи и языкописи болгарской. Для меня приятнее было, что я мог найдти здесь лица из разных мест Дунайской и Забалканской Болгарии и тем проникнуть во глубину непроходимой глупши Европейской Турции. Между тем и стал прилежно заниматься изучением языка.

в) В округе Варны я посетил два монастыря, Св. Константина и Димитрия; в последнем я не нашел никого из духовных лиц, обитель остерегал один только старик; при первом находился один монах, но и тот намеревался последовать примеру своего архипастыря, часто повторяя *Пойдемъ на Россия*. Монастырь сей, одинокий на краю небольшой рощи, среди груды каменьев, производит некоторое впечатление; посред ограды возвышается одно строение, составлявшее жилище иноков; с левой стороны смиренное, на подобие маленького флигельца, строение есть церковь; в олтаре за престолом небольшой колодец или, как болгаре называют, *хладенецъ*. Он почитается священным и исцеляющим. Это *sons sacer* древних. Замечательно, что и теперь не только греки, но и самые болгаре чрезвычайно привязаны к священным источникам и хладенцам, коим приписывают целительную силу. При подобных хладенцах строились у них монастыри, а наконец и селения. Вот почему в Болгарии так много местностей, носящих названия воды: *Черна-вода*, *Прясна-вода* или *Пря-вода*, *Червена вода*, *Бѣла вода*. Такие названия есть в каждой области Болгарии общей. В сем монастыре летом проводил время варнский митрополит и принимал визиты варнского паши. Обитель сия была удобнее для Его Высокопр[еосвященст]ва, чем варнская, в коей одна маленькая

тесная келья составляла и переднюю залу и кабинет. Не видя ничего особенно замечательного в монастыре, я попытался спросить кое о чем почтенного инока. Заметя из моих вопросов, что я охотник до старинны, побежал за своим кошельком с антиками. Между старинными турецкими, итальянскими денежками я нашел одну польскую Зиггисмунда III, на коей довольно хорошо сохранились черты лица сего монарха. Я ее приобрел за четвертую долю того, чего требовал честный продавец. Я решился заглядывать и за медалями в надежде открыть какую-либо болгарскую монету. В Варне же все перебрано, несмотря на чрезмерную цену, требуемую продавцами. Вот что об этом между прочим говорит г. Тепляков в своем отчете (изданном в прошлом году в Одессе, стр. 4) графу Воронцову о своей поездке археологической в Болгарию².

Оставив монастырь, я проехал в Криницкую долину, чтобы побывать в двух-трех болгарских селениях, но вместо прежних селений я застал в них по несколько избушек. В селении Чаушкой я осмотрел старые развалины огромного христианского храма. На месте большого селения я увидел 5 избушек. Мне сказывали прежде, что там есть церковь. По приезде я спросил об ней одного болгарина. Старец провел меня под тень векового дуба и явора, остановился и сказал: *Боярецъ, ны тука церкувамъ на Великъ-День, на Юрьевъ день: закалямъ агнца, створимъ много ястія* (*церкувамъ* значит собираемся; стало быть церковь есть буквальный перевод греческого *ἐκκλησία*, что значит *собрание*). Дуб и явор служат им церковью! Я оглянулся кругом себя; со всех сторон лежали массивные четырехугольные камни, пока, наконец, бросился мне в глаза заросший травою фундамент большого храма. Старец, по имени Душко (уменившее [птельное] Душана) не помнит времени разорения храма. Понаведавшись еще кое о чем, я оставил хижины и поехал в Крины, знаменитые развалины замки из времен Болгарского царства. Тут вырыв некоторые замечания, возвратился в Варну. Впрочем в Варнском аялыке, по значительному большинству турок и татар, болгарских селений было очень немного. Между тем краткость оставшегося мне времени принудила меня поспешить с отъездом.

г) О рукописях сказывал, что иногда случалось ему видеть у других и сам даже имел две, из которых одна толковала о царе Александре (Македонском); обе на нынешнем болгарском наречии³.

д) Ученый Шаффарик в своеї Истории всех славянск[их] наречий и их литературы несправедливо болгар причислил к сербам или к классу сербских каких-то народов⁴. Сербы принадлежат по происхождению Германцам, из коей переселены в Иллирию в ту эпоху, в которую болгаре имели сильное влияние на Германию до Тюргенгейских лесов. Нынешний сербский есть амальгама германо-сербского и болгарского, под влиянием коего и преобразовался. Сей ученейший муж поступил так, кажется, единственно по остроумному, но невероятному своему предположению (в его новейшем сочинении о происхождении славян, 1828⁵) об общности имен *срѣбъ*, которое полагает одно и то же с *сарматъ*. Любопытно слышать, когда болгарин на базаре или в лавочке говорит мне: *Азъ бѣхъ, ты бѣше, той бѣ*, а не: *я біо, ты бѣши, онъ би, біо*, как серб; когда скажет в двойственном: *Азъ отидохъ сасъ двама человѣци; азъ воспріяхъ пять сасъ двама волове.*

е) Как сие, так и другие нужные сведения очень затрудняли продолжение моего сочинения. С великим нетерпением желал я повидаться с болгарским народом. Ныне, с чувством глубочайшей признательности к Императорской Российской Академии, нахожу мои выводы вполне оправданными, прочными. С внутренним удовольствием чувствую, что достигаю цель по *критике*, приближаюсь к ней по народописи и языкописи и уповаю на Бога, что и история среднего времени и археология не останутся без пробретений.

Труднее всего попасть на древние рукописи; судьба их та же с судьбою греческих, о чем говорено уже выше. Одно для них убежище было в трех болгарских монастырях на Афонской горе и, во времена господства болгар, в Валахии и отчасти Молдавии. Списки древних рукописей, если носятся по рукам, подвергаются ежеминутной опасности, которую объяснить можно следующим образом.

Ни в каком европ[ейском] государстве прои́денчество не в такой спле как в Турции, ибо нигде человек не связан менее как в Турции: всяк волен переселиться туда, где думает прожить выгоднее, без всякого на то особенного вида или позволения (впрочем султан стал вводить виды для проезду). Этако-то волею больше всего пользовалось духовенство низшее и купечество. Если же в этом отношении бросить взгляд на болгарский народ, то рукописи славянские не могли находиться в других руках, кроме сих двух сословий, в коих

они кочевали переходя не только с лицами, но и от лиц к лицам. Так мне это объяснял мой бабадагский грамотей (он пишет прекрасно, но только полууставом). «Во время приближения русских войн, — сказывал он между прочим, — разградский аян дал повеление всем нам, неверным болгарам, к завтрашнему приготовиться в дорогу вслед за его правоверною челядью. В подобном провожании я предвидел гибель на всякий случай. Посему ночью решился тихонько уползти и пробрался к Дунаю, в окрестностях коего не только не горевал о потерянном имуществе, доме, хозяйстве и рукописях, но душевно рад был и тому, что успел в целости сюда провести жену и двое малюток, которых видите».

Впрочем как бы то ни было, рукописи могли бы как-либо сохраняться, если б они везде находили для себя ценителей, т. е. ученых; но ученость-то менее всего может существовать в Турции, не потому, будто турки запрещают учиться, но потому, что ученость не имеет никаких преимуществ, и всякий болгарин, хлебопашец и учитель, наравне должны платить [так!] подати. Но как бедность достается в удел ученым, а *субаши* или собиратели податей умных фраз не принимают по курсу, то мои ученые с легковесным своим сокровищем пробираются на правый [так!] берег Дуная. «В Болгарии мало ученых, — говорил бабадажец. — Они обыкновенно оставляют родину и уходят за границу; сколько я их ни знал, все разбрелись по городам Валахии и Молдавии».

Конечно, все эти мудрствования не делают для археологии ни малейшего приобретения, однако я долгом считаю известить покорнейше Ваше Превос[ходительство] о положении, в коем нахожусь я ныне в отношении к рукописям и ученым. К сему с некоторым удовольствием прибавлю, что эти самые болг[арские] ученые уже слишком лет тому 10 назад, как стали прибирать к рукам болгарские рукописи, издавать книги для всенародного употребления. Об сем предмете прилеплено к изданной в 1824 г. Болг[арской] азбуке печатное объявление, в коем, после упомянутых сочинений, готовых к печати, между прочим сказано: «Има іѡще (и проч. до да я добыять)», т. е. (перевод сего)⁶.

Подобному явлению в болг[арском] народе не может не порадоваться всякий славянин, тем более еще россиянин. Из сего объявления видно, что ученые кружатся около Бухареста и Брашова в

Трансильвании, и подстрекается переход рукописей к тем пунктам. Боюсь загадывать наперед, даже надеяться сметь не смею, чем именно обрадуют меня будущие попски. Правда, еще не много мною проидено; к сему потерян почти месяц времени; однако за великий дар считаю и то, что мог остаться в живых. Предоставляя плоды дальнейших поисков будущим донесениям, льщу себя приятною надеждою, что Императорская Рос[сийская] Академия примет настоящее, несколько опоздавшее, с синхронизмом и подтвердит за мною то высокое ее благоволение, которым имел я счастье пользоваться при предприятии путешествия. Вручая себя благорасположению Вашему, имею честь быть с глубоким высокопочтительством

Вашего Превосходительства]

Силистрия. 2 сент[ября] 1830 г.

ОР РГБ. Ф. 49. Папка V. Д. 149. Л. 7–10.

¹ Имеется в виду известная работа сербского филолога Вука Караджича «Додатак к Санктпетербургским сравнительным речницами свију језика и нарјечија с особитим огледима бугарског језика» (У Бечу, 1822), в которой содержатся лексические материалы и очерк грамматики болгарского языка, а также небольшое собрание болгарских народных песен.

² В. Г. Тепляков, посетивший Варну весной 1829 г. с целью «приобретения греческих медалей и открытия других памятников древности», в своем отчете приводит слова находившегося в этом городе русского генерала о том, что время для успешных археологических изысканий «было уже потеряно: эти предполагаемые мраморы с надписями и барельефами употреблены на поправление крепости, а медали приобретены разными частными лицами» (В. Телляков. Отчет о разных памятниках древности, открытых и приобретенных в некоторых местах Болгарии и Румелии. Одесса, 1829, с. 4). Несмотря на все затруднения, с которыми столкнулся В. Г. Тепляков в поисках античных памятников, он сумел «купить около 20 монет бронзовых и серебряных, из коих некоторые кажутся мне драгоценными. Особенного внимания достойно то, что почти все из них, кои я видел в Варне (не говоря о монетах Восточной Империи и медалях римских) принадлежат именно тем греческим городам, коих существование предполагается в нынешней Болгарии» (Там же).

³ Имеется в виду какой-то новоболгарский список популярной в средние века «Александрии» — повести о жизни Александра Македонского.

⁴ О причислении болгар к сербам и признании болгарского языка одним из наречий сербского языка речь идет в книге П. Й. Шафарика «Geschichte der slavischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten» (Ofen, 1826).

⁵ Имеется в виду, вероятно, труд П. Й. Шафарика «Über die Abkunft der Slawen nach Lorenz Surowiecki» (Pest, 1828).

⁶ Ю. И. Венелин ссылается здесь на следующее место в знаменитом «Букваре с различными поучениями» (более известном под названием «Рыбный букварь» П. Берона (Беровича), в котором после перечня немногих известных ему уже изданных и подготовленных к печати книг на болгарском языке далее следует: «Есть еще и другие недописанные книги, о которых, когда они будут закончены, объявят эпигропы. Некоторые народолюбцы обещали послать историю болгар и другие полезные книги, чтобы их напечатать. Те же, у кого есть на руках рукописные книги, пусть пришлют их эпигропам и настают на их печатании. А тот, кто может сочинить или перевести, пусть проявит себя в этом. Тот же, кто знает о рукописной книге, пусть ее перепишет и отправит ее в Брашов или сообщит эпигропам, дабы те написали туда, где она находится, чтобы ее получить» (П. Берович. Букварь с различными поучениями. [Брашов], 1824, с. 143).

⁷ В протоколе заседаний Российской академии от 27 сентября 1830 г. имеется следующая запись о содержании полученного непременным секретарем Академии П. И. Соколовым приведенного выше письма Ю. И. Венелина: «Секретарь читал письмо, полученное им от г. Венелина из Силистры от 2 сентября сего года. Из письма сего видно, что г. Венелин минувшего июля 4 числа прибыл в Варну, осматривал находящиеся в Варне, так и ее окрестностях монастыри, в том числе и митрополитский; но не нашел в них ни библиотек, ни архивов и ничего такого, что бы принадлежало к цели его путешествия. 22 июля отправился он на Коварну, Мангалию и Костенджи. В Бабадаг прибыл он 27, куда переселились разградские болгаре. Не нашед ничего любопытного ни в Бабадаге, ни в окрестностях оного, кроме некоторых народописных и географических замечаний, отправился на Гирсов, а оттуда в Силистрию, куда и прибыл 6 августа. Кроме сего, г. Венелин уверяет, что собираемый им Сербский [так!] словарь нарочито пропумножает, и что он в языке болгарском нашел множество затерянных корней русских слов; что собрано им по сие время немалое количество болгарских песен. Наконец он благодарит Академию за доставление ему способа обозреть Болгарию и короче познакомиться с болгарским народом. По выслушании сего письма определено: принять оное к сведению» (ПФ ААН. Ф. 8. Оп. 1. Д. 35. Л. 116).

**Письмо Ю. И. Венелина к М. П. Погодину
(Бухарест, 5 октября 1830 г.)**

Бухарест. 5го октября 1830.

Последнее мое к вам письмо, друзья мои, из Силистрии от такого-то числа вы получили такого-то. Это само собою разумеется. Я хотел было послать за ним в погоню другое, если бы не помешало мне новое нездоровье. При выздоровлении я стал было пображивать по городу, погода была тепло-удушливая. В последних авгуаста ночью настала такая буря, что разнесло мост на Дунае, потопило несколько плоскотов, разбросало суда, разодрало многие крыши и — само собою разумеется — простудило меня. А это величайшее событие из упомянутых событий. Я должен был опять провалиться на полу несколько деньков. Беда была в том, что моя квартира без оконшек, как и все другие в Силистрии, Адрланополе и Штамбуле [так!].

В Силистрии я не нашел ничего археологического. Болгар в сей епархии немного, в крепости их довольно, но они все пногородцы. Епархиальное духовенство состоит из грека митрополита и нескольких попов, при нем находящихся. Нельзя себе представить бедность болгарской иерархии; ее почти нет; всем завладели греки, а подлости и низости сего народа нет пределов. Болгаре в 10 раз более страждут от греков, чем от турков. Я был у митрополита в надежде получить от него какие-либо сведения, но, когда он стал ругать свою паству (болгар), которую он так искусно стрижет, варварами, я взял шляпу и вышел с твердым намерением более не бывать у него. Вообще в Силистрии я делал одни народо- и землеписные наблюдения, поездил несколько по окрестностям. Селения в внутренности большую частью турецкие (к Варне), другие еще не заселены после войны, а в болгарских нет никаких священников. Таким образом и внутренность между Терновом, Софьею, Видином и Рущуком без духовенства. Ехать мне туда по важным причинам было нельзя. Наконец, прохлопотав неделю за подорожнею, 25 сентября в 4 часу после обеда я переправился через Дунай, а 26го в пятницу в 4ом же часу показались мне куполы букареcтские. Никогда Нимврод или славная Семирамида не въезжали в свой Вавилон так торжественно, как я в столицу Валахии. За нами ехал почтою же еще какой-то молодец. Вообрази же себе похороны

кота: четверо мышевидных коняков, запряженных по два рядом в бичовочный убор, представляли что-то необыкновенное; почтальон верхом; Дурнограй на передней части повозки верхом же, а я сзади его клубком. При въезде почтальоны наши стали хлопать кнутами так сильно, как никогда не хлапывали фельдъегерей Наполеона Игнатьча Бонапарта, а в улицах стали так реветь во все горло, как не ревели никогда бароны в их охотническом походе. Я принужден был заткнуть уши.

Город длинен, улицы полны народу. Насилу умолкли наши фазоны, когда мы вылезли на букарецкий Невский проспект. На другой день мне отвели квартиру у одного бояра в предместии. Холода здесь ужасные уже в первых числах сентября, и я никогда так не зяб, как здесь и в Силистрии. Холод влажен и пронизителен. Хотелось бы нанять по крайней мере квартиру внутри города, а ходить далеко. Дороговизна всего ужасная: пообедать ниже целкового нельзя! Несколько дней я употребил на отыскание квартиры, но даром. Быв на почте, я познакомился с директором оной Игнатом Павловичем Яковенком; третья дня я у него обедал; прекрасный человек. На почте я нашел твой билетец в 15 слов, адресованный ко мне в Варну, и письмоцо от 21 июля и 92 червонцев. С тех пор ни одной буквы!!

Я намерен в Букареце остаться до весны. Надеюсь, что здесь будет работы довольно, только бы Бог даровал здоровье. Третьего дня я познакомился с *Василем Неновичем*¹, о коем упоминал в моем сочинении, и с *Афанасием Нековичем*. Здесь болгар очень много, которые составляют лучшую часть жителей города. В Силистрии я познакомился и завел связь с лекарем *Кальчом Петковым*, обещавшим доставить мне из Тернова в Букарец старые книги. *Св. Цвенообрание* напечатано в (Офене) Будине в двух томах². В 1828 в Букареце издан перевод Нового Завета Петром Сапуновым³. Болгаре отличный народ; несмотря на ужасное иго, они могут всегда поспорить с смысленными и деятельными великокороссами. Здесь я насчитал уже полдюжины болгарских литераторов (еще изданы кое-какие мелочи). Я им постараюсь придать жизнь. Это народ довольно довольно [так!] обезокураженный, а наши не имеют столько смыслу и способу, чтобы воспользоваться прекрасною склонностью сего народа, ибо никогда им заниматься болгарским языком и народностью.

Пришли мне, любезный Мих[аил] Петр[ович], немедленно 4 экземпляра Болгар, и пиши всякие две недели в букарецкий почтамт.

На днях я достал две славянские грамоты от 1610 году; с одной возвы-
му снимок. Буду писать почще, но только под условием, ежели буду
от тебя получать часто же. Не можешь вообразить, какую отраду
принесит дружеское письмо. Что как живете, что маракаете, что как
в литературе. Пишите, а то подумаю, что или скучитесь на почту,
или меня не уважаете, т. е. что дружество ваше только мнимое. Ваши
строки совершенно переносили бы меня в Москву.

Бухарест город довольно замечателен. Теперь, слава Богу, я до-
вольно здоров; только голова побалтывает, что ей прежде было несвой-
ственно.

Сидор разогорчился тем, что жена его оставила место и ушла
жить к [в оригинале: как] какому-то холостому сапожнику, Никите
Карпову. *It est jaloux comme quatre.* Прошу тебя, и он просит для его
успокоения, возьми ее в дом; пусть там служит до возвращения му-
жа; и припиши об этом в письме хотя бы и propter formam только.
Живет она у Николы в Толмачах в доме Шапошникова.

Целую тебя, любезный Мих[аил] Петрович, равно и домашних, и
Сергея Тимофеевича, ручку Ольге Семеновне, и побратима в левый
глаз. Скажите ему, что у меня теперь в Силистрии другой побратим,
Ага-Мустафа, татарбазарджицкий уроженец; он болгарин, но магоме-
танин. Он меня до того полюбил было, что расплакался при нашем
прощании. Он прежде об русских знал только понаслышке; в Сили-
стре, куда привез на продажу множество пистолетов, не мог нарадо-
ваться, что может очень легко понимать северного москова. Он мне
протянул руку, прося вечной дружбы сими словами: «*Азъ хшу да ти
буду побратимъ по смртъ*». При горестном прощании я утешался,
однако, мыслию, что у меня в Москве есть другой *побратим*. Попро-
сите от меня, любезнейший Сергей Тимофеевич, Костю и Григораша,
чтобы учились примерно, и не забыли ли последнего моего настав-
ления. Если забыли, то я их почту самыми неблагодарными в мире,
для чего, если возвращусь здоров, то велю для поверки пересказать
мне это наставление слово в слово.

Пишите, Сергей Тим[офеевич]; намаракните на досуге весточку
про Москвушку, ибо от чудака Петровича не дождусь дельного пись-
мца. Но если и вы меня забудете, то в Бухаресте разлюбить Москву
тогда очень нетрудно будет. Не забудьте сказать мой поклон Григо-

рию. Другим не смею, ибо им я или малоизвестен или мал. Что Веночки? помогло дунайское зелие? Целую вас

Ваш Ю. В.

ОР РГБ. Ф. 231/II. Оп. 48. Д. 17. Л. 29–30 об.

¹ В т. I «Древних и нынешних болгар» Ю. И. Венелин называет В. Неновича в числе немногих «любителей просвещения и письменности отечественной» (с. 16). В 1830 г. В. Ненович в Бухаресте был учителем славянской школы.

² Имеется в виду переведенное А. Стояновичем (Кипиловским) «Священное цветообразие или сто и четыре священни истории, избрани из ветхия и новия в полза на юношествотво». Т. I–II. Будин, 1825.

³ Имеется в виду переведенный П. Сапуновым «Новый завет сиреч четири евангелия на четырех евангелиста» (Букурешт, 1828).

38

**Письмо Ю. И. Венелина к непременному секретарю Российской академии П. И. Соколову
(Бухарест, 28 октября 1830 г.)**

Милостивый государь
Петр Иванович!

Состояние моего здоровья, как я имел честь писать Вашему Превосходительству из Силистрии от 2го сент[ября], меня удержало в упомянутой крепости еще на некоторое время. Археологического приобретения в Силистрии я не мог сделать никакого. Епархиальное духовенство состоит из нескольких священников, молдаван и греков, постоянно находящихся при архиперее. Богослужебные книги все греческие, а отчасти и волошские. Знакомство мое с клиром было для меня не много полезным. На вопросы о славянских или болгарских рукописных сочинениях я получал малоудовлетворительные ответы, в которых вместе изображалась обыкновенно явная и сильная ненависть и презрение к болгарскому народу, страждущему не менее и от греков, сколько же и от турков. Я объехал некоторые внутренние

окрестности Силистрии; ни в одном болгарском селе нет церкви ни священника; в случае потребы духовной христианин присыпает за священником в Силистрию. На месте я из опыта увидел, что не за чем ехать по епархии, состоящей из... Остальное время я употребил для языка и народописи болгарской с довольноным успехом. В сем отношении для меня были очень полезными один болгарин, терновский уроженец, лекарь Кальчо Петков, и Ахмет-ага Бойкович болгарин же магометанин татар-базджикский [так!] торговец в Македонии. Первый описал мне состояние славянской церкви в Терновской епархии. В Тернове при Митрополии находилось порядочное собрание болгарских рукописей, остаток болгарской Шишмановской библиотеки, находившейся при Церкви царя Шишмана, а по отнятии оной турками отчасти перенесенный в Митрополию; к несчастию сгорел вместе с строением в 1798 году. Ныне, говорит он, не помнит ничего славянского при Митрополии, кроме трех книг, валяющихся на полке, и которые он обещался привезти в Силистрию при возвращении в сей. Цароставник¹, род болгарских летописей, вддел год тому назад в Тернове у купца Жаджи-Огло [так!], который с того времени проживал в Букареcте. Тернов меня прежде ласкал надеждою, которая мало по малу уменьшилась. Вообще археологические мои виды по сию сторону Балканов стали исчезать. Кроме афонских монастырей, Хиландаря и Зографа, указывают постоянно на Рильский болгарский монастырь, в Замаковских горах в Македонии, но поездка в ту сторону зависит от поездки на Афонскую гору, неудобность коея одна зависит от наступающего времени года, так и от других обстоятельств. Посему я не нашел другого способа употребить время с большою пользою, как обратить на Валахию. 24 сентября я прибыл в Букареcт. Первую неделю провел я в отысквании некоторых из болгар, а преимущественно Василия Неновича и Атанасия Нековича; другие, между коими и Берович, разбрелись по Австрии со временем кампании. Ненович меня одолжил указанием на несколько славянских грамот. Полторы недели я работаю в Митрополитской библиотеке. Теперь всего собрано и списано мною 31 грамот славянских. Они замечательны как по своему слогу, так и по почерку и, наконец,

* Далее следует неразборчиво написанное слово [разбросанной (?)]; фраза не закончена.

по разным предметам, могущим служить для разных объяснений^{*}. Для истории славянской палеографии я по сию пору успел сделать пять довольно верных снимков. Надеюсь еще на порядочное приобретение для археологии покамест в Бухаресте. Теперь же спешу уведомить покорнейше Ваше Превосходительство о моем местопребывании и занятии в надежде иметь вскоре новые поводы к дальнейшим донесениям. Имею честь быть Вашего Превосходительства, милост[ивый] госуд[арь], покорне[йший] слуга

Ю. Венелин

Букар[ест],
28го октя[бря] 1830.

ОР РГБ. Ф. 49. Папка V. Д. 148. Л. 11.

¹ Имеется в виду какой-то список «Истории славеноболгарской» Паисия Хилендарского.

39

**Письмо Ю. И. Венелина к М. П. Погодину
(Бухарест, 30 октября 1830 г.)**

30 октября 1830.

На силу дождался я от тебя, любезный дружище, письма от 28 сентября. Новости, которые мне сообщаешь, меня сильно трогают; бедная Москва! бедная Россия! бедная литература! и в той и в другой карантине! Еще в прошлом году опасался я на счет литературной здоровенности в России, когда моих Болгар объявили чумными. Не выпускай Марфушки твоей¹, пока не настанут морозы, а то... ведь знаешь, что повес много... объявляют ее если не чумною, то брюхатою Terrea Actas в словесности! а до Цицеронов далеко! Впрочем непременно и без отлагательства пришли мне ее; я ее... я ею пленялся уже тогда, когда ты мне читал первые ея главы. Таково, если не лучше, должно быть у ней и прочее; и я уже наперед любуюсь ея нынешеющим прелестями. Вторую тысячу я получил, и, о tempora, o чу-

* После слова «служить» первоначально было написано «объяснениям» и далее следует зачеркнутый текст: «как славянства вообще, так и соотношения Царство Болгарского в паралели к Русскому».

дачества! без письма! Ты жалеешь, что я не пробрался за Балканы в Македонию, на Афонскую Гору. Но, во-первых, Инструкция меня к тому не обязывала, во-вторых, для сего нужно гораздо больше издережек и времени, а мне едва ли достанет полтора года, или что одно и то же год для обработания Молдавии и Валахии. Говоришь, что здесь можно быть всегда; нет не так, а я скажу из собственного опыта, что здесь без наших я успел бы очень мало. Надо было тебе знать волохов, а после говорить. Говоришь, что этого нельзя назвать путешествием *cela est de me dire tout simplement une vottise*, т. е. грусть. Монх трудов, моего пожертвования времени, здоровья нельзя назвать путешествием! Ну, если это говорит тот, на коего беспристрастие или даже заступничество и дружбу можно бы полагаться, что скажут после более злые люди или даже академики?! Разве ты не можешь понять, друг мой, что ученое путешествие в какой-либо стране требует много времени, т. е. долговременности наблюдения, иначе оно будет поверхностным, а не ученым. В Валахии проживали пные иностранцы до 10 лет для одних наблюдений; несмотря на то много еще волошского избегло от их наблюдательного взору. Требовать, чтобы я кроме Молдавии и Валахии и Болгарии объехал всю Забалкансскую Болгарию в $1\frac{1}{2}$ года с малыми средствами, значит чтобы я пробежал всю почти Турцию, взглянул только мельком и в скорости поездки не сделал ничего! ³. Я уже писал тебе, что фирмана на месте нельзя было выхлопотать по местным обстоятельствам. ⁴. И сто фирмолов ничего не значут в глазах путевых грабителей; дороги везде опасны от разбоев; множество низамов (регулярных) бегает и разбойничает по всем областям; этим же ремеслом занимаются и мирные турки и самые болгаре; голод и нужда ко всему заставляют; если разбои, кражи и убийства случались и внутри нашей цепи², то тем более разбойничество было за цепью, которое дошло до того, что Шуменский паша позволил своим болгарам хлебопашцам, от коих самих я это знаю, носить на работу для своей безопасности оружие. ⁵². Ведь знаешь, что единственную любовь к науке вызывала меня сюда, по сему можешь предположить, что по внутреннему побуждению не оставил ничего, что бы могло заставить провести означенное с большей пользою, следственно, что сделаю, то будет и лучшее. Но скажу еще тебе, что я Румелию и Македонию уже довольно так знаю, что некоторые лица, там бывшие, и многие из тамошних уроженцев спрашивали меня с некоторым удивлением

откуда я это знаю? А моему побратиму Ахмет-Аге-Бойковичу я должен наконец согласиться, что я непременно должен быть татар-базарджикский уроженец. Вот видишь, что несмотря на мою лень (как могут сказать добрые россияне) и *бабство* (как именно выразился ты) ехать за Балканы, я могу иметь и составить такое описание сей страны, какого Россия еще не имела на своем языке и может быть и нескоро имела бы. Наконец скажу, что мое путешествие в своем роде *первое со стороны России*, не должно быть и *последним*; это значит то, что один человек не в состоянии вычерпать все в одно *время*, тем менее *короткое*. Сколько французов не было в одном Египте в разные времена! Слава Богу, я теперь здоров; работаю в Митрополии. Невыгода покамест та, что живу от нее очень далеко; хлопочу об другой квартере, трудно отыскать удобной, везде набито; здесь дороговизна ужасная против обыкновенных здесь прежде цен. Вообще где русские, там и дорого; нанесли денег, которые от большого количества должны были упасть в цене, если ценою денег назовешь товар. Вообрази себе, что от Варны до Бухареста я почти дороже должен жить петербургского; не менее того служителя не могу кормить воздухом. Дай Бог концам с концами! Как же мне ехать за Балканы!

Теперь собрано и списано у меня славянских грамот всего 31³ из коих я взял пять *верных* снимков для Истории славянской палеографии. Они любопытны и по слогу и по почерку. Я ахнул, когда увидел первую; ни зги разобрать! Это не по-русскому; тут мне надлежало быть Строевым, Калайдовичем в совсем особенном роде. Ты не поверишь, какую каторгу я перенес по[ка] не составил себе ключ ко чтению. Грамоты большою частью скорописны, но сверх особенностей в почерке, беда была в том, что каждое почти слово в сокращении; очень часто две трети одного слова заключаются в словотплатах! Архив Княжества не существует; находится в нем список грамот волошских с 1775 года; но это для меня не так важно; славянские же носятся по рукам их владельцев; тут надо за всякую хлопотать; легче однако с монастырями будет. Судя по всем обстоятельствам и предметам, для коих я должен воспользоваться Букреcтом, я предвижу, что мне надо будет остаться в сем городе до самой весны, по сему я опасаюсь, что мне останется немного времени для остальных частей Валахии и Молдавии. Слава Богу, если в день могу отделяться с 2, 3 грамотами! а такие дни не все могут быть! Не так

легко дело делается, как сказка сказывается. Теперь уже разбираю довольно легко довольно трудные штуки и уже опасаюсь, чтобы не прослыть дакийским Строевым; но у русского своя экспедиция, свои писцы, а я один. Сверх сего меня трогают не только эти ветоши, но и всякая всячина, как ты сам можешь вообразить, по причине двух факультетов. Вот где нужно было бы время! Я выписал некоторые нужные книги из Австрии, но еще не получил, кроме Грондского, кему очень рад. Вот и здесь несколько червонцев выйдет из кармана, но по крайней мере за то, что может иметь в России приятные плоды. У меня теперь в голове план на два-три сочинения, но! ведь я не разорвусь на трое; рад бы, но не могу. Один из этих планов меня очень тешит; Бог знает, успею ли когда-либо привести его в исполнение, а была бы вещь очень славная в трех томах. Еще четыре сочинения другого разряда. А прочее для Академии: 1. Собрание песен. 2. Собрание грамот и древностей. 3. Грам[м]атика. 4. Лексикон. Сколько труда! Наконец еще что-то в особенном еще роде: *Физико-софистическое*, или Новая книга бытия для мыслителей нашего времени. Эта вещица очень хорошая; я снял ее с натуры в полчаса сидя на берегу Черного моря под стенами Кюстенджи, там, где сиживал некогда влюбчивый Овидияшка; вещь, которую одобряют [так!] и богословы и софисты; это собственно историко-физические и психические открытия или замечания. Напр. время рождения гор, рек и морей; что Валахия и Венгрия были прежде морем; что у человека не 5 чувств, а 15, но трех разных качеств; предложение совсем новой науки, но очень нужной и проч. и проч.

Извещаешь меня, что я не должен ожидать от тебя частых известий, потому-де, что тебе некогда писать, а мне некогда читать! Боже мой какая нелепица! Будто у человека не нашлось пяти минут для исписания четвертки, у человека (как бы он занят ни был), у коего всякий день теряется промежуточных минут по крайней мере 150 и других 150 для послебедового отдыхания! Опять ли и здесь диссертацию надо в 1го, 2го, 3го, 10го, 100го. О качествах дружбы? Я только здесь замечу, что знакомство другое и не то что приятельство, а это совсем не то, что *дружба*, Amitie, Freund. Это слово великое имеет значение, великое доставляет нам удовольствие, но зато и великие возлагает на человека обязанности. Боги не всякому человеку дали настояще чувство дружбы; надо иметь волканическое сердце, чтобы почувствовать всю силу и значение сего слова, сколь сильные

от него услаждения. Человек, коего ничто не привлекает в сем мире, по крайней мере, и тем сильнее прилепляется к последнему прибежищу, к дружбе уладительной, утешительной. В том случае и я не нахожу удовольствия истинного ни в богатс[т]ве, ни в других благах мира; одна дружба трогает меня; с малых лет я ищу ее. Я предполагаю в тебе друга, любезный М[ихаил] П[етрович]; но ведь дружеством услаждаемся единственно посредством взаимного излияния, сообщения чувств, мыслей, взаимных услуг, в противном случае дружба не имеет никакой прелести, дружба не есть дружбою. А ты в Варну адресовал мне как из насмешки лоскуток бумажки в три пальца не больше; в Букаресть приспал деньги без записки, без письма. Видишь, что твоя чудаческая краткость лишает меня именно того, в чем я нахожу величайшее услаждение в жизни. Не можешь жаловаться, что не об чем писать; дружба так велеречива, так красноречива! Она сама по себе целая Философическая Энциклопедия. Скажешь некогда? Дружба всегда найдет время; этого мало; дружба всегда готова жертвовать. Скажешь: я лаконик?¹ можно быть с другими лакоником, но с дружбою никогда, ибо лаконизм противен ее свойству. Извини, М[ихаил] П[етрович], что я и из Питера, и из Одессы, и из Букареста вечно жалуюсь на твою скучность в дружеской кор[р]еспонденции; это потому, что я взыскателен был до сих пор, т. е. что искал твоей дружбы; но худой знак, когда я перестану быть взыскательным; людям, коих я не уважаю, коим я не могу и не хочу быть другом, не делаю никаких попреков. Очень натурально. Здоровы ли Аксаковы; уже и Сергей Тимофеевич так занят? Верно и он попал в чумный совет? Стало быть, если не получу письма в 2 дюйма, то надо будет думать, что вы, казавшиеся быть друзьями, перемерли; тогда мне незачем возвращаться в Москву; уйду куда-либо пасть овцы, и если не мог найти друзей между людьми, то найду их между косматыми хранителями стада, между теми животными, которые человеками приняты за эмблему дружеской верности и привязанности. Сидор здоров, но пасмурен. Целую вас. Букаресть.

Юрий Венелин.

ОР РГБ. Ф. 231/II. Оп. 48. Д. 17. Л. 31–32.

¹ Имеется в виду трагедия «Марфа Посадница», над которой работал М. П. Погодин.

² «Наша цепь» — линия расположения русских войск в Болгарии и Румелии.

³ В Бухаресте Ю. И. Венелин занимался разысканием древних влахо-болгарских грамот и снятием списков с некоторых из них. По возвращении в Москву он усиленно работал над подготовкой их к публикации. Работа «Влахо-болгарские или дако-славянские грамоты, собранные и объясненные Юрием Венелиным» была издана Российской академией в 1840 г. уже после смерти ее автора.

40

Письмо Ю. И. Венелина к М. П. Погодину (Бухарест, 2 ноября 1830 г.)

2го ноября 1830.

Бухарест.

Пока не отправил письмо, еще хочется прибавить кое-что, хотя бы даже вздорнику. Завтра после завтра переселяюсь на другую квартиру, в коей можно будет серьезнее приняться за работу. Вот еще в чем беда: в Митрополии находится порядочная библиотека из иностранных книг в совершенном беспорядке; в ней находятся сочинения, которые я искал понапрасну в Петрогородской Публичной и Московской Университетской. Очень желал бы и этим воспользоваться на досуге; ведь же и в фолиантах надобно открывать!! Рущукский епископ живет в Бухаресте в монастыре *Златарь*, я с ним несколько познакомился. Митрополию заведывает Рымникский митрополит. Ныне я обедал у президента обеих княжеств¹ (принял лучше, чем Рот), у коего я познакомился с некоторыми генерал-штабскими; есть между ними любители археологии. Недавно прибыла сюда из Брашова, или из Германштадта не знаю, немецкая труппа, в первое представление давали оперу *Jean de Paris*, писали очень посредственно. Представление было в прошедшее воскресение, т. е. 26 октя[бря], а на афише литографированной объявили:

Aujourd'hui Dimanche le
25 octob. вместо 26 octob.
7 novemb. 8 novem.

О Букареcте буду писать подробнее в другой раз. В нынешнем году вышло в Будине (Offen) на немецком языке сочинение, в коем опровергается мнение какаго-то S. T., что волохи происходят от славян. Критик, какой-то Е. Murga [?] в самых презрительных выражениях отзывается о славянах, а преимущественно достается словакам, сербам и бедным беззащитным болгарам. Сочинитель очевидно, по его выражениям, считает волохам за великий стыд и срам происходить от славян! Да и вообще все волохи и ныне очень заняты своим римским происхождением; они никогда не будут привержены к славянам по поводу оди[...] единоверия: ныне они стараются изгнать славянские буквы, бывшие у них от начала христианства единственными, изгнать как из церкви, так и из храмов Темиды. Сверх сего объявили войну всем славянским словам, коих в волошском языке множество. Многие даже ревность свою римскую возвысили до того, что и мужиков не щадят предлагаемыми ими словами. Один учитель, как мне сказывали, в училище св. Саввы в Букареcте предписывал ученикам, под наказанием, не говорить впредь: *ай фостъ ла острову?* (Был ли ты на острове?), но вместо того: *ай фостъ ла инсула (insula)!* В Австрии прежде всего стали выходить волошские учебные книги латинскими буквами. В упомянутом сочинении припечатано огромное рассуждение о необходимости заменить в волошском языке славянские буквы латинскими. Несмотря однако на подобная покушения ежегодно печатаются в Будине новые волошские сочинения и переводы прекрасными церковными буквами, которые там красивее нежели где-либо в России. Наконец прибавлю, что волошская газета издаваемая в Букареcте печатается нашими гражданскими, или лучше обыкновенными. Издатель однако преобразовал отчасти наш алфавит, и можно сказать, больше изуродовал онъи, чем Вук Стефанович, несмотря на то, что наш алфавит может выражать все возможные волошские слова. Странно, что позволяют подобные реформации, или лучше сказать изуродования, ведь же этим самым изуродуются и те вещи или следствия, которые может иметь в виду правительство или политика. Почему бы не поддержать русского алфавита в чистоте по той самой причине, по которой стараются

* Над словами «они стараются» вписано: «или лучше злое намерение».

другие ввести латинский. *Potaerunt et hac, ar non et tu Augustine?* S. Aug. Вот нечто для твоего любопытства!

Что же мне не пишешь, как пошло дело Сергея Тимофеевича; давно ли он директором? Что Степан Петрович! Что Рожалин? Что Пушкин, Хомяков, Языков? Если ничего, так скажи им, пусть стыдятся есть хлеб русский понапрасну, только скажи от себя, а не от меня им так малоизвестного. Заставь Надоумку потеть над чем-либо. Поглядывай почаше за Будриным (Кудриным? не помню), есть у него замашки. За Костею смотрите строго; это отличная голова: учителя его очень хорошо сделали бы поступать с ним методою сократическою или вопросительною, и заставляющею мыслить (она образует из хорошей головы хорошего писателя. Следственно может и из Костиной.). Пришли 4 Болгар с Марфою, прямо на почту. Заметь, расходятся ли? Что вышло особенного? Ведь все это меня интересует. Заметь даже, что делает История Русского Народа? Что Загоскина Роман? Что твой Вестник, продолжаешь ли? Ну, мало ли чего сказать можно? Что за границу не мог, не печалься, ибо заграницу можно очень легко заставить приехать в Россию. Секрет к этому скажет тебе Эльзнер или Готье. А если только ездить для того, чтобы позевать там на кого-либо, или поглазеть, сколько галок на крыше берлинского магистрата, и наконец, чтобы пожевать раза два, как делает русская знать, в первейших жевательных залах Видня и Парижа, или выслушать, как пробормочет наскоро какой-либо профессор свою лекцию, то тебе скажу, что все это можно видеть и делать на пути от Златоустовского до Старой Конюшенной², до Кирпилла и Мефодия (если они не превратились в Варлаама и Исаака на такой-то); только иди пешком и тихо. Но конец шутке. Прости за лепетанье, ведь так приятно говорить с друзьями! Прошу извинения за упреки. Прощайте, друзья; пора спать, час 3^й. Ручку Ольге Семеновне и Аграфене Михайловне; мизинчик Верочки; левый глаз побратиму. Григорашу я поглажу очень нежно, если он прилежно учился. Поклон Григорычу в пояс. А вам поцелуй; а сам остаюсь покамест с нигчем вас любящий

Юрий Венелин.

- NB. 1. Сидор просит тебя взять жену его к себе.
2. На днях писал в Академию.

¹ Имеется в виду П. Л. Киселев.

² Златоустовский переулок, Староконюшенная улица в Москве.

41

Письмо Ю. И. Венелина к М. П. Погодину (Бухарест, 26 ноября 1830 г.)

Бухарест.

26 ноября 1830.

Прошло недели три; стало быть опять писать, не получив в замену за прошедшие мои письма ничего с 28 сентября. Мало о чем писать, если писать по-твоему, любезный Михаил Петрович. Я предался работе; через день хожу в Митрополию, там работаю, и беру на дом. Выходить почти никуда не выхожу, и если ходить то дело не сделается само собою; только по дороге из Митрополии захожу побывать, раз на 24 часа; и обыкновенно прежде отпускаю пожевать мою скотину¹. Посему видишь, что не о чем писать, ибо нет у меня никаких приключений, посему без пройденышства (авантюнерства) не может быть ни история, ни комедия. Итак, все ограничивается домашним моим бытом.

Однако много событий, большую частью мрачных, происходило в душе моей; вот тут и история и комедия, в которой играет важную [роль] и твой Сидор. Не стану толковать; ты знаешь человека давно, а я теперь только узнал своим опытом. Скажу об одном: вечно охает; пасмурен как Пиллов пост, сух как страстная пятница, задумчив и угрюм как тот, коего хотят вести на виселицу; любит прохаживаться впопыхах, как будто у него в голове 100 планов; разговориться с ним нельзя, ответа никогда не даст по-человечески: избегает, коли только может, моего присудствия [так!]: подобной скотины я от роду не видел. На днях я старался узнать, что ему; не сошел ли с ума или не случилось ли ему какое несчастье. Ответы были такие, что я должен был вспыхнуть; но это обыкновенно между нами так водится. На силу мог я добиться, что он беспокоится на счет своей отпускной: недоверчивость его на господ. «Я не могу быть до тех пор спокоен», — говори[т] он, — «пока не увижу ее». Тут он пускается в резонементы,

по коим следовало ему вручить отпускную при выезде из Москвы, и другие, которые бросили бы в ярость и всякого святого. Но что еще убийственнее, это то, что чуть только высказал свою оскорбительную пошлость и рушил желчь, тотчас отпирается от своих [слов], что для [меня] есть хуже яда. Словом во всем он прав, а я виноват. Теперь ему желается иметь отпускную в Бухаресте, и без всякой церемонии высказал, что я могу тебе написать, чтобы ты ее прислал. Я представлял, что едва ли ее выпустят за границу, кроме сего, едва ли она нас застанет в Бухаресте, что изранют ее в карантинах, что ты теперь занят сам. Если спрашиваю, от [чего] он тебе не доверяет, ужели он сомневает[ся] в данном тобою слове? Нет, говорит он, я ничуть не сомневаюсь на счет слова моих господ; но спокоен быть не могу, пока ее не увижу. Пойду [так!] толкую с ним; вот ад настоящий. Не знаю, что делать: что за приятность глядеть на тусклую рожу, которая вечно дуется; в этом случае сноснее не видеть никакой. Сделай одолжение, уверь его, что ли, а то отравит мне жизнь. Напиши ему что-либо, что отпускная будет к маю или другому месяцу готова, но что за границу ее не пропускают или что посылат в место неизвестное опасно, и сделай ему выговор, как он смеет не доверять тебе, а то иначе пользы с него нельзя будет иметь никакой, и я принужден буду наконец прогнать его к черту. Впрочем угрозами в этом случае с ним не сладишь, думаю; и мне нанесешь еще больше беды, ибо тогда будет все приписывать мне. Счастье его, что у меня терпеливый характер, а то другой давно прогнал бы его. Впрочем особенного за ним я ничего не заметил; но пусть бы лучше пил или бледничал, только оставил бы меня в покое. Стоит только взглянуть на него, и сплин готов.

Сверх сего, я нечаянно услышал что-то сказанное на мой счет одним важным лицом. Если то правда, как я рассыпал, то это крайне для меня огорчительно. Ужели найдется, кто за моя самопожертвования решится отплатить мне низостью!

Грамот теперь у меня 40; снимков 7 и порядочные выписки из фолиантов. Между прочим замечу, что Гаммер в прошедшем году издал первую осаду Вены *theils aus den umbekannten einheimischen, theils aus türckischen Quellen erzählt* (так сказал он в заглавии), между тем как все это описание переведено почти в слово или *вольно* переведено из латинского описания сей осады, приложенного Леун-

клавицем к его *Annales Turcicí* напечат. 1596 года в Франкфурте и перепечатанного там же в *Peusneri Memorabilibus* в 1603 год. Любопытно видеть, как Гаммер в описании упомянутой осады по турецким источникам доселе неизвестным исчисляет *ad unguem* единственно те обстоятельства, которые находятся в упомянутой несколько раз изданной статье с тою однако разницей, что то место, в коем говорится, что Султан отпустил в Вену трех немецких пленных, дав им по 1 венг[ерскому] червонцу, переменил на это: что немцы, отпуская (взамен) турецких двух пленных, дали по два червонца, по свидетельству такого-то приведенного им писателя. Впрочем приставил он к сему описанию несколько турецких статей, в которых однако нет ничего почти, чем бы мог воспользоваться европейский историк.

Здесь снегу еще нет; в городе грязь. Впрочем благополучно и все тихо; по крайней мере я ничего не слышал. Здоров ли ты, Мих[аил] Петр[ович]? Кланяйся домашним; не умер ли кто? Поцелуй Аксаковым. Попроси Сергея Тимофеевича, если досуг у него, обрадовать меня несколькими строками. Во время скучи [так!] и грусти я всегда почти перечитываю старые письма друзей; et cela me fait beaucoup du bien. Eh bien! Si l'on ne veut pas faire l'aumone de foi-même, il faut en demander; c'est la maxime de tous les mendiens. Allons; soyez heureux mes amis, ne perde pas votre temps pour des bagatelles; c'est ce que je fais aussi, et j'apprens à présent l'irocquois, pour en développer devant vous toute l'eloquence perfrasive [?] pour obtenir de vous un aumone,

Vôtre pauvre George.

Поклон знакомым иже у Сергея Тимофеевича.

Пришли 4 Болгар и Марфу.

*ОР РГБ. Ф. 231/II. Оп. 48. Д. 17. Л. 35–36**.

¹ Имеется в виду Сидор — слуга Ю. И. Венелина, который в других письмах называется Дурнограем.

² «Болгар и Марфа» — сочинение Ю. И. Венелина «Древние и нынешние болгар» (т. I) и трагедия М. П. Погодина «Марфа Посадница» .

* На полях л. 36^{об.} написано: Я теперь здоров, слава Богу.

**Письмо Ю. И. Венелина к С. Т. Аксакову
(Бухарест, 27 декабря 1830 г.)**

Бухарест

27 декабр[я] 1830.

Вот уже у дверей 1831ый, а я все-таки не знаю, здоровы ли вы, дорогой мой Сергей Тимофеевич, живы ли вы, целы ли вы и пропасть других *ли вы!* С сентября я ни строки не получил от Михаила Петровича; я знал, что он лаконик даже чересчур, но нынешний его лаконизм слишком лаконический, если он в себе не заключает даже ни одного словца-словечка. Поневоле подумаешь, что действительно он теперь находится в обществе тех, которые перестали говорить до будущих вопросов Иисуса Христа. А наслышавшись о беде московской¹, я крайне беспокоюсь и на счет ваш, и то еще более, что в вас заключается около 9^и лиц, копх всех я так люблю и уважаю! В настоящем моем положении я нахожусь в двух смертельных крайностях, а именно: или вы тоже перестали говорить, или меня совсем забыли. Если вы напишете мне, как меня зовут, то избавите из обеих крайностей... и я спасен. А это дело, право, великое, благородное... спасать бедняков! Впрочем, я очень знаю, что при шалостях холеры и вы сами должны искать спасения; вот что и составляет мою беду; и вы видите, что мое спасение зависит от вашего спасения, и что посему желать себе спасения я не могу не желать оного и вам! Если может быть какая-либо новость приятна для меня, то можете быть уверены, что это именно есть известие о здоровье, о состоянии вашего доброго семейства. Трудясь в уединении и будучи отстранен от всяких обыкновенных страстей, я, однако, не мог по сию пору избавиться от одной, а именно от чистосердечной привязанности к вашему добруму семейству, в котором я провел многие золотые минуты моей жизни. Новости о сурпизном состоянии Москвы недавно поразили меня; правда, Михаил Петрович писал о появлении холеры; но я утешался тем, что присудствие самого правительства и множества врачей противопоставит деятельные преграды сему Бухарскому Пройденышу. Теперь спешу принять участие в неприятностях вами претерпеваемых. Ласкаюсь, однако, тем, что знаю в вас отца расторопного,

человека благоразумного и опытного и даже почти медика; несмотря на сие я не успокоюсь до тех пор, пока вы сами меня не успокопте, если это возможно. Воображаю себе все беспокойства ваши, не стану повторять о моих; дай бог, чтобы они были понапрасну. Известите меня поскорее; признаюсь вам откровенно, что известие от родных не было бы мне приятнее вашего. Сам не знаю тоже, что думать и о семействе Михаила Петровича.

Я, слава Богу, теперь здоров; сплю и пишу целые дни с утра до вечера; да и самая неприятная погода удерживала меня взаперти. Попытки мои заключаются преимущественно в грамотах и в разных выписках, и по крайней мере могу сказать, что недаром ездил. Впрочем многое открывается только временем, и я теперь из опыта вижу, что время, назначенное для путешествия моего, мало даже для одной Валахии. Слишком 50 славянских грамот и 11 снимков покажется из Митрополитского архива, где еще будет работы на некоторое время, а после пущусь бродить по монастырям. Для русской истории есть у меня славные вещицы.

В Бухаресте и по сию пору нет снега, на днях стало немножко морозить в утренние часы; город довольно скучен несмотря на его многолюдность. Из моих знакомств кроме Митрополии не могу вам насчитать много; два болгарские ученые², наш почтмейстер Яковенко (Игнатий Павлович) и подполковник Главного штаба Менд. Впрочем работалось бы веселее был [бы только утешен со стороны Москвы].

Целую вас сто крат, любезнейший Сергей Тимофеевич; целую ручку Ольге Семеновне; и Костю и Гришу и Ваню, и Побратима; поклон мой низкий сударыням боярышням. Поклон почтенному Григоричу. Послал бы с дюжину поклонов и другим добрым нашим общим знакомым, но чай они теперь не часто бывают у вас, а посыпать к ним через карантин окуренные дымистые поклоны чай не позволяет. Побраните Михаила Петровича, что не пишет; а разве беда и труд написать две только строки: *Мы де здоровы, и Аксаковы здоровы, и баста!*

Не забывайте не забывающего вас

Юрий Венелин.

РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 9. Л. 1-2.

¹ Речь идет об охватившей Москву эпидемии холеры.

² Имеется в виду Василий Ненович и Анастасий Нековиц.

43

**Письмо Ю. И. Венелина к М. П. Погодину
(Бухарест, 5 января 1831 г.)**

Бухарест

5го янв[аря] 1831.

Наконец собрался я было опять писать к тебе, любезнейший Мих[аил] Петрович; написал два; одно к тебе, а другое Сергею Тимофеевичу, все еще не зная, цели ли еще мои москвичи; к моей досаде у меня не стало мелких [денег? — слово пропущено], и я отправил только одно, удержав твоё по[ка] схожу за мелочью, как вдруг подают мне два письма. Я узнал твою ручище и удержал письмо к тебе до другого разу. Ты можешь быть любопытен знать, что было в нем? Просто я ругал тебя за долговременное молчание. Из прежнего твоего письма я узнал было, что холера в Москве только появилась; надеялся, что пройдет без беды; вскоре разносились толки по Бухаресту, будто по 800 умирало; я ужаснулся, несмотря на то, что и не верил совсем. Не получая, однако, писем, я поневоле крайне опасался о твоем семействе равно и об Аксаковых. И действительно можно было a priori заключить, что в большом городе могут быть большие жертвы. Так и село [так!] с сердца, когда в твоем письме я прочел, что умерло не более половины больных. Честь мерам и заботливости начальства; ты пишешь, что сам даже Государь Император решился побывать в холерическом городе, чтобы утешить и успокоить испуганный народ. Этот великодушный поступок нашего доброго царя меня крайне тронул. Благодарю и за другие подробности. Жаль, что и мне не приспал твоей Марфы, а как прощал бы! Пришли немедленно же хоть два-три экземпляра моего сочинения. Рад сердечно, что вы все уцелели. Что Хомяков; здоров ли пль еще принимая декамиллионные забавляется над своим здоровьем? Ему бы махнуть сразу сатиру на Ганемана, или лучше на наших его последователей. Я рад, что у Пушкина наконец появилась девятая

голова¹, а 9 голов в нынешней романтике не шутка. Еще в Одессе я узнал из твоего письма, что он сделался двуглавым²; чай скоро у него появится и третья глава; дай ему Лада сей дар; иначе почту за худого поэта. Шутки в сторону; слава ему за Годунова. История Бандке хороша, но коротка. История этой страны есть собственно часть истории русского народа; а эта к сему, кажется, не приспособлена. Бантыш есть приятное повторение; к нему есть у меня кое-какие прибавления, даже порядочные, преимущественно из жизни Богдана. Загоскин что-то медленно с своим [так!]; вот Булгарин молодец, успел уже Ивану Иванычу брата Петрушку, и как раз под Загоскина. Желаю Надеждину много успехов; но не в двоюродные ли готовит он свой Теле-Скоп к Графу? Ты хорошо сделал, что бросил Вестник³; ведь ты не годишься в журналисты. Дурнограй мой всплеснул руками от радости при известии о кончине московских журналов; «туды пм и дорога, — воскликнул он, — оттого-то Бог и наказывает Москву, ибо с тех пор, как расплодились в ней журналы, перестало и благочестие». Чай порадуется этому и изд[атель] Телегр[афа]⁴, повторяя умное изречение Дурнограя. Но ужели и дряхлый Вестник Европы⁵ опечалит Европу своим прекращением? Впрочем Атеней⁶ был всегда сух. Что третье дешевое издание Истории Карамзина? Я кое-как здоров. Сижу обыкновенно дома и занимаюсь. До сих пор я перебрал в Митрополии слишком 120 грамот; с 50 у меня списано; из других же я делал выписки, а в последних ничего замечательного не находил. Для палеографии славянской у меня теперь 9 хороших снимков. До сих пор мне не попадались еще грамоты старее 1437 году; большая их часть XVII века, слог хуже и ошибочнее, кажется оттого, что в эту эпоху волоцкий язык стал брать верх над болгарским. Многие грамоты я списал единственно для слога; а это очень нужно для истории языка. Однообразность в большей части грамот довольно скучна; содержание их большую частью права, или даже и судебные дела. Над иною приходится прокоптеть целые два-три часа, а после не найти в ней ничего замечательного. Вечные сокращения, уродливое правописание затрудняют работу. Более не остается делать ничего, как только переглядывать терпеливо. Остальные часы я исключительно посвящаю изучению византийцев, из коих иные находятся в митрополитской библиотеке. Теперь у меня лежат фолианты Михаила Дуки, Лаоника Халхокондилы, Никифора Григоры и Хроникон Георгия

Акрополита. Я рад был слушаю этому тем более, что их никогда не читал, ибо не везде их найти можно; а в Москве, кажется, их и совсем нет. Хроникон Акрополита я почти весь переписал в латинском переводе с многими выписками из греческого текста преимущественно, где место буквально важно, или же латинский перевод неверен. Из прочих же я делаю выписки. Дело в том, что археологу совершенно нельзя обойтись без византийцев; какой богатый источник! На сей раз по крайней мере я могу сказать с истинным удовольствием, что при сложении их я сделал весьма важное открытие для истории русской. Это есть особенная черта, никем еще не замеченная, в истории российской; черта юго-восточная. Это меня более радует, чем 20 грамот. Сидельческой моей жизни еще более способствовали два прошедшие пасмурные, грязные месяца. Других монастырей я еще не посетил; прийдет и их очередь; но прежде времени мне не хочется засуетить мирных монастырских жителей; т. е. пока не отделяюсь с Митрополией. Желал все кончить скоро, но ведь сил одному не достает; сижу, копчу половину дня пока навараю страницу или полиста. Я думал было беспокоить наших о помощнике, о писце; однако выходит на поверку, что писец не может мне быть существенно полезным, преимущественно при списании грамот; т. е. может наделать ошибок, да сверх сего, кто сумеет их читать. Ненович очень мог бы мне помочь; но он ныне депутатом от болгар и завален делами. Итак остается работать одному и .. делаю сколько [так!]. По грамотам очень кстати поверью и исправляю хронологический список волошских господарей, находящийся в сочинении г. Яковенки⁷. Это, кажется, единственный способ добыть чего верного. По грамотам очень видно, сколь не верна хронология и в Истории Валахии, писанной г. Фотину на греческом языке. Посмотрим, не отыщется ли что-либо относящееся к св. Киприллу и Мефодию. Им все кажется, что болгаре имели особенную Четью Минею о сих первосявителях. Некоторые болгаре филиппопольские мне сказывали, что в Рыльском монастыре почти ничего не находится археографического.

Теперь на поверхке вижу, что мне нельзя будет вычерпать всей старины Валахии, и моя поездка может быть разве только началом в трудах и как руководством для будущих русских археологов. Недавно я получил древнюю географию Дунайских стран в двух томах

Катанчица, объясненную и вырытую из надписей и монет. Достойное сочинение. Климат Валахии для меня не очень годится; часто тем или другим не здоров; впрочем решительно болен еще не был. Впрочем и сподельческая жизнь может на это иметь влияние и душевное состояние. Замечу тебе, что я ныне нахожусь в подобном же положении, в котором находился третьего года в Архангельске и знаменитый наш археолог Строев. Несмотря на самое скромное мое поведение, многие из нашей мелочи поглядывают на меня довольно косо. Идуши домой из Митрополии, я по дороге заходил обедать в одно место, где часто обедают и многие из наших чиновников или же офицеров. Я ни об ком никогда не заботился и не забочусь, однако пные полюбопытствовали поспроситься у меня, где я служу и давно ли в Бухаресте, чем занимаюсь. Обстоятельство, что я не служу ни в одной канцелярии, может быть кому показалось важным для недоверчивости, что я занимаюсь стариною, грамотами, вещь непонятная для таких людей, которые от роду не знают, что за животное археография, историческая старина, палеография и т. д. Сначала эта недоверчивость смешала меня, но когда гримасы дошли до того, что однажды один мудрец в полголоса напомнил разговаривавших за другим столом быть осторожным (т. е. предо мною) в словах, когда пные не стали тудаходить, я поневоле взбесился на пошлость этих дураков; но чтобы не лишать их застольного спокойствия, я перестал ходить туда и начал обедать в другом месте; но и здесь, заметив подобные же опасения, я опять перебрался в другую столовую. Тут играли и в билиард; однажды один штаб-офицер, который обедал с своим знакомым насупротив меня, мигнув обо мне глазом, категорически высказал своему знакомому: «Это, братец, человек опасной руки». Я сжал плечами и перестал обедать и там. Не стало более куда ходить по близости. Целые три дня, пытаясь дома куском хлеба и сыра, я нигде не обедал, пока не упросил Неновича принять меня за свой стол. Иной, твердого характеру, смеялся бы над пустыми опасениями людей бесстолковых, но я не желал быть причиной ничьего беспокойства и решился для всех сделать небольшое пожертвование. Ты знаешь, что после скучных архивных трудов нужно душевное отдохновение (т. е. развлечение), и этого я себя лишаю; я не бывал ни в каком собрании, ни в театре, чтобы по крайней [мере] не мешать своим присудствием ничьему удовольствию. Легко можешь себе представить, сколь это

для меня горько и прискорбно. Но этого недовольно. Однажды, идучи из Митрополии, на базаре я услышал голос: кто-то по-воловски велел кому-то пдти смотреть куда пойдет этот русский. Не будучи вблизи ни один русский, я тотчас понял, что дело идет обо мне, и вскоре заметил, что один еврей пустился за мною. Квартира моя была близко, но я сходил с 15 улиц и переулков, еврей все за мною; наконец я забежал к Неновичу. На третий день поутру на дворе стояло двое людей; проходя мимо, один закричал другому *Ламъ гыситъ* (Я его нашел), махнул глазом на меня. На другой день поутру вошел ко мне в комнату тот самый еврей, говоря, что ищет Кушниря, т. е. какого-то кожухаря. Не стану упоминать о других подобных намеках. Наконец, 1го января Ненович дал вечеринку, будучи именинником, многие из его родственников и знакомых (все почти болгаре) были приглашены. Он и меня просил. К крайнему моему неудовольствию и тут я заметил, что я даже опасен и для болгар!!! Один, у кого кто из наших стоит на квартире, зная русский язык, пустился со мною в разговор. Ты можешь себе вообразить, что я охотно желал слышать от него о старине, о преданиях об его народе, об его отечестве. Один или двое других прислушивались. Впрочем недоверчивость была написана на лице одного или другого; и к большей еще моей досаде, они кончили разговор между собою по-болгарски тем, что объявили меня *крайничкою*, т. е. представляющимся. Я не могу тебе изобразить всех моих беспокойств и того неприятного влияния, которое имеют эти обстоятельства на мое занятие, для которого так нужно спокойствие духа! Сверх сего моя, может излишняя, чувствительность беспрестанно мучит меня тысячу химерами [так!]. Находясь в чужом городе, посреди всеобщей недоверчивости, поневоле задумаешь печальную. И даже уединение тем более убийственнее для меня, что нахожусь здесь без всякого откровенного знакомства. Иногда бываю у Игнатия Павловича Яковенко, а иногда у подполковника Менда, находящегося при Президенте. Менд образованный и довольно милый человек; и может быть, что он меня не считает опасным человеком; тоже и Яковенко. Вот все. Сюда принадлежит и Генерального штаба капитан Вейнмарн, которые все к счастью моему понимают, что такое археология. У Президента я давно не был, ибо без дела беспокоить попустому я не намерен. Отличнейший вельможа. Я писал уже к тебе, что по

приезде моем он удостоил меня своего стола. На новый год я был его поздравлять; с трепетом вмешался я в толпу, затерялся и не успел поклониться. В Бухаресте теперь, слава Богу, все благополучно. Заговорили будто и в Галаце появилась холера; но, кажется, это несправедливо. Теперь и я, слава Богу; Сидор здоров; с прошедшего письма поумнел, очеловечился, и разговорчивее, и я немножко успокоился. Тужит о жене; я просил несколько раз сказать об ней, а ты ничего. На днях же я получил письмо и от Сергея Тимофеевича; благодарю его сердечно за память. От чего Будрин перестал учить Костю? Костя прибавил и от себя латинское; поблагодари его, что не забывает моего наставления. Не слышал ли чего о переводе моих Болгар на немецкий язык, над которым трудились в Дерпте? Скоро ли будет Шевырев из Рима; если будешь ему писать, прибавь и от меня поклон. Письмо твое ты изгадил вопросом: сколько ты мне должен, ибо де будто ты забыл, а рыться в бумагах не хочется. Как будто вытянуть из кармана по 1000 рублей для пересылки не было чувствительно для памяти! Если можешь, то пришли еще половину остального к февралю, т. е. все [? слово неразборчиво] очень пригодятся. Прости маленькому упречку. Целую тебя дружески. Если придется где-либо положить гол[ову? — конец строки выцвел], то вспомни о мученике. Будь здоров. Кланяйся домашним. Целуй Аксаковых. Пиши почаше. Это ведь моя душевная нужда. Будь здоров. До свидания!!!

Ю. В.

[На дн]ях пишу Академии: немножко опоздал.

ОР РГБ. Ф. 231/II. Оп. 50. Д. 9. Л. 6-7.

¹ Имеется в виду 9-я глава «Евгения Онегина» А. С. Пушкина.

² Речь идет о помолвке А. С. Пушкина и Н. Н. Гончаровой.

³ В 1830 г. М. П. Погодин прекратил издание журнала «Московский Вестник».

⁴ Издатель журнала «Московский телеграф» — Н. А. Полевой.

⁵ Издававшийся в Москве М. Т. Каченовским журнал «Вестник Европы» прекратил свое существование в 1830 г.

⁶ Издававшийся М. П. Павловым в Москве журнал «Атеней».

⁷ Имеется в виду сочинение И. Яковенко «Нынешнее состояние турецких княжеств Молдавии, Валахии и Российской Бессарабской области», рецензию на которое Ю. И. Венелин опубликовал в журнале «Московский Вестник» (1828. Ч. 10, с. 256–278, 373–392; Ч. 11, с. 160–174).

44

**Письмо Ю. И. Венелина к непременному секретарю
Российской академии П. И. Соколову
(Бухарест, 5 января 1831 г.)**

М[плюстивый] Г[осударь]
Петр Иванович,

С великим удовольствием имел честь известить, В[аше] Прев[осходительство] о небольших моих поисках в Бухарестском Митрополитском архиве. Еще более надежды мне подавали открытые мною тогда же, в связках бумаг, другие пергаминные листы. Но на сей раз исполнилась со мною пословица, что не так скоро дело делается, как слово говорится, т. е. до пергаминных листов я не иначе мог коснуться, как только разбирая порознь всякий бумажный пакет; мера архивная для поддержания порядка в бумагах. Иной пакет требовал одного дня, иной двух, иной мне доставлял какое-либо замечание или выписку, иной грамоту, а иной ничего. В сих занятиях проходил ноябрь и декабрь. Ныне списано у меня грамот 52, снимков для истории славянской палеографии 9. Сверх сего тетрадь выписан и замечаний. Может быть еще найду коего-чего в том, чего еще не пересматривал. Хранитель бумаг и грамот волох мне сказывал, что находятся некакие славянские книги на потолке; я их осмотрю по окончании бумаг.

Некоторое обстоятельство заставляет меня быть крайне осторожным. В людях я замечал недоверчивость ко мне; любопытства археологического просвещенных народов они понять не могут, и все один вопрос им мерещится, что за дело москалям с нашими грамотами. Боясь их засуетить вдруг, я поневоле должен был поступать умеренно в моих требованиях. Впрочем власти президента я обязан по крайней мере, что до сих пор не встречал ужимок или затруднений.

Библиотека заключает в себе много отборных и отчасти редких сочинений. В ней находятся и фолианты некоторых редких византийцев, которых я знал по одним только цитатам. Это было для меня при настоящих моих занятиях не менее важною находкою, как и грамоты. И действительно, изучение византийцев никогда для меня [не было] важнее, как теперь, и нигде так, как в Бухаресте, и ближе к местам. Таким образом я перетаскивал к себе в дом фолианты Никифора Григоры, Лаоника Халкокондилы, Георгия Акрополита, Михаила Дукп. И как всякий почти византинец имеет особенную свою географию и номенклатуру собственных имен, то иначе им воспользоваться в полной мере нельзя, не изучив их прилежно от доски до доски и не обратив внимание на греческий. Таким образом я списал почти весь *Хроникόν* Акрополита с выносками греческого текста, в коих обнаруживается множество ошибок в латинском переводе. Сей писатель весьма важен для болгарской истории, отчасти важен и для русской. В Москве (где впрочем их нет) я бы никогда не мог их читать с тою разборчивостью и догадливостью, как на берегах Дуная или Марии. Проницательный Леунклавий одолжен славными своими замечаниями на турецкие летописи тому только, что ездил читать латинский их перевод нарочно в Стамбул. Я бы себе не простил, если бы возле грамот не занялся и списками фолиантами. С великим удовольствием могу заметить, что внимательный труд при соображении этих писателей открыл мне вещь сверх моего чаяния, вещь, которая мне дороже многих грамот. Это есть совершенно новая черта, новая картина в русской истории, картина, стоящая летописи, но на которую, к сожалению, до сих пор не обращал внимания ни один из отечественных и иностранных историков России. Я рад, что в августе стеченье обстоятельств не позволило мне за Балканы, ибо я остался бы без того, чем теперь утешаюсь. И может быть на возвратном пути в Валахии не случилось бы мне так коптеть и перечитывать, как ныне. Истины или мысли нельзя искать, ибо она сама приходит почти случайно и смотря по расположению обстоятельств и понятий.

Вот мои душевые обстоятельства, т. е. обстоятельства изыскательского путешествия; и упомянуть о том, что, погребвшись в занятия, я, кроме Митрополии, в продолжение пяти-шести недель почти никак не шатался в грязное [время?], сюда не принадлежит. Одно вечное мое желание побывать на Афонской горе, несмотря на уверение одного

болгарина, что 12 фолиантов рукописных монахи продали лет тому 4–5 каким-то иностранцам.

Ожидаем в Букареcте посланника нашего; кажется, был бы случай. Архива княжества нет. Многие из бояр имеют тоже пергаменные славянские грамоты, но доступ к ним очень затруднителен по разным причинам, в чем меня убедили два-три опыта. Вообще здесь нена-видят славян; у волошских книгопродавцев я осведомлялся о старых славянских; один мне сказал с презрением: че драку факъ сы ку кырцеле *сербещи*, т. е. к коему чорту мне сербские книги! А другой, что поелику-де он по-сербски (т. е. славянски) не знает, то ничего не может сказать и о сербских книгах. Дело в том, что по рукам одни только славянские грамоты как вещи, от которых зависит право дворянства и поместья. Это вещь очень важная для того, чтобы показать ее *москалю*; а книги по монастырям¹.

ОР РГБ. Ф. 49. Папка V. Д. 149. Л. 14.

¹ На этом письмо обрывается.

В протоколе заседания Российской академии от 31 января 1831 г. имеется следующая запись содержания приведенного выше письма: «Секретарь читал полученное им из Букареcта от г. Венелина [письмо] от 5 генваря 1831 года, в котором между прочим он уведомляет, что рачительно продолжает заниматься сделанным ему Академией поручением, что он пересмотрел слишком 120 древних грамот, списал оных 52. Сделал 9 снимков для истории славянской палеографии и проч. Собранием определено: письмо сие хранить для сведения» (ПФ ААН. Ф. 8. Оп. 1. Д. 36. Л. 19).

45

Письмо Ю. И. Венелина к М. П. Погодину (Букареcт, 3 марта 1831 г.)

Букареcт

3 март[а] 1831.

Я страдаю всем, любезный Михаил Петрович, телом и характером. Я одинок, вот в чем мое несчастье. Я дойду до крайности. Как

дорого стоит мне услуга моя Академии! [так!]. Кажется, небеса и земля против меня. Может быть, я отчасти фантаст: впрочем в моем положении я не полагаюсь на фантазию. Мне кажется, что меня больше не станет. *Fiat artumtas Dei meuem.*

Странная вещь, что мне никогда не удавалось попадать на людей чистосердечных; многие вежливые, но это все не резон. Хотелось бы в Краеву, но болезнь моя мешает. Увидим, что Бог даст. Работать не могу, ибо я болен душою. На днях достались мне 5 грамот Мирчи от 1380 и 5 имп. Зигисмунда и некоторые другие. Как я жалею, что не дал Академии ученой присяги. Если переживу, то завтра писать буду Академии. Поклон Аксаковым. Целую тебя.

Юрий Венелин.

P. S.

Сидор здоров; но иногда горюет. Бедный человек. Моя трусость взошла до высочайшей степени; это значит просто раздражение нервов.
Adieu.

ОР РГБ. Ф. 231/II. Оп. 50. Д. 9. Л. 8.

ПИСЬМА С ОБРАТНОЙ ДОРОГИ: КИШИНЕВ — ОДЕССА — ХАРЬКОВ — МОСКВА

46

Письмо Ю. И. Венелина к М. П. Погодину
(Кишинев, 3 мая 1831 г.)

Кишинев

3го мая 1831.

Я еще жив, слава Богу! Хотя почти постоянно нездоров. На днях на силу я отдался от лихорадки. Чувствую себя все еще илже точки посредственности, но, веря простонародию, губы мои, осыпанные живописным жемчугом, показывают, что моей лихоманке более меня не трусить. Вот моя патология, любезный Михал Петрович. Я прибыл в Кишинев 30 апреля. Здесь хочу кое-чем заняться, а преимущественно песнями. Хотелось бы еще съездить по области кое-куда: сказывали, что есть вешица. Жалею, что проклятая холера помешала знаменитому нашему Строеву достроить свои чудеса! Надо заметить впрочем, что я не Строев покамест. Решительно ничего не знаю, каково проживаете день за днем в белокаменной. Чай у вас знойные дни, между тем как дакийские ветры и пароксизмы пробирают меня морозком. Слава Богу, что у вас теперь спокойно все от холеры. Теперь чай не трусите более. Meus Pythagoreus¹ здоров как бык, но боюсь, чтобы не забодал, ибо у него скоро будут рога; только еще хвоста недостает. Не знаю, сколько времени пробуду в Бессарабии; надеюсь, что не очень долго. Приехал ли Шевырев? Жалею очень о бароне Дельвиге, или лучше сказать, о том, что он мог написать в пользу красивых творений. Молодец Б. Розен, что двумя альманахами разрешился; а вам москвичам спасибо за благородный поступок в пользу пострадавших от холеры. Славное дело, коли частные умеют последовать примеру благотворительности правительства. Живы ли, здоровы ли

Аксаковы? Каково Надёжкин [так!] с своим Телескопом? Напиши в Одессу с *впередь до востребования*. Кланяйся от меня на все четыре угла Москвы. Решительно ничего не знаю, что каково на белом свете, ибо ничего подобного не читаю; только слышу кое-когда разговаривающих о *Панах добродзеях* или лучше злод... [так!]. Собираю песни. Грамот меныше стало. Климат Дакии измучил меня; впрочем может быть, что это такая пора. Будь здоров; поклон всем домашним и Аксаковым. Молись и трудись, только не жалуйся на труды, ибо они поддерживают и здоровье и карман и репутацию; вот три главные нужды человеческие. С моей стороны я тружусь коли могу; меня теперь более всего озабочивает комментарий на дакийские грамоты. Снимков 20. Завтра из гостиницы переселяюсь в Митрополию; там легче станет, а то не могу избавиться от жидков крамарей; чтобы избавится от одного фактора, я заказал ему 12 [слово неразборчиво] рукописей. Жидок скжал плечами и пошел немедленно спрашаться об этом товаре. Adieu, jusqu'on revoir. Целую Вас, любезный Сергей Тимофеевич, ручку вашей Ольге Семеновне. Не забывайте Вашего

Юрия Венелина.

Ручку Аграфене Михайловне, Петровне и еще какой-либо красавице. Поклон Мих[аилу] Иван[овицу] и всем домочадцам. Какая охота теперь к медицине! Не могу определить, что за дьявольская лихорадка была у меня! Впрочем более не боюсь ее: вчера, кажется, я рас прощался с нею.

ОР РГБ. Ф. 231/II. Оп. 50. Д. 9. Л. 9–10.

¹ Имеется в виду Сидор — слуга Ю. И. Венелина.

Письмо Ю. И. Венелина к М. П. Погодину
(Одесса, 10 июля 1831 г.)

Одесса.

10 июля 1831.

Дней тому несколько назад, любезнейший Михал Петрович, как я прибыл в Одессу довольно благополучно. Дня два-три я мало выходил, пбо грязь в городе непроходима, а дожди и ливни довольно частые. Побывал у некоторых знакомых, между прочим и у отца Петра Григорыча Казанского, просившего, при случае, черкнуть от него поклон издателю Телескопища. Я жив и здоров; в Одессе была холера, но уже прекратилась; с каким прискорбiem прочел я на днях, что этот бич возобновляется в некоторых местах России и даже в Петербурге. Право, быть Страшному Суду; не за грехи ли наши все это. Слава Богу, что у вас в Москве еще ничего не показывалось холерного на этот год. Сидор здоров; все вздыхает по Москве и мучит меня домой. Жаль только, что дороги в слякоти. Здоровы ли все домашние; целуй их всех от меня. Здоровы ли все у Сергея Тимофеевича; целую их всех до самого побратима! вырос ли? Поздравляю Мих[аила] Никол[аевича] Загоскина с успехом; поклонись ему в пояс; равно как и Семену Михайловичу, Петру Григорычу, et ceteris, quibus interese [так!] мой поклон. God dawn; I have purposed to accomplish my Archeologie in Moldavia, but проклятая холера помешала. Man kan nicht immer, was man will. Впрочем куда одному и вычерпать все!! Даst Бог, что Archeologia дакийская началась, но не кончится мною. Дай Бог поскорее увидеться и обняться благополучно.

Юрий Венелин.

ОР РГБ. Ф. 231/II. Оп. 50. Д. 9. Л. 11.

48

**Письмо Ю. И. Венелина к М. П. Погодину
(Харьков, 23 июля 1831 г.)**

Харьков.

23 июля 1831.

Вот я уж в Харькове, любезнейший Михаил Петрович; думаю здесь пробыть несколько времени, но не более одной недели. Я был раза два у Петра Петровича¹; он, любезный человек, принял меня вместе с своею достойною супругою очень ласково. Этого-то мне и надо. Думаю еще побывать у попечителя, в библиотеке и проч. Петр Петрович сообщил мне довольно любопытную рукопись, относящуюся до Истории Малой России. Едва ли пользовался онаю Бантыш. Кое-что выписываю из оной. Я, слава Богу, здоров; Сидор тоже. Из Харькова, если господь даст здоровье, я намерен заехать к брату в Брынь. Чувствую сильную нужду пожить времечко в деревенском уединении и тишине. Я писал в Академию из Одессы, оттуда же писал и к тебе.

Целую тебя сердечно и всех домашних. Может быть, если благословит господь, скоро увидимся. На случай пиши ко мне Калужской губ[ернии] Жиздринск[ого] уезда в фабрику и село Брынь. Целую усердно всех Аксаковых. Кланяюсь всем, кому подобает кланяться. Думаю пробыть в столице Украины хоть еще дня с 4. Не забывай твоего Юрия Венелина.

ОР РГБ. Ф. 231/II. Оп. 50. Д. 9. Л. 12.

¹ Имеется в виду П. П. Гулак-Артемовский — ректор Харьковского университета.

Письмо Ю. И. Венелина к С. Т. Аксакову
(Брынь, 24 августа 1831 г.)

Село Брынь.

Август 24 1831 года.

Наконец! Наконец, обрадовали вы меня, любезнейший Сергей Тимофеевич, весточкою о вас и вашем дорогом семействе. Грусть по мне вашей доброй семьи в теперешнее время для меня самый приятный бальзам. Я приехал вчера в Брынь мокрый как щука; брат подал письмо ваше золотое. Хотелось бы времечко поотдохнуть в Брынин. Михаил Петрович пишет: *приезжай скорей, скорей*, а брынцы добрые мне угрожают не пустить меня к вам хоть в три месяца; что станешь делать! Как бы желал я теперь разорваться на двое. Впрочем как бы то ни было, надо вас удовлетворить; впредь до приезду моего посылаю вам мое¹. В Курске я гостила в Аптеке у сестрицы и брата Антона Францыча Томашевского; в надежде, что я останусь в Курске еще несколько дней, добрые люди просили меня переселиться к ним; в Харькове недели две с лишним обедал то у попечителя, то у Артемовского, то у Пауловича; переписывал кое-что летописное, кое-что достал в Курске и кое-что в Орле.

Целую вас, ручку Ольги Семеновны и Костю за память. Михаюша опомещился?² браво! Если он не в Москве, а в своем раю, как я думаю, то не знаю, как ему и куда писать. Давно не читал ничего русского и не знаю, что деется на сцене литературной. Попросите его, Михаила Петровича, чтобы мне для развлечения, или лучше удовлетворения моему любопытству, прислал мне свою Марфу³; я бы просил даже и Николая Иванча⁴ одолжить кое-чем из его звездоснимательного Телескопа: хотелось бы поглязеть на него. Куда как придумано имя! Куда как должно видеться высоко! (и далеко!). Уж право дайте поглязеть, что такое видно. Но смотрите, чтобы стеклышики были чисты и показывали бы точно и верно, а не криво. Мне сказывал кто-то, а именно некто глазевший в эту звездочетную машину, что он видел в ней портрет одного великого человека (Да ужел Н. П. не великий человек?); ай да харя! что за харя! воскликнул упомянутый кто-то. Дайте поглязеть; привезу назад с благодарностью: *по первой*, покорно прошу, может быть, усмехнусь, или

засмеюсь, или даже буду хохотать. А это мне крайне нужно. Если меня не забываете, то прошу побеседовать почаще; мы соседи, а дело между соседями хоть через забор, а все окликиваться, пока не придется сойтись на один двор. Адресуйте в Брынь. Надеждину [так!] поклон от меня в пояс и от монаха Сергия, бывшего чем-то на Перерве, от Казанского Петра Григорича. Погладьте достойнейшего Щепкина в подбородок. Давно ли начал Дмитрий Матвеевич свои высшие взгляды? Ему просил меня звездочет над рекою Курою доставать от него $13 + a + x + \frac{3000}{1,0000}$ поклонов; но поелику я на время-времячко остановился над Брынью, то в сем настоящем пересылаю оные $13 + a + x + \frac{3000}{1,0000}$ поклонов и к оным прилагаю своих $y + z + \frac{170}{1000001} + b + c +$ поклонов и 777 + abc + 00000000000000 + 0000001 + 2 уважений и почтений и того... право не сочту всего.

Давно ли Петр Григорьевич женат, и на ком? Вот наконец попал на путь спасения.

Я грешный тоже хотел было подобным образом спастись, но дура думала, что, когда я на нее нежно смотрел, сердит был!!! А в самом деле во весь опор силился я влюбиться на дороге, но сколько ни дулся, не успел. Я думал, что поклониться в пояс по старинному русскому обычаю значит изъявлять любовь. Чорт угадает, comment se qu'il s'y prendre.

Пишите и прсылайте.

Целую Ольгу Семеновну в руку, в шею, в лоб, в плечо. Довольно с вас покамест.

Ваш Юрий Венелин.

РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 9. Л. 3-4.

¹ После слова «моё» в письме нарисовано сердечко.

² Речь идет о том, что М. П. Погодин купил имение Серково в Дмитровском уезде Московской губернии.

³ Имеется в виду трагедия «Марфа Посадница» М. П. Погодина.

⁴ Н. И. Надеждин, издатель московского журнала «Телескоп», который начал выходить в 1831 г.

Письмо Ю. И. Венелина к М. П. Погодину
(Брынь, 14 сентября 1831 г.)

Брынь.

1831 сент[ября] 14.

Вот уже три недели, любезнейший Михаил Петрович, как я живу в деревне. Как славна жизнь уединенная и безмятежная! Заехал, чтобы повидаться и вместе поотдохнуть; в Орле чуть не свалило было с ног. Я думал не более недельки спать и полениться в Брынне; а остальное я предполагал вылениться у тебя в твоем раю, тем более, что Христа ради приглашаешь в оный. А н вот как вышло! Холод, да ветер, да ежедневные дожди, да грязь заставили меня отзавтракивать выезд до сего дня. Отдыхаю в полном смысле слова, т. е. ем, пью, не делаю ничего или очень мало. На днях прочел *de Divinatione*, многое *de Natura Deorum*, *de Officiis*; мне кажется, что, не делая ничего, нельзя ничего сделать больше! Вот диалектика! преимущественно *de Divinatione*. В первый раз читаю эти вещи, и как удивился я, что у старого стряпчего нашел многое не только своих мыслей, но даже и оборотов в мыслях! В VI части М[осковского] В[естника] тебе не очень нравится порядок мой в изложении Болгар; что-то и мне казалось похожее. Но и ты не прав и я не прав; Цицерон на стороне Болгар. Тебе, друг мой, не нравилось нескользократное повторение одного и того же в моих Болгараах; ты думал, что надоно печку пересыпать. Но я тебе замечу, что Цицерон с своим Богами был в таком же затруднении как и я с моими Болгарами. Вот что он говорит в извинение за частые повторения: *Nam si singulas disciplinas* (т. е. всякое мнение порознь) *percipere magnum est, quanto majus omnes? quod facere iis necesse est, quibus propositum est veri reperiendi caussa et contra omnes philosophos et pro omnibus dicere. Dictum est omnino hac de realio loco diligentius; sed quia nimis indociles quidam tardique* (тупоумие) *sunt, admonendi videntur saepius.* Бедный Цицерон! Он тоже сражался с фокусниками и с исчезаниями; послушай, что он говорит с порядочною язвительностью: *sed nescio, quomodo isti philosophi superstitionis et paene fanatici quidvis malle videntur, quam se non ineptos. Evanuisse mavultis et extinctum esse id quod si umquam*

fuisset, certe aeternum esset quam ea quae non sunt credenda non credere. Дело идет на счет существования подземной силы в оракуле Делфийском. Жаль, что я его не читал прежде с вниманием. И проч. Вот в сообществе какого человека я провел неделю! Теперь погода понемногу устанавливается; на днях думаю пуститься в путь, если Бог даст здоровье. Брат хотел бы проводить меня до Калуги, т. е. слишком 100 верст, но кое-какие больные егодерживают на несколько дней. Я писал Сергею Тимофеевичу; хотел было писать и тебе, но думал, что ты за 60 верст от Москвы. Целую тебя и твоих домашних; поклон Сергею Тимофеевичу, Ольге Семеновне. До свидания; не забывай твоего

Юрия Венелина.

ОР РГБ. Ф. 231/II. On. 50. Д. 9. Л. 13–14.

51

**Письмо Ю. И. Венелина к С. Т. Аксакову
(Брынь, 14 сентября 1831 г.)**

Брынь

14 сент[ября] 1831.

Мне совестно стало, любезнейший Сергей Тимофеевич, что я беспокоил вас просьбою писать в Брынь, сам не зная, долго ли пробуду в сем прелестном месте и в очаровательном кругу владельцев оного. Если бы ненастная погода не помешала мне, я был бы уже теперь в Москве в Матушке. Ныне за столом я узнал о взятии Варшавы. Слава Богу! Весь круг оживился, и обед прошел очень весело. Я думаю, у вас еще веселее. Как быть иначе? Чай рад до потолка наш фанатик малый. Оставьте его резвиться. На днях я начитал у Цицерона, что важные римляне позволяли детям своим резвиться насчет иноплеменников. Если Вера Сергеевна похорошела, т. е. поумнела, так прошу вас передать ей от меня поклон и спроситься у побратима, помнит ли он меня.

Мне сказывают, что с тех пор как я в Брыни, приметно поправился и поздоровел. Я с сею почтою писнул кое-что и Михаилу

Петровичу, но и это только на удачу; чай он райствует в своей вилле. На днях надеюсь поднять ноги на плечи, чтобы поскорее обнять вас и поцеловать и в ручку, и в локоть вашу Ольгу Семеновну. Мой поклон Петру Григорьевичу. Не забывайте вашего

Юрия Венелина.

РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 9. Л. 5.

52

Письмо Ю. И. Венелина к М. П. Погодину
(Москва, 16 октября 1831 г.)

Москва.

16. окт[ября] 1831.

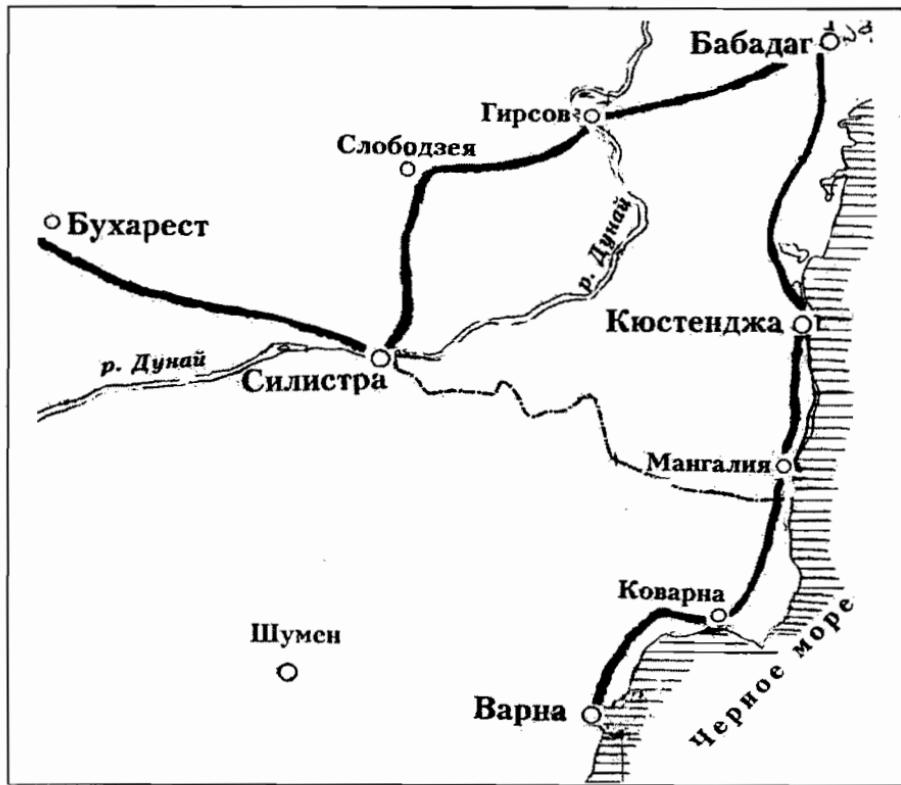
Как я сожалел, что не застал тебя в Москве¹. Пишешь, что раза три писал ко мне в деревню, а я только всего получил от тебя одну приписку к письму Аксакова. Спрашиваясь о моих намерениях; их не трудно разгадать; ведь знаешь, что все у меня на лоскутках и что все это обработать надо будет, а иначе представить Академии нельзя. Посему и поездку в С. П[етер]бург надобно будет отсрочить по крайней мере до приведения в порядок песен и грамот. Я не знаю, следует ли мне и из Москвы уведомить Академию о моем приезде. Впрочем прошу тебя побывать у Александра Семеновича² и представь о нужном времени для обработки. Если что, так уведомь меня. Возьми для меня и привези *Resumé Geographique de la Turquie et de la Grece par Citoyen Grec*, в маленьком формате. Я был на прошедшей неделе не здоров от простуды, но теперь слава Богу. Михал Иванович уехал в Тверь. Домашние слава Богу. Ольга Семеновна родила дочь. Сейчас зовут к больному, не дают дописать. Целую тебя.

Ю. Венелин.

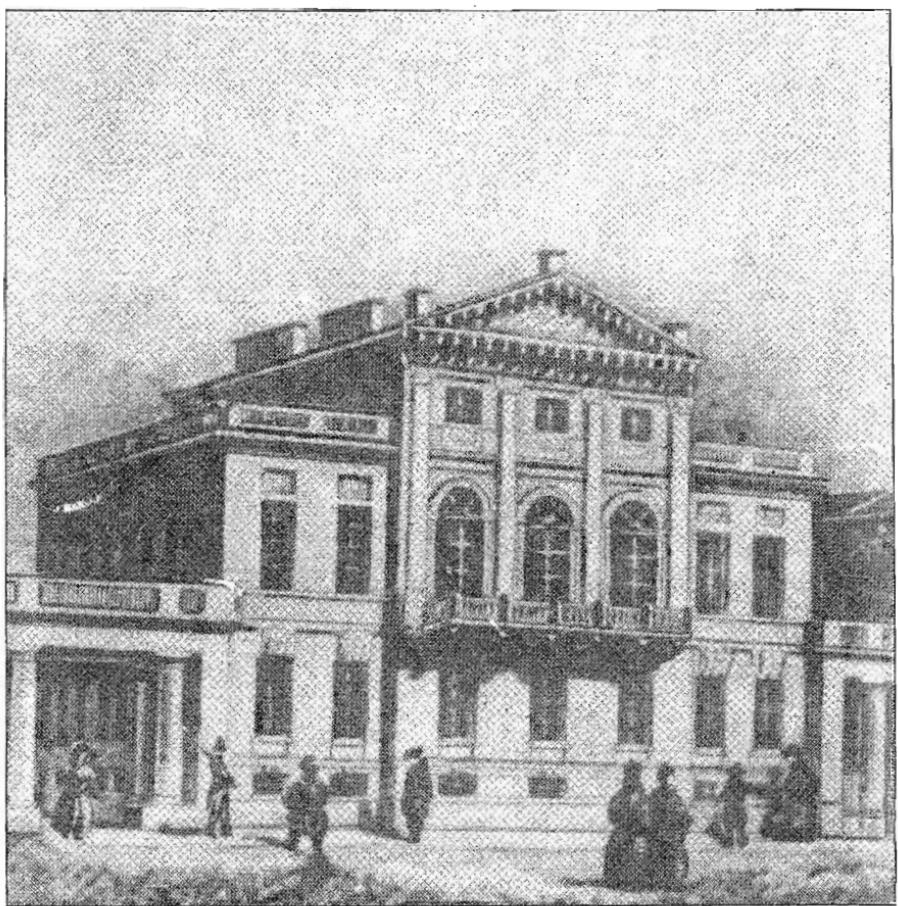
ОР РГБ. Ф. 231/II. Оп. 50. Д. 9. Л. 15.

¹ Вернувшись в Москву Ю. И. Венелин не застал М. П. Погодина, который в это время был в Петербурге, куда и было адресовано письмо.

² Имеется в виду президент Российской Академии А. С. Шишков.

Путь Ю.И. Венелина из Варны в Бухарест

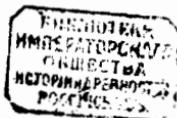

Здание Российской Академии в Петербурге. С гравюры Гоберта, 1834 г. (В настоящее время: В.О., 1-я линия, д. 52)

А.С. Шишков — президент Российской Академии

Во Императорскую Россию.
сую Академию.

Он Членом въ съ-богатшаго посторония представляемою Императорской Римской Академией Философии, кою я изданъ.
о Болгарахъ, помогаю по заслугамъ учения бы оно не под-
нимало въ Древностихъ города и языка Славянскаго имѣло
широкое applicationъ къ предмету ее занятий.

Желая продолжать и распространять свои изысканія,
и въпомѣтъ оставляемъ председателю Академии все благород-
иа въздѣль, познаніе чистоты и ясности письма съдѣ-
жимо възвѣшаніе възгораютъ съ честа совершеніе ученаго Ну-
менесмвія по Болгарѣ отъятъ Классической для фи-
лологовъ и Историковъ Славянскаго, обитавшаго тесноза-
дѣлъ.

Фрагмент чернового письма Ю.И. Венелина в Российскую Академию.
Не позднее 17 сентября 1829 г.

ДРЕВНИЕ и НЫНЪШНИЕ БОЛГАРѦ

**ВЪ ПОЛИТИЧЕСКОМЪ,
НАРОДОПИСНОМЪ, ИСТОРИЧЕСКОМЪ И
РЕЛИГІОЗНОМЪ ИХЪ ОТНОШЕНИИ**

къ

РОССІЯНАМЪ.

Историко-Критический изысканій

Юрия Венелина

Т о мъ I.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

1829.

Титульный лист книги Ю.И. Венелина «Древние и нынешние болгаре». 1829

Михаил Петрович Погодин — профессор Московского университета.
Литография П. Бореля.

СОДЕРЖАНИЕ

О путешествии Ю. И. Венелина в Болгарию (<i>Венедиктов Г. К.</i>).....	3
Официальные бумаги, касающиеся подготовки путешествия Ю. В. Венелина в Болгарию.....	17
Подготовка Ю. В. Венелина к путешествию в Петербурге.....	45
Начало путешествия: Москва – Харьков – Одесса.....	69
Письма с Балкан: Варна – Силистра – Бухарест.....	95
Письма с обратной дороги: Кишинев – Одесса – Харьков – Москва...	143

Научное издание

УЧЕНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ Ю. И. ВЕНЕЛИНА
В БОЛГАРИЮ
(1830–1831)

Публикация подготовлена Г. К. Венедиктовым

М.: Институт славяноведения РАН, 2005. — 153 с.

Ответственный редактор
кандидат филологических наук В. С. Ефимова

Обложка М. И. Леньшиной

Подписано в печать 13 декабря 2005 г. Усл. печ. л. 10
Тираж 300 экз. Заказ № 275 . Цена договорная.

ООО «Пробел – 2000»
Москва, ул. Поварская, д. 36

